55 коп.
Пер. 15 к.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ — ЗА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТОЙ

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

ЗА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТОЙ

СБОРНИК СТАТЕЙ

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

ЗА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТОЙ

ТРОЦКИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ПОСЛЕ XV СЪЕЗДА

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение «За последней чертой» V
У последней черты (антипартийные группы после XV съезда) («Большевик» № 23—24 за 1928 г.) 1
Вчерашний и завтрашний день троцкистов (Их путь) («Большевик» № 2 за 1929 г.) 19
О двурушничестве вообще и двурушниках-троцкистах в частности (Большевик» № 4 за 1929 г.) 48
Мистер Троцкий на службе буржуазии, или первые шаги Л. Троцкого за границей («Большевик» № 5—6 за 1929 г. и «Правда» от 8/III 1929 г.) 66
Еще о мистере Троцком («Правда» 22/III 1929 г.) 78
Отход троцкистов («Правда», 27/IV 1929 г.) 90
Принципиальное обоснование ренегатства («Правда» 12/V 1929 г.) . 95
Как «отвечает» Троцкий и как рабочие отвечают Троцкому («Большевик» № 9—10 за 1929 г.) 103
Сумерки троцкизма («Правда» 14/VII 1929 г.) 124
Мертвые шагают быстро (Развал троцкизма) («Большевик» № 18 за 1929 г.) 131

Приложения.

Два документа («Правда», 15/I 1928 г.) 169
Письмо в редакцию ЦО Зиновьева и Каменева 174
Заявление 23 членов оппозиции 18/XII 1927 г. 182
Постановление съезда по поводу заявления 23 членов оппозиции, принятое 19 декабря 183
Заявление Пятакова 28/II 1928 г. . . . . —
Заявление Серебрякова («Правда» 28/VI 1929 г.) 186
Заявление Дробниса («Правда» 30/VI 1929 г.) . . . . . —
Заявление 38 троцкистов об отходе («Правда» 28/V 1929 г.) . . . 188
Заявление Преображенского, К. Радека, Смилги («Правда» 13/VII 1929 г.) 190
Заявление Смирнова и Богуславского 27/X 1929 г. 194

Главлит № А—52653 Гиз № 36680 Заказ № 45 13½ п. л. Тираж 25 000 экз.

Типография Госиздата «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская ул., дом 16.

ОБЪЯВЛЕНИЕ В АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ГАЗЕТЕ „НЬЮ-ЙОРК АМЕРИКЭН“

ВВЕДЕНИЕ

ЗА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТОЙ

Год тому назад в «Большевике» появилась статья «У последней черты», посвященная оппозиции [1]. Тогда мы пытались подвести итоги борьбы оппозиции за 1928 г. В последующих статьях дана была картина дальнейшей эволюции троцкистов и троцкизма. 1929 г. внес полнейшее разложение в ряды оппозиции. Ряд опубликованных в печати индивидуальных и групповых заявлений об отходе от оппозиции, ряд опубликованных в печати документов троцкистского подполья вскрыл всю контрреволюционную сущность троцкизма. Нам остается мало что прибавить к тому, что было сказано в этих статьях. Мы хотели бы только в настоящей статье осветить отношение троцкистов к правым и показать, на какой позиции остались те троцкисты, которые не хотят быть вместе с «капитулянтами», т. е. с большинством бывших своих соратников.

Мы заранее оговариваемся, что отнюдь не рассматриваем эту последнюю группу «твердокаменных» троцкистов, как нечто совершенно однородное. Мы знаем, какая величайшая путаница, какой непроходимый хаос взглядов царит среди этой оставшейся группы троцкистов.

Мы сознательно выделили троцкистов из всех других подпольных антипартийных и антисоветских групп,—отнюдь не потому, что мы считаем троцкистов непримиримо враждебными этим другим группам (сапроновцам, мясниковцам). Наоборот, читатель может неоднократно убеждаться в идейной близости троцкистской идеологии к идеологии мясниковщины и децистов.

Если Троцкий например в статье «Кризис право-центристского блока» уверяет, что «настоящие бои еще впереди... вопрос об Октябрьской власти, который сейчас будет решаться миллионами и десятками миллионов»; если он думает,

---

[1] «Большевик» № 23—24 31 декабря 1928 г.

что этот вопрос будет решаться «с открытым применением силы»; если он в другом месте заявляет (в директивном письме от 21 октября 1928 г.), что в настоящее время у нас в СССР—«керенщина на изнанку»; если последователь Троцкого С. Геворкьян предлагает готовить пролетариат СССР к гражданской войне и «вооружить его к предстоящим боям», то они не так далеки от децистов, утверждающих, что «перед рабочим классом СССР стоит грандиозная задача восстановления диктатуры пролетариата путем устранения от власти враждебного ему класса мелкой буржуазии, путем длительной классовой борьбы, путем новой пролетарской революции» [1].

И пусть при этом в официальных документах троцкисты двадцать раз клянутся, что они стоят «не за революцию, а за реформу», всякий увидит сходство постановки вопроса у Троцкого и дециста В. М. Смирнова, который призывает помнить, что необходима «новая революция, завоевание диктатуры пролетариата». А вся подпольная оппозиция, какими бы лозунгами она ни прикрывалась, является не чем иным, как сознательной или бессознательной агентурой классового врага в нашей стране.

«НЕПОКОЛЕБИМО ВЕРНЫЕ ПЛАТФОРМЕ»

«Платформа» троцкистов в 1927 г. была подписана 13 членами ЦК и ЦКК. В настоящее время (конец 1929 г.) от этих подписей остались три. Подавляющее большинство сторонников этой платформы, подписавшихся под нею, сняло свои подписи. Троцкистская оппозиция может говорить лишь от имени ничтожнейшего меньшинства, оставшегося «непоколебимо верным платформе». Да и среди оставшихся, как свидетельствует об этом письмо Е. Солнцева [2], царит «паника и растерянность...», «полное идейное и моральное разложение». «Никто больше никому и ни во что не верит....» И вот, под влиянием такого банкротства, в основе которого лежало банкротство платформы троцкистов, Х. Раковский и его друзья решаются сделать партии заявление, смысл которого расшифровывает тот же Е. Солнцев в опубликованном нами письме.

[1] Предисловие нелегального центра децистов к письму Сапронова от 9 августа 1929 г.

[2] См. статью «Мертвые шагают быстро».

«Задача заключается в том,—писал Е. Солнцев,—чтобы попытаться превратить этот шаг (капитуляции остатков троцкистской организации.—*Е. Я.*), которого мы предотвратить не можем, в маневр с нашей стороны вроде того, какой был сделан 16 октября 1926 г. Думаю, что этим путем можно было бы временно приостановить или хотя ввести в известные границы нынешнее беспорядочное паническое отступление и взять инициативу в свои руки хотя бы при помощи этого похабного шага...» Предлагая этот план, троцкист Солнцев предвидел, что «в нынешних условиях это опаснейший и рискованнейший шаг, это ход ва-банк, это почти авантюра».

На что они рассчитывали? Троцкисты, как и правые, рассчитывали, что осенью 1929 г. неизбежен кризис. Они рассчитывали на затруднения. Их основная ставка все время—на эти трудности.

«Осенью,—читаем мы в том же документе,—несомненно развернется большая драка в стране, а следовательно и в партии. Тогда возможны два варианта в ходе событий: либо... появятся шансы на то, что нам удастся на более выгодных условиях проскочить в партию всем течением, либо... мы опять вступим в бой. Именно поэтому нам важно многих удержать...»

Однако маневр этот был нами разоблачен раньше, чем троцкисты успели его развернуть. Опубликование письма Е. Солнцева раскрыло, какими краплеными картами играют троцкисты. Раковскому ничего другого не оставалось сказать, как то, что они, троцкисты, не согласились с установкой Солнцева, и их заявление (под которым имеется и подпись Солнцева и с которым в основном солидаризировался и Троцкий) исходит из других мотивов.

Мы не считаем нужным очень подробно останавливаться на этом заявлении Раковского, под которым имеется немало подписей бывших меньшевиков.

Укажем однако на то, что оно содержит в себе чисто меньшевистские оценки существующего положения, чисто по меньшевистски критикует нашу партию. Ока-

зывается, у нас только теперь начинается социалистическое строительство, да и то оно начинается «при глубоко зашедшем разложении государственного, профессионального и партийного аппаратов, при значительном разброде в середняцтве и отчасти в крестьянской бедноте, при недостаточной подготовленности рабочего класса, захваченного врасплох рационализацией...»[1] и т. п.

Свой собственный разброд, свое собственное разложение, свою собственную неподготовленность эти люди принимают за неподготовленность рабочего класса, за разброд в трудовых массах крестьянства. Как слепые щенки, скулят они о наличии глубокого идейного разброда в партии, сумевшей мобилизовать многомиллионные массы на выполнение гигантских задач социалистического строительства. Невиданный размах творчества масс, темпы строительства, о каких никто из нас никогда не мечтал, глубочайший подъем массового творчества, энтузиазма, социалистического соревнования, роста ударных бригад, ударных цехов и предприятий, сплошной коллективизации целых районов, республик, областей и т. п.,—все это идет мимо этих людей, каркающих о том, что «всякий новый этап в осуществлении пятилетнего плана будет воспроизводить в известный период в расширенном масштабе экономические и политические трудности предшествующего» (таскать вам—не перетаскать!). Они милостиво допускают однако, что «пятилетка может сыграть революционную роль, стать важнейшим этапом в развитии классовой борьбы и средством укрепления пролетарской диктатуры». Они делают удивительное открытие, «что это возможно лишь при условии, что осуществление ее будет обставлено гарантиями, обеспечивающими сплочение вокруг пятилетки пролетариата и крестьянской бедноты под руководством коммунистической партии». Когда в стране все пришло в движение, все кипит, когда огонь энтузиазма захватывает самые отсталые слои трудящихся, эти фразеры ничего не находят лучшего, как болтать о недостаточности поднятия жизненного уровня рабочего класса, сводят всю роль профсоюзов в период социалистической реконструкции чисто по-трэд-юнионистски к роли «защитников интересов

[1] Заявление Х. Раковского от 2 октября 1929 г. в ЦК и ЦКК.

рабочих», выступают против решения партии о единоначалии в управлении производством.

Они повторяют меньшевистские, оппортунистические наскоки на Коминтерн, который, по их мнению, продолжает «в идейном отношении колебаться между оппортунизмом и ультралевизной» (то ли дело Троцкий и К°!), «а в организационном отношении применять осужденные опытом бюрократические методы руководства».

А как же с платформой?

Оказывается, «самый ход классовой борьбы, ее обострение, выделение в партии правого течения с вытекающей отсюда опасностью для пролетарской революции, устранил отчасти те барьеры, которые отделяли оппозицию большевиков-ленинцев от партии».

Обещают ли эти люди прекратить борьбу против партии? Нет, они заявляют, что со своей стороны они будут «стремиться к устранению остроты в отношениях к партийному руководству...»

При этом они убеждены, что их заявление «встретит сочувствие и поддержку подавляющего большинства партии и рабочей массы».

Уже из одного этого видно, как далеко эти люди ушли от партии и рабочей массы, потерявши всякое чутье. Удивительно ли после этого, что ЦК и ЦКК партии отказались даже рассматривать этот меньшевистский документ, оставив его без ответа?

ПРАВЫЕ И ТРОЦКИСТЫ

Платформа троцкистов словесно заострила вопрос о борьбе с правыми. Когда же партия заявила, что правая опасность является главной для переживаемого периода, троцкисты усиленно принялись доказывать, что это лишь «маневр», «зигзаг» и продолжали повторять, что только они, троцкисты, стоят за последовательную борьбу с правыми. Однако всем известно, что эта «последовательность» троцкистов ничем не отличается от последовательности Пауля Леви, Бартельса и многих других «левых» социал-демократов, обретших ныне пристанище в лоне II Интернационала. Когда просматриваешь сейчас установки бывшей рабочей оппозиции и знакомишься с лозунгами, которые сторонники рабочей оппозиции бросают в массы в своих листовках, видишь ясно, как

близки эти лозунги к лозунгам меньшевиков. Самый архилевый—Мясников докатился до издания подпольного листка «Рабочий путь к власти», совершенно в духе мелкобуржуазного синдикализма, который даже трудно скрыть под самыми архиреволюционными фразами. Самый левый децист—В. М. Смирнов доболтался до такой постановки вопроса о связи строительства социализма в СССР с международной революцией, что даже кое-кто из троцкистов вынужден был упрекнуть его в национальной ограниченности.

Мы этим реакционным писаниям децистов и мясниковцев надеемся уделить в ближайшее время некоторое внимание, чтобы ознакомить с ними партийцев. Чем «левее» фразы, тем реакционнее выводы,—к такому заключению приходишь, знакомясь с документами оппозиции.

Однако не лучше обстоит дело с самими троцкистами. Когда перечитываешь бесконечные грозные филиппики троцкистов против правых, не можешь отделаться от того, что это лишь словесная шумиха. Троцкисты не прочь были заключить блок с правыми, если бы такой блок был возможен. Это им тем легче было бы сделать, что в их среде много самых доподлинных меньшевиков, чистокровных, так сказать, правых. Мы осудили неправильные взгляды правых, в том числе т. Бухарина, по вопросу о «врастании кулака в социализм». Но всякий может убедиться [1], что Троцкий в 1925 г. в этом вопросе не расходился с т. Бухариным. Он доказывал, что необходимо на известный период пойти на «расширение рамок для товарно-капиталистических отношений в деревне», что «кулак, богатый крестьянин, который продает хлеб через посредство государства, позволяет государству получать иностранную валюту, за которую мы можем ввозить машины для наших заводов, это—плюс, это содействие приближению к социализму».

Вряд ли надо доказывать, что никакой принципиальной разницы между ролью кулака, «врастающего в социализм» (правая оппозиция) и ролью троцкистского кулака, «содействующего приближению к социализму»—нет.

Однако и по ряду других вопросов можно легко установить пункты идейной близости троцкистов и правых. Этим мы вовсе не хотим сказать, что троцкисты и правые—одно и то же. Такая постановка вопроса могла бы привести к ослаблению борьбы как против троцкистов, так и против правых.

[1] См. в настоящем сборнике статью «О двурушничестве».

Возьмите например вопрос о нэпе. Что нэп есть путь социалистического наступления—об этом часто забывали оппозиционеры. А с другой стороны, у правых мы видели фетишизацию нэпа, такое неправильное противопоставление его военному коммунизму, при котором всякое применение принуждения (даже к классовому врагу, к кулаку при изъятии хлеба) объявляется отменой нэпа, приравнивается к «военно-феодальной эксплоатации крестьянства» и т. п. Подводя годовые итоги платформе оппозиции И. Т. Смилга писал в конце 1928 г. [1]:

«Таким образом создалось одно из основных противоречий нашей экономики, которое может разрешиться либо капиталистическим либо социалистическим путем. В пределах нэпа она разрешена быть не может».

Речь здесь идет о противоречиях в нашей экономике. Оказывается, если разрешать эти противоречия на путях нэпа, то их нельзя разрешать социалистически. Но к этому ведь с другого конца подошли и правые. У них получилось так, что наши социалистические мероприятия отменяют нэп, что мы возвращаемся к методам военного коммунизма и т. п. Этим непониманием нэпа отличались все оппозиционные группы: и зиновьевцы, утверждавшие, что нэп есть только отступление, и троцкисты, утверждающие, что в пределах нэпа нельзя разрешить противоречия нашей экономики, и правые, видевшие в каждой мере экономического принуждения отмену нэпа.

Есть сходство и в оценке положения в СССР. Всем хорошо известны разговоры правых о «размычке» с крестьянством, о деградации сельского хозяйства и т. п. Отчасти, как мы это теперь документально знаем, правые питали и заражали этими настроениями и троцкистов (или от них заражались этими настроениями, что и в том и в другом случае свидетельствует о том, что между теми и другими существует

[1] И. Т. Смилга, К годовщине платформы большевиков-ленинцев

«влеченье—род недуга»). В цитированном уже документе И. Смилги, встреченном весьма сочувственно в свое время Л. Троцким, мы находим например такие «прогнозы». Смилга доказывает, что в 1928 г. «произошло расширение антисоветского фронта в деревне за счет блока кулачества с зажиточной частью середняков»; что «середняцкая масса деморализована», что «для бедноты—1928 г. является годом великого разорения», что «реальная зарплата для большинства групп рабочих за год снизилась»; что партия «проделывает с беднотой шарлатанские манипуляции»; что в области капитального строительства «дело обстоит еще менее отрадно, чем на хлебозаготовительном и промтоварном рынках»; что «хозяйство СССР вступило в полосу длительного и глубокого кризиса»; что «опасность термидора поэтому никогда не была так велика, как теперь».

Чем же все это отличается от фрумкинско-бухаринско-рыковской «размычки», «деградации», «затухающей кривой» и т. п.?.. Что же удивительного после такого, с позволения сказать, «анализа» и «прогноза», если Смилга тогда выдвигал такое грозное обвинение: «Мы обвиняем ЦК в том, что он, не осведомляя рабочий класс о действительном положении вещей, ведет его навстречу таким потрясениям, которые в недалеком будущем могут поставить под удар само существование пролетарской диктатуры». Знакомые песни! Мы слышали их и от правых, что партия скрывает истинное положение вещей и т. п.

А чего стоит например такое заявление (в той же итоговой работе троцкистов): «Мы за широкое строительство совхозов и колхозов. Но мы против строительства этих социалистических очагов в сельском хозяйстве в порядке ударной кампании...» Кто у кого списал этот тезис,—правые у троцкистов или троцкисты у правых,—не беремся судить. Но что здесь имеется налицо поразительное «сродство душ»—в этом вряд ли можно усомниться.

А в чем же выход видела оппозиция? Оказывается в том, чтобы сказать «отечество в опасности». В брошюре И. Т. Смилги это звучит особенно торжественно.

«Только тупоумный бюрократ может не видеть того, какую новую силу и размах получило бы социалистическое строительство в нашей стране, если бы партия честно и открыто

сказала рабочему и крестьянину: социалистическое отечество в опасности... разобьем врага внутри и организуем оборону от чемберленов. Закрепим передышку. Вместе с мировым пролетариатом построим социализм. Вот наши успехи—вот наши трудности. Все рабочие, все честные граждане (?!!)—на защиту социализма». Видите, как немного нужно было, чтобы выйти из кризиса, а «тупоумные бюрократы» без троцкистов и не догадались. А если бы догадались произнести такую бестолковую и сумбурную речь, то оказывается «такая попытка была бы одновременно лучшей экономической политикой». Оказывается «к скудным материальным ресурсам пролетарского государства она бы прибавила грандиозные классовые ресурсы пролетариата и его революционную энергию. Освежающим дуновением классового движения было бы сразу исправлено многое из того, что было содеяно за последние годы». Можно было бы только улыбнуться этой наивной болтовне, претендующей на серьезность. Но ведь Смилга среди троцкистов был одним из авторитетных экономистов. И этот экономист наплел год тому назад не меньше чепухи в защиту троцкистской платформы, которую он рекомендовал тогда переиздать, чем другой видный экономист из правых в защиту правой платформы.

А ведь всего год прошел с того времени, как писалась эта «несусветная чепуха», с тех пор, как автор этой чепухи вещал: «влияние оппозиции неудержимо (!!) растет также в рабочем классе. Тысячи рабочих-передовиков видят в оппозиции знамя ленинизма и коммунизма». Смилга слышал даже год тому назад шаги приближающейся «истории»: «В революционные эпохи торопливы шаги истории. Она уже сказала свое слово по поводу великой борьбы в прошлом году. Только слепцы и глупцы не видят ее приговора».

Что верно, то—верно.

●

Однако мы располагаем документальными данными, что троцкисты не прочь были бы при известных условиях заключить блок с правыми. Воспользовавшись письмом одного из правых, Троцкий написал «беседу на чистоту с доброжелательным партийцем». В этой «беседе» Троцкий прямо заявил, что на определенных условиях «мы были бы

согласны даже и с правыми договориться». Какие же эти условия? Троцкий их точно перечисляет: 1) сокращение сметы расходов на партийный аппарат, 2) определенная подготовка партсъезда (с дискуссией по всем платформам всех «течений»), 3) предварительная отправка «свистунов, громил, фашистов с общего (чьего общего?—*Е. Я.*) согласия на работу в новые совхозы без применения к ним 58 статьи», 4) тайное голосование.

Не знаешь, чему здесь больше удивляться: пошлости тут столько, что обыкновенному смертному и не додуматься. Но лучше всего здесь отношение к новым совхозам, куда, по мнению Троцкого, надо отправлять «свистунов, громил, фашистов».

Это письмо Троцкого (от 12 сентября 1928 г.) вызвало некоторое замешательство среди троцкистов. Троцкий вынужден был «поправиться». Он пишет полное казуистических, иезуитских выкрутас произведение о «блоке» с правыми и прочей чепухе, в котором полемизирует с товарищами, у которых его статья «неожиданно вызвала смущение и даже почти возмущение». Он пытается доказать, что всякие мысли о блоке троцкистов с правыми—чепуха. Но Троцкого неожиданно разоблачает его родня. Троцкист М. Невельсон посылает И. Н. Смирнову послание на тему: «Против кого направить огонь» (10 июля 1928 г.). На этот вопрос М. Невельсон прямо отвечает, что главный огонь надо направить на тех, кто борется в партии против правых (по терминологии троцкистов—«центристов», «сталинцев»). А другие прямо предлагали блок с правыми. Это было настолько ясно, что Смилга 21 октября 1928 г. писал:

«Понять иначе эти слова (слова Троцкого в письме к Шатуновскому о возможности блока с правыми.—*Е. Я.*) как предложение тактического блока правым против центра—невозможно».

●

Прошло очень немного времени, и история дала проверку. Проверка эта состоит в том, что Троцкий за границей пытался заключить блок и с Сувариным, и с Пазом, и с чехо-словацкими правыми, что он сотрудничает в органах правых; в том, что значительная часть троцкистов вернулась к социал-демократам или синдикалистам; в

том, что в целом ряде случаев троцкисты заключают прямые блоки с правыми (в Гамбурге например троцкистский «Ленинбунд» заключил блок с германскими правыми ренегатами против компартии); что Троцкий вместе с правыми и социал-демократами выступает против антивоенного дня и доказывает буржуазии[1], что партизанские выступления красных партизан в Китае нужны только Сталину и т. п.

Троцкисты подошли к последней черте. Правда, они численно очень поредели. Мы знаем, что и среди оставшихся «непоколебимо верным платформе» (бывших большевиков) нет единогласия. Перспектива озлобленного одиночества политического маразма в лоне социал-демократов мало прельщает тех, кто еще несколько недель, месяцев тому назад верил в прогнозы троцкистов. Действительность последних месяцев, последнего года нанесла удар не только правым, она нанесла удар всем оппортунистам, в том числе и троцкистам. Когда читаешь например такие строки[2]: «Мы стоим перед фактом трусливой капитуляции высших органов партии и совласти перед капиталистическими силами», то становится прямо жалко людей, которые дошли до такого убожества понимания нашей действительности. Правда среди троцкистов осталось уже очень мало людей, которые играли бы в партии серьезную политическую роль, с политическим мнением которых партия серьезно бы считалась. Большинство тех, кто остался с троцкистами теперь,—это уже не заблудившиеся, сбившиеся с пути люди (какими несомненно являются например, по нашему мнению, Н. И. Муралов или С. Кавтарадзе),—это откровенные политические враги.

Да, история шагает в нашу революционную эпоху быстро. Ее бега не остановит никакая оппозиция. Но на примере самой многочисленной, самой авторитетной, самой квалифицированной оппозиции, какой несомненно был оппозиционный троцкистский блок, распавшийся на свои составные части, разложившийся, жалкий,—на этом примере наше молодое поколение партийцев и комсомольцев должно учиться. Здесь нет места сентиментальности, дружбе, родственным чувствам, примиренчеству, прекраснодушию. Оппозиция причи-

---

[1] № 42 «Fahne des Kommunismus», статья «Что происходит в Китае».

[2] Письмо Воронежской троцкистской группы к сапроновцам от 12 сентября 1928 г.

нила огромный вред партии, отняла у нее драгоценное время, затормозила творческую работу партии, сбила на время с толку отдельные группы партийцев и комсомольцев, вносила панику, неуверенность в ряды рабочего класса. Творческое движение масс, упорная работа партии, огромные успехи социалистического строительства отбросили в сторону оппозицию.

Но трудности выкорчевывания корней капитализма остались еще. Они могут еще в известный момент вызвать колебания в отдельных отрядах пролетариата, в отдельных слоях трудящихся. Оппозиция может еще в той или иной форме воскреснуть. Партия встретит ее во всеоружии ленинского учения, обогащенная опытом борьбы и строительства.

Год тому назад мы начали знакомить читателя с процессами, происходящими в рядах оппозиции. Мы оценивали тогда положение как положение «у последней черты». Эту черту оппозиция перешагнула, правда, разбитая, ослабленная, раздробленная, но зато более откровенно враждебная партии Ленина, более откровенно враждебная режиму пролетарской диктатуры.

Ем. Ярославский.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

АНТИПАРТИЙНЫЕ ГРУППЫ ПОСЛЕ XV СЪЕЗДА

Год прошел со времени постановления XV съезда партии, который признал несовместимыми с принадлежностью к партии взгляды троцкистов и сапроновцев и постановил исключить из партии сторонников троцкистской и сапроновской платформ. Если год назад были еще сомневающиеся в дальнейшей судьбе троцкистского течения как социал-демократического, меньшевистского, то за год сами троцкисты сделали все, что они могли сделать для того, чтобы объяснить и доказать правильность решений XV съезда, и прежде всего они это доказали многим своим вчерашним сторонникам.

Партийная печать, к сожалению, не уделяла в течение этого года сколько-нибудь значительного внимания антипартийным группам, сложившимся в борьбе с ВКП(б), внутри нашей партии и вне ее. Если не ошибаемся, кроме статьи в «Коммунистическом интернационале» (№ 6—7) по поводу «двух документов», статьи в «Правде» об этом же и затем статьи в «Большевике» (№ 3—4) партийная печать ни разу сколько-нибудь серьезно не останавливалась на том, что делается в этих группах и группировках, какие процессы, изменения происходят в идеологии этих групп, не следила за тем, «куда растут» эти группы. Год подпольной работы этих групп дал однако богатейший материал, заслуживающий того, чтобы его осветить. Многочисленные документы вождей и «вождей», больших и малых, троцкистов, сапроновцев и мясниковцев подпольно распространялись достаточно широко по стране и особенно в странах капиталистических, где под крылышком буржуазных правительств и буржуазных издательств эти документы находят большой спрос и применение. Часть этих документов адресована в качестве директивных писем к сторонникам этих антипартийных групп, часть—VI конгрессу Коммунистического интернационала, часть является директивными же документами для врагов Коминтерна и ВКП(б) в «международном масштабе».

Задача настоящей и последующих статей—осветить эти материалы, показать их социально-классовое лицо и дать им надлежащую оценку с точки зрения борьбы нашей партии и Коммунистического интернационала за социализм.

●

Накануне XIV съезда троцкисты подготовлялись к выступлению на съезде с изложением своей платформы. Должен был, судя по многочисленным документам, накопившимся за это время, выступить Троцкий, причем его выступление должно было быть направлено особенно остро против т. Зиновьева как председателя Коминтерна и вообще против тогдашней группировки Зиновьева и Каменева.

Однако, когда накануне XIV съезда выяснилось, что Зиновьев и Каменев выступают против Центрального комитета, организуют оппозицию, Троцкий не только не выступил против них, но определенно ориентировался на блок с ними. Теперь этот блок Троцкий делает попытку изобразить не как верхушечный блок, не с Зиновьевым и Каменевым, а как блок снизу, своего рода «единый фронт» против партии, против ее большинства. Еще в апреле 1927 г. распространялся троцкистский документ, который делал попытку это объяснить. В этом документе мы читаем:

> «Тебя, друг, интересует вопрос о том, каким это образом могли объединиться с Зиновьевым и Каменевым те самые, кого в 1923—1925 гг. больше всего травили, на кого больше всех прочих клеветали именно Зиновьев и Каменев. Твои сомнения были бы основательны, если бы речь шла о сделке политиканствующих лидеров. Но ведь блок оппозиции 1923—1925 гг. представлял собою нечто совершенно отличное от закулисной комбинации вождей. Блок создался на основе общих политических взглядов и на основе более или менее одинаковой оценки положения и ближайших задач нашей революции. Оппозиция 1923 года проявила бы совершенно необъяснимую близорукость, откажись она от совместной борьбы с лучшими ленинградскими пролетариями, именно с последними в первую очередь, а не с Каменевым и Зиновьевым. К слову сказать, огромное большинство этих рабочих за Каменевым и Зиновьевым не последовало в их капитулянтском падении».

Мы однако знаем, что дело обстояло как раз наоборот, что блок заключался именно как беспринципная «комбинация» верхушек, так же, как складывался в свое время троцкистский августовский блок ликвидаторов и других антипартийных меньшевистских групп против большевиков. Да и расстраивался этот блок вовсе не низами, а теми же верхушечными комбинациями вождей и подвождей (правда, не без давления этих «низов»). Мы впоследствии остановимся на этом более подробно и приведем многочисленные свидетельства того, что именно так дело и обстояло.

В мае Троцкий сам писал в одном из документов (от 25 мая 1928 г.) о том, как решались вопросы в этом блоке:

> «7 ноября 1927 г. вечером, после демонстрации, мы по телефону вызвали Зиновьева в Москву, чтобы поставить вопрос о тактическом свертывании. Зиновьев ответил письмом с оказией. В приложении к письму было описание событий 7 ноября в Ленинграде, а в письме Зиновьева говорилось: «Описание фотографически точное. Все сведения говорят о том, что все это безобразие принесет нашему делу большую пользу. Беспокоимся, что было у вас. «Смычки» идут у нас очень хорошие. Перелом большой в нашу пользу. Ехать отсюда пока не собираемся...» Мы повторили требование о немедленном выезде Зиновьева в Москву. Что было по приезде, т. е. спустя 24 часа, достаточно хорошо известно».

Смешно доказывать теперь, что какое-то «общественное мнение» тех, кто принадлежал к оппозиции, решало вопрос о том, какие заявления подавать. Кое-какое давление этих «низов» конечно было, однако верхушка, сколачивавшая блок, считалась меньше всего с этими требованиями. Ведь у главного «вождя» была тактика «дальнего прицела»,—какое дело этому дышащему аристократической самовлюбленностью человеку до того, что думают «массы», хотя бы и троцкистские!

Факт неопровержимый, что после XV съезда огромное большинство тех, кто шел за Каменевым и Зиновьевым, так называемая «ленинградская оппозиция», последовало за ленинградской группой и вернулось в партию. Правда, были еще кое-какие колебания у так называемых «безвожденцев», которые считали, что Зиновьев и Каменев сделали ошибку, написав свое письмо в «Правду» и сняв свои подписи с платформы «83»; но впоследствии и эти товарищи должны были убедиться, что нельзя одновременно заявлять о своем согласии с партией и в то же время поддерживать платформу троцкистов. Одно из двух—либо вы поддерживаете платформу троцкистов, осужденную партией, ее съездом,—тогда вам партия не может поверить, что вы считаете правильной ее

линию; либо вы признали действительно свою ошибку и целиком поддерживаете партию и тем самым снимаете свои подписи с троцкистских документов. Этого утешения, что огромное большинство ленинградских рабочих, бывших в «ленинградской оппозиции», осталось троцкистами, — этого утешения троцкистам не дано. Почти все товарищи, которые в период перед XIV съездом и между XIV и XV съездами примкнули к «ленинградской оппозиции», в настоящее время вернулись в партию и отказались от поддержки троцкистов, в том числе и рабочие, и даже прежде всего рабочие. И вообще пора все-таки признать, что далеко не худшая часть троцкистской оппозиции, в прежние годы связанная с партией, отошла от троцкистов и отходит. Напомним такие документы, как обращение Евдокимова, Зиновьева и Троцкого от 29 июня 1927 г. к Центральному комитету Всероссийского союза рабочих металлистов. На VII пленуме ЦК союза металлистов была вынесена по докладу тов. Лепсе резолюция по текущему моменту, в которой говорилось, что «оппозиция ведет гибельную пропаганду своей пораженческой идеологии». По этому поводу вожди оппозиции писали, что эти слова могут показаться чудовищными, потому что

> «на важнейших дипломатических постах, т. е. на непосредственной охране интересов рабочего государства от капиталистических врагов, стоят в настоящее время почти сплошь оппозиционеры. В Берлине—т. Крестинский, в Париже—тт. Раковский, Пятаков, Преображенский, Владимир Коссиор (к слову сказать, ни Преображенский, ни Владимир Коссиор никогда «важнейших дипломатических постов» не занимали.—*Е. Я.*), в Риме—Каменев, Глебов-Авилов, в Праге—Антонов-Овсеенко, Канатчиков, в Мексике—Коллонтай, в Аргентине—Краевский и т. д. Все перечисленные товарищи принадлежат к оппозиции, и большинство из них уже успело присоединиться к так называемому письму «83».

Однако прошло несколько месяцев, и этот аргумент утратил всякую силу. Партия исправила свою ошибку, которая заключалась в том, что на некоторые дипломатические посты действительно назначались оппозиционеры. Опыт показал, что это связано с известными опасностями, что кое-кто из этих товарищей действительно использовал свое пребывание за границей для того, чтобы организовать связи подпольных оппозиционных групп СССР, с антипартийными и антикоминтер-

новскими элементами за границей. Но именно те товарищи, которые такой роли не играли или не хотели играть, порвали с оппозицией. Сколько горьких и неприличных слов наговорила после этого оппозиция о таких товарищах, как Крестинский, Пятаков, Каменев, Глебов-Авилов, Антонов-Овсеенко, Канатчиков, Коллонтай и другие, которые порвали с оппозицией, открыто заявили о своем несогласии с ней, и которых она недавно еще выдвигала на первое место. Отход от оппозиции лучших элементов идет не только снизу, но и сверху. Отходят не только лучшие рабочие, какие временно примкнули к этой оппозиции, временно сбились с дороги, но отходят и те, кто выдвигался в качестве видных оппозиционеров, в качестве имен, которыми можно было бы аргументировать перед Западной Европой.

Но разве не приобретает оппозиция новых сторонников? Конечно приобретает. В нашей мелкобуржуазной стране и открытые меньшевики приобретают себе каждый день новых сторонников из среды мелкой буржуазии. Вот вам исключенный из партии троцкист Евсеев, М. Ф., бывший помпрокурора города Ульяновска,—он сразу обнаруживает свое социальное лицо. Он пишет: «Живу в деревне, хозяйничаю на мельнице, отец предался артели по аренде мельницы. Мельница размалывает $3\frac{1}{2}$ тысячи в сутки... Заметили ли мой отъезд из Воронежа?—спрашивает он.—Наверное только в ресторанах».

Вот другой исключенный из партии пишет о том, что он собирается уехать за границу. «Чорт с ним совсем. Раз не оценивают, раз я здесь не нужен теперь, так все равно, пустят ли там мне пулю в лоб мои заклятые враги или здесь я после всех свои похождений буду издыхать систематически с голоду». Вот этакие упадочные, негодные люди,—разве их мало в оппозиции? Чужие люди!

Вот например одна из распространительниц троцкистских листовок по Москве, Булгакова, молодая поповна, которая была в 1925 году арестована ОГПУ за связь с антисоветскими группами. Она заявляет, что с 1927 года стала разделять взгляды оппозиции и поэтому и не вступала в ВКП(б). Конечно большой вопрос, приняла ли бы ВКП(б) в 1927 г. эту поповну, но таких новых сторонников троцкистская оппозиция действительно приобретает каждый день. Жалкое утешение для тех, кто думает, что к ним идут пролетарские

элементы. Вот эта самая Булгакова попала в 1927 году прессовщицей на концессионную фабрику Гаммера; такие выходцы из разоряющейся буржуазной и мелкобуржуазной среды— дети торговцев, попов, дети кулаков—и составляют основные кадры теперешней троцкистской подпольной партии, иногда в качестве «рабочих». Но ведь это те же самые кадры, из которых вербуют и меньшевики своих сторонников!

●

Представляет ли собой однако троцкистская оппозиция что-либо единое? В настоящее время, по истечении года, когда от нее отделилась ленинградская группа, казалось бы, это отделение должно было содействовать «монолитности» троцкистской оппозиции, когда от нее отошли сапроновские элементы, с одной стороны, а с другой, группа «ленинградской оппозиции». Этого нет! Троцкистская оппозиция раздираема противоречиями. Напрасно взывает один из организаторов подпольной фракции на Северном Кавказе: «Довольно развалов. Довольно разложения. Довольно теорий, отметающихся жизнью как ненужный хлам. Наша сила—в сближении. Наша сила—в сплочении. Наша сила—только в крепкой организации. Наша сила—только в монолитности и единстве взглядов. Наша сила—только в железной дисциплине»... и т. д. и т. д.

Вся эта декламация свидетельствует о полной безнадежности попыток создать сколько-нибудь «монолитную» троцкистскую группу, ибо троцкизм есть отражение мелкой буржуазии, которая вся полна противоречий, вся полна внутренних дрожаний, качаний и колебаний. Вот почему испуганный мелкий буржуа сейчас кричит: «Долой распад». Вот почему он призывает к «единению души и тела», ибо у мелкого буржуа основой его существа является дуализм.

> «Наша гибель в развале,—декламирует этот организатор подпольной троцкистской фракции.—Наша гибель в расхлябанности и бездельничаньи. Наша гибель—в недоверии друг к другу». («Долой распад»,—документ за подписью: Северо-кавказское краевое бюро большевиков-ленинцев-оппозиционеров.)

Перед нами настоящий «стон души» мелкого буржуа: в созданной им против ВКП(б) организации—он сам это признает—развал, разложение, теории, отметающиеся жизнью как ненужный хлам, распад, гибель, расхлябанность, бездельничанье, недоверие друг к другу. И этакие горе-общественные деятели желают исправить нашу партию! И этим людям должна довериться партия! Жалкая претензия!

Об этой «монолитности» сообщает один из оппозиционеров: в группе, состоящей из 11 человек, шесть течений. Не слишком ли много течений даже для такой «монолитной» группы как группа троцкистов? Но мы можем опереться на свидетельства очень видных троцкистов о том, какой идейный развал царит в этой оппозиции.

> «У меня,—пишет один из вождей троцкистов,—к этим оппозиционным истерикам и истеричкам растет глубокое отвращение. Они все больше и больше ведут себя как секта, выключенная из исторического процесса. Говорить с твердокаменно настроенными оппозиционерами для меня страшная скука и тоска... Мое расхождение с большинством (пока это—с большинством оппозиции) растет с каждым днем... Радек бьет тревогу против начинающегося среди оппозиции поворота в сторону децистов. В качестве примера он ссылается на письмо Дингельштедта, Виктора Эльцина и сравнивает их с последним замечанием Владимира Михайловича (ВКП—мертвый труп и т. д.)... Радек считает, что отказ от поддержки левеющего центра (что не исключает и критики его одновременно с этим) в конечном счете приводит к проблеме новой революции. Все это правильно. Я делаю отсюда вывод, что если... оппозиция будет сидеть на теперешней межеумочной позиции, то это неизбежно кончится расколом ее на группы: одна—идет к партии; другая идет на позиции децистов; третья группа будет влачить теперешнее межеумочное состояние.

В октябре 1928 г. Смилга советует Троцкому:

> «Лучше всего было бы, если бы вы сами вправили мозги некоторым товарищам, например Дингельштедту. Равным образом вам следовало бы выступить и против ультралевой фразы в нашей среде».

Увы, совет безнадежный повидимому, ибо оператор, который в троцкистской оппозиции занимается вправлением мозгов, основательно сам нуждается в этом.

В том же документе Смилги, распространяемом троцкистами, дается такая характеристика положения:

«На решения июльского пленума группа (децистов.—*Е. Я.*) реагировала рядом документов, смысл которых сводится к тому, что ВКП—труп, что ЦК ведет определенно контрреволюционную политику. Одновременно с этим некоторые лидеры этой группы обижались на т. Троцкого за его якобы «капитулянтство» и другие смертные грехи. Все это говорит о том, что группа «15» попрежнему играет с термидором, приурочивая его совершение к пленумам ЦК (в скобках добавим от себя, что этим же грехом страдают и троцкисты, по поводу каждого пленума выдумывая новые теории «сползания» и пр.—*Е. Я.*). Обострение атаки децистов против нас объясняется отходом некоторой части децистов-рабочих к нам и «левыми» шатаниями в наших собственных рядах. После тех формулировок, которые они дают после июльского пленума, разногласия между этой группой и нами усилились. Необходима решительная борьба с децистскими настроениями в наших собственных рядах. Необходима идейная борьба за влияние на тех рабочих, которые пока идут за децистами».

Как бы чувствуя, как низко скатились эти люди, Смилга охорашивается:

«Ленинская оппозиция ни в каком случае не является рупором недовольства рабочих масс вообще,—декламирует он,—она не имеет ничего общего ни с меньшевистскими, ни с анархо-синдикалистскими взглядами и настроениями. (Еще бы!—*Е. Я.*) Равным образом она не имеет ничего общего с теми настроениями, которые свойственны люмпен-пролетариату и не прошедшим школы классовой дисциплины выходцам из деревни. Малейшая уступка этим отсталым и враждебным советской власти элементам в рабочем классе была бы величайшим преступлением против всего славного в большевистской партии,—партии пролетарского авангарда и против всего прошлого оппозиции».

Однако эти декламации никого уже не могут разуверить в том, что именно рупором этих слоев в значительной степени является оппозиция. Зато эти декламации свидетельствуют о довольно глубоком распаде, о довольно глубоких идейных шатаниях внутри оппозиции. И если Е. Преображенский считает, что «генеральная линия оппозиции (если не возобладает решительно и неконъюнктурно правый курс) должна итти на сближение с партией (я против фракционной работы, если фракция защищает неверную политическую линию»), то до некоторой степени его антиподы из склоняющихся к децистам (Виктор Эльцин, Нечаев и др.) заявляют, что с советским правительством «у нас не остается ничего общего».

Об этом же развале, свидетельствующем о сближении троцкистов с сапроновцами и другими антипартийными группами, бьет тревогу Радек в распространяемом широко письме: «Бабка за дедку, дедка за репку» («Ответ тт. Эльцину, Нечаеву и Белобородову» от 15 октября 1928 г.).

«Я обратил внимание,—пишет Карл Радек,—нескольких товарищей на письмо В. Эльцина от 19 мая, в котором он заявляет: «Что касается термидора, то я считаю, что он совершился». Я указал на это письмо как на симптом сползания некоторых наших молодых товарищей с позиции нашей платформы на платформу «15». Но Эльцин не один. Ему вторит Нечаев, заявляя в письме от 8 августа, что «с таким правительством у нас не остается ничего общего и с ним у нас только борьба...» Но эти два письма не исчерпывают множащегося количества беспокоящих симптомов. Достаточно указать на письмо Белбея, который сообщает следующее: «Имею ряд писем..., требующих блока с ДЦ, так как никакой разницы эти товарищи не видят между нашим течение и децистами...». «Я получил письмо от т. Белобородова,—пишет Радек от 9 сентября,—который, имея в руках письмо Нечаева с вышецитированным заявлением, совершенно «не замечает» этого заявления и берет под защиту наших внутренних децистов...» (К. Радек. «Дедка за бабку, бабка за репку»).

Мы в другом месте коснемся той оценки сапроновских взглядов, какие мы находим в цитированном письме и в других документах троцкистов более подробно [1]. Но мы не можем не привести здесь совершенно определенных указаний Радека своим единомышленникам на проявляемое ими двурушничество [2], которое впрочем мы обнаруживаем уже не в первый раз у этих людей.

---

[1] По поводу ученых рассуждений о Великой французской революции и о термидоре бывшего красного профессора В. Эльцина Радек пишет: «После того как т. Эльцин показал миру раны на своей груди, заработанные в борьбе с термидором, он показывает потрясенному человечеству мозоли, которые себе насидел при штудировании французской революции».

[2] Впрочем мы не особенно придираемся к словам, так как из объяснений самого Троцкого знаем теперь цену тем документам, которые он подписывает перед лицом партии. В письме к Урбансу (март 1928 г.) по поводу тезисов последнего для Ленинбунда Троцкий объясняет цену этих заявлений: «Что касается ваших многочисленных и резких критических замечаний о наших «заявлениях» (16 октября 1926 г., 8 августа 1927 г. и на XV съезде), то вы обнаруживаете непонимание одной простой вещи, что все эти заявления не были нашими пропагандистскими документами, а «были публично отданными приказами о временном отступлении». Так и будем знать на будущее! Но тон-то какой приказный у этого «демократа», прямо полководец да и только!

«Вы, любезнейшие друзья,—пишет Радек,—подписали заявление конгрессу, платформу и все остальные документы, в которых вы обещали поддержать советское правительство, правительство нашего класса, и даже готовы защищать это правительство с оружием в руках. Что же—эти заявления остаются в силе? Если да, то уберите заявление т. Нечаева, что с этим правительством возможна только борьба и пр. Ибо тогда это утверждение есть безмозглая фраза, которая может только сбивать с пути рабочих... Что же это такое? Если т. Нечаев остается при своем мнении, что у нас с советским правительством может быть только борьба, то надо ему сказать: тогда кончите, пожалуйста, с недопустимым положением, при котором одной рукой вы подписываете заявления о поддержке совправительства, а другой,—что «с ним у нас ничего общего нет». Иначе получается политическое лицемерие, недопустимое в наших рядах».

Радек вспоминает при этом слова Ленина:

«По отношению к идейно политическим направлениям надо сказать, что лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренне неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого прямого наступления» (Ленин, Собр. соч., т. X, ч. I, стр. 320).

Если люди, подобные Радеку, сегодня приходят к выводам, что их друзья двурушничают, лицемерят и что это «лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренне неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого прямого наступления»; если и другие видные троцкисты начинают сознавать, что троцкизм не может удержаться даже на той позиции, на какой он стоял вслед за XV съездом, что он неизбежно должен сползать дальше по социал-демократическому уклону, на который он встал,—то может быть у этой последней черты, у грани, когда одни открыто переходят к борьбе с советским правительством и с компартией, а другие их сторонники уже перешагнули эту черту, они найдут мужество сделать надлежащие выводы. Мы не сомневаемся в том, что среди тех товарищей, которые годами были связаны с партией и которые до сих пор,—в силу личных привязанностей и в силу личных связей с вождями оппозиции, в силу ли озлобления или других каких-либо причин не сумели отделаться от сотрудничества с такого рода людьми, что эти люди найдут путь к партии в момент еще большего обострения их сторонников с партией.

●

В настоящее время мы подробно не останавливаемся на характеристике того хаоса мнений, который существует и у сапроновцев. Этот хаос мнений ничуть не меньше, чем у троцкистов, хотя политическое значение сапроновцев конечно неизмеримо ничтожнее, несмотря на все желание сапроновцев казаться страшно революционными. Мы, пожалуй, даже присоединились бы к оценке этой группы, сделанной Смилгой, который пишет по адресу сапроновцев 16 октября «визжат». Вот именно визжат. Но мы должны справедливости ради все же сделать замечание, что этого «визга» немало и в произведениях самого почтенного автора этого определения,—у Смилги.

Среди части троцкистов, несмотря на разногласия с этой группой, совершенно определенно намечается сближение, которое тревожит, как мы видели, часть самих троцкистов. Троцкий уверен, что ему удастся победить сапроновцев. Он возмущается, что теоретики децизма совершенно не понимают связи нашей внутренней борьбы с международной, что они «не имеют никакой линии в международных вопросах и идут на случайные, чисто авантюристские блоки с людьми, полностью порвавшими с марксизмом, как Корш и Ко» (документ от 21 октября 1928 г., распространявшийся троцкистами перед ноябрьским пленумом).

Не нам опровергать это мнение Троцкого по адресу децистов, что сапроновцы вступают в авантюристские блоки с людьми, полностью порвавшими с марксизмом. Только зачем Троцкому и другим кивать на Корша? Чем кумушек-Коршев считать трудиться, не лучше ль на себя и на Истмэна оборотиться? Макс Истмэн, о котором в свое время Троцкий, будучи в партии, вынужден был очень нелестно отозваться на страницах «Большевика», в настоящее время выступает как представитель Троцкого в Америке, и под его руководством буржуазное издательство Harcourt, Brace and Co издает клеветнические произведения Троцкого, направленные против ВКП(б) и Коминтерна,—и книга Троцкого красуется среди таких книг издательства, как биография королевы Виктории, жизнеописание Иисуса христа и жизне-

описания квакеров [1]. А единомышленники Троцкого сотрудничают в Америке с господином Лорэ, которого сами же троцкисты характеризуют как человека, совершенно чуждого марксизму, и который вчера еще вместе с несколькими хозяевами булочных и колбасных предприятий издавал орган, в котором наряду с социал-демократическими и ультракоршистскими статьями помещались статьи некоего бывшего красного профессора, красы и гордости пропагандистского актива троцкистов.

Беспринципность была отличительной чертой и осталась отличительной чертой людей, посредством разных «комбинаций» сколачивающих хотя бы и кратковременные блоки со всеми, кто борется против нашей большевистской партии. Конечно мы боролись и будем бороться против децистов так же, как боролись раньше, и если троцкисты сейчас вынуждены бороться с шатаниями «налево» в их собственной среде—в сторону децистов, то нас меньше всего тревожит это сползание троцкистов к сапроновцам. Это неизбежное сползание, точно так же как неизбежно дальнейшее сползание самих сапроновцев в лагерь открытых классовых врагов пролетариата, хотя бы и под вывеской самой архилевой, архипролетарской. Во всяком случае мы не подходим с такой точки зрения к децистам, как подходят их вчерашние и завтрашние друзья по антисоветскому подполью. Так в произведениях Троцкого мы читаем такого рода характеристику сапроновцев:

> «Как ни досадно тратить время на второстепенные вопросы, тем не менее надо децистами заняться в смысле разъяснения кружкового паразитического характера их политики и заложенного в ней авантюризма. Так как «вожди» ДЦ, которых мы до поры до времени предоставляли самим себе (и правильно делали), доболтались до чертиков, то они дали нам в руки серьезное оружие против них. Лучшие элементы мы у них отвоюем при помощи их же собственных документов, особенно писем В. Смирнова... Рабочих мы у них отобьем смелой и решительной политикой в основных вопросах, с одной стороны, разъяснительной кампанией—с другой» (21 октября 1928 г. цитированный выше документ).

[1] The Real Situation in Russia by Leon Trotsky. Translated by Max Eastman, Harcourt Brace and Company. Книга эта издана буржуазными издательствами и в Германии во Франции.

Но когда мы присмотримся к тому, какими путями троцкисты пытаются отбить «смелой и решительной политикой в основных вопросах» у децистов сторонников, то мы должны сказать, что троцкисты сами целиком сползают на платформу «15» и мясниковцев, что по ряду вопросов тактики они уже сближаются с открытыми классовыми врагами. В особенности мы обращаем внимание на выдвинутые в последних документах троцкистских вождей тактические лозунги: 1) тайное голосование; 2) организация стачек; 3) подготовка своих кадров к возможности новой гражданской войны. Это надо видеть совершенно отчетливо, потому что это даже не последняя черта, а переход за эту последнюю черту. Тайное голосование выдвинуто конечно не троцкистами, оно было выдвинуто еще в период Кронштадта белогвардейцами, эсерами и меньшевиками. На протяжении нескольких лет ведется атака на партию, на профсоюзы, на советы именно по этому вопросу. В 1928 г. к лозунгу белогвардейцев, меньшевиков и эсеров присоединился Троцкий. Чья это победа? Пусть троцкисты приписывают ее себе; но всем ясно, что троцкисты присоединились по этому вопросу к белогвардейцам, меньшевикам и эсерам и присоединились они отчасти потому, что этого требует их более «левое» крыло, примыкающее к сапроновцам. Они сделали уступку той группе, которая наиболее приблизилась к последней черте, которая эту черту переходит.

Тайного голосования требует и мясниковская группа. Аргументы у всех у них, начиная от белогвардейцев и кончая троцкистами, очень близко совпадают. Правда, у Троцкого и белогвардейцев есть и различие. Троцкий готов потребовать в Западной Европе, в капиталистических странах отмены тайного голосования и мотивирует это довольно «оригинально». Это-де для того, чтобы воспитать там у рабочих мужество отстаивать перед лицом классового врага свои взгляды; ну, а в советском государстве конечно нужно наоборот. Для людей, которые считают, что у нас «уже совершился термидор или что у нас «керенщина наизнанку», ничего другого не остается, как перекинуться за последнюю черту. Удивительно ли при этом, что троцкисты, имеющие такую многообразную гамму оттенков, приобретают симпатии не только редакции «Социалистического вестника», не только среди американской буржуазии, не только среди

социал-демократов, использующих всякие подпольные листовки троцкистов, но и среди мелкобуржуазных элементов в нашей стране?

Советская страна с огромными трудностями выходит на широкую дорогу социалистического строительства, перестройки и переделки всей нашей промышленности и сельского хозяйства на рельсах социализма. Троцкисты ничего лучшего не находят в этот момент, как выступать с агитацией за стачки, и при этом еще делают лицемерный вид, что они, видите ли, испытывают все средства как-нибудь «решить вопрос без гражданской войны, делают вид, что они хотят «испробовать до конца путь реформ», что они действуют на основании решений ВКП(б).

А если не путь реформ, то что же тогда? Так могут говорить только люди, которые подготовляют свои «кадры» к гражданской войне. Только слепой этого не видит. А с такими людьми мы разговариваем как с контрреволюционерами и не можем иначе разговаривать, ибо тот, кто готовит в стране советов гражданскую войну против советского правительства, является ничем не прикрытым контрреволюционером.

Запутавшись сами в непримиримых противоречиях своей антипартийной и антисоветской политики, эти люди кивают на децистов, на сапрановцев: дескать, они, децисты, пасуют перед стихийностью, а мы, троцкисты, нет.

> «Но итти навстречу массе не значит пасовать перед стихийностью, куда тянут децисты, которые либо свернут себе шею на политике авантюризма, что с полбеды, либо помогут невзначай и врагам свернуть шею революции, что много хуже» (Троцкий, документ от 21 октября 1928 г.).

А мы видим, что и троцкисты, и сапроновцы, и мясниковцы идут теперь по одной дороге, что вся их политика есть политика авантюризма, на которой они «свернут себе шею».

●

С особенной ненавистью к партии оппозиция пытается использовать язвы и болячки нашей советской общественности, которые мы сами беспощадно и безбоязненно вскрывали. Такие люди, как Сосновский, особенно злорадно смакуют, на манер заграничных белогвардейских газет, всякое

сообщение о каком-нибудь новом факте вроде «смоленщины». Составляется даже новая теория, являющаяся перепевом анархистских теорий о вреде власти, которую защищает такой «теоретик», как Раковский, о неизбежности развращения части рабочего класса в период пролетарской диктатуры. Раковский думает, что даже если бы у нас не было других классов, кроме пролетариата, а кругом СССР были бы социалистические государства, то и тогда был бы «профессиональный риск власти». При этом бывшие «сановники», недавно еще пользовавшиеся решительно всем, чем они могли пользоваться, занимая руководящие посты, скатываются до самой неприличной демагогии по поводу привилегий, которыми-де пользуются ответственные работники. И это пишут Сосновские, которые, когда они были допущены на время к власти, использовали свою власть самым бесчестным образом. Мы никогда не прибегали к методам личного дезавуирования деятелей оппозиции, но нельзя молчать, когда такие люди, как Сосновский, становятся проповедниками коммунистической этики.

Сосновского мы ценили в партии, как талантливого журналиста; перо его не раз б ы л о п о л е з н о партии. Но вместе с тем это перо н е р а з и з м е н я л о партии и не раз Центральная контрольная комиссия должна была обсуждать некоммунистические поступки Льва Сосновского. Особенно заслуживает внимания история с Лежавой-Мюратом и Резинотрестом.

Лежава-Мюрат—бывший сотрудник охранного отделения на Урале. Сосновский знал это и однако он неоднократно добивался принятия его в партию. Когда этот Лежава-Мюрат, человек очень энергичный, пристроился к резиновой промышленности, Сосновский, зная о его прошлом, рекомендовал ему своего брата, Михаила Сосновского, спекулянта, в качестве «честного коммерсанта» и просил его устроить «около треста», «по торговой части» как «абсолютно надежного человека». Михаил Сосновский устроился по этой рекомендации у Лежавы-Мюрата в начале июля 1922 г., а уже 21 августа 1922 г. у этого Михаила Сосновского в Резинотресте сальдо по личному счету за забранный товар составило 3 миллиона рублей без всякого обеспечения. Через короткое время Сосновский уже входит в Западно-сибирское товарищество к Федотову, а последнему, также не без поль-

зования именем Льва Сосновского, устраивает кредит. Затем этот Сосновский (торговец) организует товарищество «Резина», кредит его уже достигает 7½ миллионов, в средине 1923 г.—до 10 тысяч рублей золотом, и доводит свой капитал до нескольких сот тысяч рублей золотом. Сосновскому становится уже тесно в пределах СССР, он экспортирует товар за границу, и так как валюта протекала не в карман Советского государства, а в карманы Михаила Сосновского, то можете себе представить, какова была щепетильность Льва Сосновского в таких делах.

А кто такой этот Михаил Сосновский? 10 лет он был владельцем типографии и хлебным спекулянтом в Троицке, затем издавал буржуазную газету «Степь». Во время Февральской революциии М. Сосновскому удалось ликвидировать в архивах жандармского полковника листы своего дела, которое могло его скомпрометировать. Ему даже удалось пролезть в партию, но потом, когда об этом узнали товарищи, знавшие его, он был исключен. Он вслед за этим перешел к народным социалистам, а при захвате дутовскими отрядами Троицка М. Сосновский вернул себе типографию и газету. Был председателем городской управы при белых, травил в своей газете большевиков «немецкими шпионами». И вот этого-то человека Лев Сосновский, один из вождей троцкистской оппозиции, устраивает как «честного коммерсанта» в Резинотрест, дает ему жиреть и пухнуть за счет советской казны, прокладывает ему по-братски дорогу, помогает его родственникам и пр.

Мы с омерзением говорим об этом именно потому, что Лев Сосновский пытается и до сих пор играть еще роль человека, исправляющего партию. Не такими руками исправлять коммунистическую партию Ленина. И мы не стали бы об этом факте говорить сегодня, если бы некоторые оппозиционеры-троцкисты, безусловно честные политически и лично люди, не выдвигали положения, что они могут спасти партию от смоленщины. В партии-де—смоленские и сочинские дела, а вот они, оппозиционеры, состоят из отборнейших, чистейших людей. Надо раз навсегда прекратить эти разговоры.

Мы делились по политической линии; нас разделили вопросы классовой борьбы, а не этики. Мы знаем, что в среде нашей партии есть люди и чуждые по идеологии,

примазавшиеся, обюрократившиеся и разложившиеся. Именно поэтому мы чистим нашу партию от таких людей. Именно поэтому мы так беспощадны к критике таких людей. Мы не гарантированы от того, что на протяжении нашего долгого пути, на протяжении трудных этапов нашей борьбы не оторвутся от нас единицы.

Но мы знаем, что у людей, которые строят свою организацию в подпольи против партии, найдется немало членов этой организации, которые не выдержали бы и десятой доли того огня самокритики, какой обрушен был на голову смоленских, сочинских и других работников. Мы ими не занимаемся потому, что они отрезанный от партии ломоть, и потому, что путь такого шельмования—не наше оружие.

●

Период реконструкции советского хозяйства сопровождается большими трудностями, большим финансовым и бюджетным напряжением. Целый ряд потребностей рабочего класса удовлетворяется совершенно недостаточно. Мы окружены враждебными нам капиталистическими государствами. Но единственная сила, которая противостоит капиталистическому миру,—это сила организованного Коммунистическим Интернационалом пролетариата вне СССР и внутри единственного в мире социалистического государства. Никакие злорадные хихиканья и никакие угрозы не помешают нам строить социализм в нашей стране под руководством нашей партии.

Мы не можем пройти мимо распространяемых троцкистами, сапроновцами, мясниковцами и другими подобными же меньшевистскими, эсеровскими или анархо-синдикалистскими или белогвардейскими листовками, брошюрами, слухов и слушков. Слухи и слушки являются также одним из средств борьбы в этих группах. Иногда пускается в ход самая остро отравленная клеветническая выдумка, причем выдумка эта идет из «достоверных источников», иногда «от собственного корреспондента», откуда-нибудь из Алмы-Аты. Эти слухи и слушки распространяются не только членами подпольных групп, их родней и близкими,—вся мелкобуржуазная свора торговцев, мещан, антисоветски настроенных служащих злорадно подхватывает эти слухи и слушки и делает их орудием борьбы против партии и государства пролетарской диктатуры.

Используются всякие трудности, какие мы переживаем. Если мы не можем сегодня поднять заработную плату так, как нам хотелось бы, то мы должны знать, что это будет использовано и троцкистами, и сапроновцами, и мясниковцами так же, как меньшевиками. Этому мы должны дать самый решительный отпор. Мы должны мобилизовать общественное мнение партии и комсомола на борьбу со сторонниками этих групп, где бы они ни выступали. Мы должны активизировать наших партийцев и комсомольцев на борьбу с этими антипартийными группами и настроениями. Мы должны зорко следить за тем, чтобы наши собственные ошибки не давали почвы для выступления этих людей. Мы должны бороться решительно с правыми шатаниями в нашей партии, со всяким примиренчеством с ним, потому что эти правые шатания и примиренческое отношение к ним плодят сторонников антипартийных групп, дают им питательную почву.

Мы знаем, что кое-кто из наших противников попытается сделать веселое лицо: ага, дескать, раз о нас говорят, значит мы заставили о себе говорить, значит мы имеем успех. Да, вы имеете успех,—такой же успех, какой имеют меньшевики и эсеры. Вы у них, у меньшевиков и эсеров, оспариваете сторонников. Вы имеете успех постольку, поскольку вы действуете их методами, поскольку вы становитесь на почву их тактики, их программы. Вы имеете успех, поскольку вы подрываете доверие к ВКП(б) и советской власти, поскольку вы дезорганизуете социалистическое строительство Советского государства. Незавидный успех! Это успех, который будет отталкивать от оппозиции,—ближе к партии—лучшие элементы, которые все еще имеются в ней.

И в этом смысле можно только приветствовать четкую постановку вопросов в некоторых документах оппозиции: чем она будет яснее, тем основательнее мы разоблачим всякую фальшь в этих документах; чем полнее мы покажем истинное лицо подпольных групп, действующих под флагом оппозиции, тем яснее станет для примыкающих к этой оппозиции, что они стоят у последней черты.

●

ВЧЕРАШНИЙ И ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ ТРОЦКИСТОВ

ИХ ПУТЬ

Борьба, которую вели троцкисты на протяжении последних лет, закончилась тем, что несколько тысяч членов троцкистского фракционного блока очутились за пределами партии, внутри которой они пытались провести свои антиленинские взгляды. До тех пор однако пока они проводили эти взгляды в рамках партийности, можно было с ними спорить, можно было им доказывать их несостоятельность с точки зрения выдержанной классовой пролетарской ленинской позиции, можно было убеждать их, даже итти на соглашение с ними по отдельным практическим вопросам. Но за все эти годы в их поведении и взглядах постепенно накоплялось столько небольшевисткого, антиленинского, что отдельные разногласия превратились в целую систему разногласий, когда мы получили вполне оформленный мелкобуржуазный уклон, когда этот мелкобуржуазный уклон принял яркое выражение меньшевистского социал-демократического уклона. Но и тогда, когда это был только уклон, можно было центр тяжести переводить на идеологическую борьбу с этим уклоном, не принимая тех решительных организационных мер, которые сделали бы невозможным распространение в рядах нашей партии меньшевистских социал-демократических взглядов троцкизма.

Если сегодня партия, борясь с правым уклоном, делает ударение на том, что борьба с правым уклоном должна главным образом вестись мерами идеологического порядка, то это потому, что перед нами нет оформившейся фракции, нет организационного оформления этого уклона. Вся предыдущая история троцкизма, его борьба с партией должны служить достаточно грозным предостережением всякой группе, всякому, кто начинает колебаться в правильности линии партии. В рамках внутрипартийной демократии, в рамках нашей партийной организации она может защищать свои взгляды.

Партия не будет особенно щадить чувства таких товарищей, которые стали на неправильный путь. Нечего обижаться на то, что в таких случаях «прорабатывают» товарищей, которые защищают точку зрения, не разделяемую партией. Это совершенно неизбежно в условиях, с одной стороны, возросшего политического уровня партийной массы, возросшей политической активности этой массы, а с другой, в обстановке необычайно острого внутреннего и международного положения, когда партия обязана добиваться и единства взглядов, обеспечивающего единство действий коммунистической партии. Мы действуем и в этом случае по указанию Ленина:

> «Чтобы единство было прочным, нужно, чтобы был осужден уклон. Раз он наметился, нужно его выявить и обсудить» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 157.)

Но когда троцкизм оформился организационно, когда он стал фракцией внутри партии, с подпольной техникой, подпольной организацией, когда эта фракция попыталась и внутри Коминтерна раскалывать братские компартии, когда перед партией и Коминтерном выросла вполне реальная угроза образования другой партии,—тогда конечно одни меры идеологического воздействия оказались совершенно недостаточными. И мы видим, как нарастают мероприятия организационного порядка, обостряясь по мере того, как обостряется антипартийная борьба троцкистской фракции против ВКП(б) и Коминтерна. Дело доходит до вербовки в подпольную организацию беспартийных и даже антипартийных помощников подпольной работы, дело доходит до поддержки групп, исключенных из партий Коминтерна, до создания своих печатных органов, до подпольных типографий, до захвата помещений под собрания, до прямых и резких нарушений партийной дисциплины. И наконец 7 ноября 1927 г. дело доходит до открытого выступления—в 10-ю годовщину Октября—на улицу с лозунгами, отличными от лозунгов Центрального комитета, с попытками продемонстрировать перед несколькими тысячами иностранцев и перед всем миром свою враждебность партии. Тогда ясно стало, что

партия должна принять по отношению к троцкистам меры иного порядка. Нечего уже было говорить о возможности какого-либо соглашения с троцкистами потому, что к этому времени троцкизм оформился как социал-демократическое течение внутри ВКП(б), со своей особой платформой, особой подпольной организацией, особой техникой, своими подпольными органами и зачатками такого же рода организаций в некоторых компартиях других стран. За этот период времени троцкистам удалось сколотить вокруг себя и другие несогласные с партией антипартийные и оппозиционные группы, с которыми они шли вместе вплоть до уличных выступлений. Партия должна была удалить из Центрального комитета троцкистов и их сторонников, ставших на путь открытого раскола, открытого восстания против партии и против советской общественности.

Перед XV съездом партии стала задача более точно определить отношение ленинской партии к троцкистской партии, которая под видом фракции пыталась организоваться внутри ВКП(б), вербуя в то же самое время элементы для этой подпольной троцкистской партии и из среды исключенных из партии и из среды явно враждебных партии беспартийных элементов. XV съезд исключил из своих рядов троцкистскую организацию. XV съезд потребовал от всех, кто принадлежал к этой организации, кто разделял взгляды троцкистов,—чтобы они определили свое отношение к решениям съезда, и поставил перед ними выбор: либо подчиниться всем решениям съезда, на деле прекратить всякую организационную связь с фракционной антипартийной организацией Троцкого, снять свои подписи с программы-платформы Троцкого, либо очутиться вне рядов ВКП(б). Вот что привело за пределы ВКП(б) несколько тысяч недавних членов нашей партии, поставило перед ними вопрос во всей остроте о дальнейшем отношении к партии.

Мы знаем, что когда мы говорим об антипартийной сущности троцкизма, называем троцкизм меньшевистским, социал-демократическим, мелкобуржуазным течением, то это вызывает искреннее возмущение кое-кого. Многие троцкисты, в особенности молодежь, до сих пор еще придают гораздо большее значение фразе, чем существу деятельности троцки-

стов, чем объективному значению этой деятельности. Однако мы не должны ни на одну минуту забывать тех предостережений, которые нам делал В. И. Ленин еще на X съезде по поводу различного рода оппозиционных и фракционных групп. Ленин на примере кронштадтского восстания указывал на опасность того, что не только какая-нибудь внутрипартийная фракция, вроде «рабочей оппозиции», или иной какой может выступить под самыми «левыми» лозунгами, но что даже белогвардейцы могут принять самые «левые», «левее» партийных, лозунги. В резолюции об единстве партии Ленин писал об этом опыте кронштадтского мятежа: «Использование врагами пролетариата всякого уклонения от строго выдержанной коммунистической линии с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадтского мятежа, когда буржуазная контрреволюция и белогвардейцы во всех странах мира выявили свою готовность принять даже лозунги советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контрреволюция использовали в Кронштадте лозунги восстания якобы во имя советской власти против Советского правительства в России. Такие факты доказывают вполне, что белогвардейцы стремятся и умеют перекраситься в коммунистов и даже «левее» их, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России. Меньшевистские листовки в Петрограде накануне кронштадтского мятежа показывают, равным образом, что меньшевики использовали разногласия внутри ВКП(б), чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадтских мятежников, эсеров и белогвардейцев, выставляя себя на словах противниками мятежей и сторонниками советской власти лишь с небольшими, будто бы поправками» (Резолюция X съезда).

Именно поэтому нас не должно ни в какой степени обманывать то обстоятельство, что троцкисты усваивают и распространяют такие лозунги, которые кажутся даже иногда «левее» коммунистической линии партии, как нас не должно обманывать то обстоятельство, что троцкисты действуют антипартийно и антисоветски, выставляя себя на словах противниками мятежей и сторонниками советской власти лишь с небольшими будто бы «поправками» к партийной линии.

Как далеко дело зашло сегодня, свидетельствует хотя бы такой маленький, на первый взгляд, штрих, как то, что

троцкисты в переписке между собой употребляют для условного обозначения нашей партии, ВКП(б), слово «враг». ВКП(б)—враг. Вот по сути дела к чему пришли троцкисты после нескольких лет борьбы внутри партии и вне ее—против ВКП(б). Этим определяются теперешние взаимоотношения и ВКП(б) с троцкистами. Троцкизм—это уже не уклон, троцкизм—не оппозиция, троцкизм—не легальная фракционная группа. Троцкизм—подпольная антисоветская организация, не останавливающаяся ни перед чем в борьбе против ВКП(б), которую она считает своим врагом. Совершенно ясно, что и меры воздействия на такую организацию совершенно иные, чем могли бы быть тогда, когда троцкизм еще не докатился до тех форм и размеров борьбы против нашей партии, которыми троцкисты поставили себя сами за пределы партии, за пределы Коминтерна, в стан врагов.

Если органы советской власти не принимали мер административных по отношению к такой подпольной политической группе, которая пытается убедить рабочих и крестьян, что нынешний строй СССР—это «керенщина наизнанку», что надо предъявлять правительству СССР путем стачек требования повышения заработной платы, что надо вводить тайное голосование, что армия у нас—бонапартистская, что надо подготовлять кадры к возможности гражданской войны и т. д. и т. п.,—они перестали бы быть органами пролетарской диктатуры.

ТРОЦКИСТЫ ДО БЛОКА 1926—1927 гг.

Из бесчисленных документов партии и самой оппозиции мы теперь можем с точностью установить на основании собственных заявлений троцкистов, что троцкистская фракция существовала вполне оформленно с 1923 года, а в неоформленном виде она фактически не переставала существовать со времени вхождения Троцкого в большевистскую партию в 1917 году. Даже входя в партию Троцкий считал необходимым сохранить свои кадры вокруг себя, имея в виду, что ему придется бороться и против Ленина и против всей партии. Мы не хотим умалять роли Троцкого ни в революции 1917 года, ни в последующие годы. Партия по досто-

инству ценила Троцкого тогда, когда он делал партийное дело, когда он честно выполнял партийные поручения. Но партия именно поэтому и особенно считаясь со всем прошлым Троцкого, с его меньшевизмом, с его склонностью к организации беспринципных блоков (августовский блок), с его беспринципным центризмом (период ликвидаторства и империалистической войны), обязана была давать самый решительный отпор всяким попыткам опереться на свои троцкистские «кадры».

Во время дискуссии 1923/24 г. XIII Всесоюзная конференция партии в резолюции об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии считала возможным говорить о соглашении с Троцким. В этой резолюции мы прямо читаем:

> «Несмотря на фракционные выступления т. Троцкого, большинство Политбюро сочло необходимым добиваться соглашения с ним. В результате длительных усилий большинства Политбюро была принята единогласно и 5 декабря 1925 г. опубликована резолюция Политбюро и Президиума ЦКК о внутрипартийном строительстве».

Следовательно у партии была добрая воля договориться с Троцким; она делала все попытки к тому, чтобы удержать Троцкого в партии, чтобы помочь ему исправить свою линию. При выработке резолюции 1923 г. наиболее спорным вопросом был вопрос о фракциях. «При выработке резолюций Политбюро и Президиума ЦКК т. Троцкий сначала не возражал против запрещения фракций, но в то же время настаивал на том, чтобы не была запрещена свобода группировок. Тем не менее удалось выработать единогласное постановление, которое в вопросе о фракциях ссылается на постановления X съезда РКП(б)».

Мы здесь не останавливаемся подробно на этой дискуссии 1923 года, вызванной выступлениями Троцкого и запиской «46». Режим, сложившийся еще при жизни Ленина, эти люди называли «режимом фракционной диктатуры», пророчили «гибель» партии в стране, утверждали, что успехи в области хозяйства, промышленности, финансов, транспорта достигнуты «стихийно», «не благодаря руководству, а несмотря на

неудовлетворительное руководство, или, вернее, на отсутствие всякого руководства», а в конце концов требовали, чтобы ЦК созвал совещание членов ЦК с наиболее видными и активными работниками с тем, чтобы список приглашенных включал в себя ряд товарищей, имеющих взгляды на положение, отличные от взглядов большинства ЦК. По сути дела речь шла о том, чтобы партия стала на путь соглашения отдельных групп и течений в партии, т. е. чтобы партия стала на совершенно небольшевистский путь. Вот почему XIII Всесоюзная конференция должна была отметить, что:

> «Оппозиция» явно нарушила постановление X съезда РКП(б), запрещающее образование фракции внутри партии. Большевистский взгляд на партию как на монолитное целое «оппозиция» заменяет взглядом на партию как на сумму всевозможных течений и фракций. Эти течения, фракции и группировки согласно «новым» взглядам «оппозиции» должны быть равноправны в партии, а ЦК партии должен являться не столько руководителем партии, сколько простым регистратором и посредником между течениями и группировками. Такой взгляд на партию не имеет ничего общего с ленинизмом».

Само собой разумеется, что тогда, как и позже, фракционные выступления оппозиции оживили белоэмигрантские и меньшевистские надежды на расшатывание диктатуры пролетариата и расширение политических прав новой буржуазии, и это вынуждена была отметить резолюции XIII партийной конференции. Уже тогда ясно стало, что те нарушения партийной дисциплины, которые мы имели со стороны Троцкого, могут потребовать от нас применения более решительных организационных мер, и конференция постановила опубликовать неопубликованный до того 7-й пункт резолюции об единстве, принятый по предложению Ленина X съездом РКП(б), дающий право совместному заседанию ЦК и ЦКК двумя третями голосов перевести из членов в кандидаты или даже исключить из партии любого члена ЦК в случае нарушения партдисциплины или «допущения фракционности».

XIII съезд партии, который целиком и полностью одобрил упомянутую резолюцию XIII партконференции, вместе с тем подчеркнул, что «малейшая фракционность должна преследоваться самым суровым образом». V конгресс Коминтерна, утвердивший решения ВКП(б) об оппозиции, осудил также «платформу оппозиции, как платформу с мелкобуржуазным

уклоном, и ее действия, как действия, угрожающие единству партии, а следовательно и диктатуре пролетариата в СССР».

Мы здесь также не останавливаемся подробно на дискуссии об «Уроках Октября», которой пленум ЦК и ЦКК 17 января 1925 г. подвел итоги. Напомню, что в течение нескольких лет пребывания Троцкого в нашей партии, партии пришлось вести с Троцким 4 всероссийских дискуссии, не говоря о менее крупных спорах по крайне важным вопросам. Первая дискуссия—о Брестском мире, когда понадобилась угроза Ленина выйти из правительства; вторая дискуссия—о профсоюзах, когда Троцкий своим антисоветским образом действий (как выражался тогда Ленин) заставил «лихорадить» партию; третья дискуссия—о «партаппарате», о «плане», о мнимо-крестьянском уклоне ЦК, о «борьбе поколений» и т. д. Тогда же ясно стало, что разговоры троцкистов о гибели страны в заявлении «46» были не чем иным, как отражением «мелкобуржуазного испуга», неверия в силы нашей экономики и полного непонимания нашей экономики. Наконец, в четвертой дискуссии Троцкий открыл уже прямой поход против основ большевистского мировоззрения. «Разногласия касаются не только вопросов прошлого: само прошлое «ревизуется» для того, чтобы «подготовить» платформу нынешних актуальных политических разногласий» (Резолюция пленума ЦК и ЦКК от 17 января 1925 г.). Троцкий заявил тогда, 15 января 1925 г., о готовности выполнить под контролем партии ту работу, которая была ему поручена, однако ни словом не признал своих ошибок, ограничившись лишь формальной лойяльностью. Поэтому пленум ЦК и ЦКК постановил:

> «Сделать т. Троцкому самое категорическое предупреждение в том смысле, что принадлежность к большевистской партии требует действительного, а не словесного только подчинения партийной дисциплине и полного, безоговорочного отказа от какой бы то ни было борьбы против идей ленинизма».

Вместе с тем пленум признал невозможной дальнейшую работу Троцкого в Реввоенсовете СССР, отстранил его от этой работы, а вопрос о дальнейшей работе Троцкого в ЦК отложил

> «до очередного партийного съезда с предупреждением, что в случае новой попытки со стороны т. Троцкого нарушения или неисполнения партийных решений, ЦК будет вынужден, не дожидаясь съезда, признать невозможным дальнейшее пребывание т. Троцкого в составе Политбюро и поставить вопрос перед объединенным ЦК и ЦКК об его устранении от работы в ЦК».

Расширенный пленум ИККИ в 1925 году в резолюции о большевизации партий Коминтерна особенно подчеркнул:

> «Особенно опасный уклон от ленинизма представляет троцкизм—разновидность меньшевизма, соединяющая «европейский» оппортунизм с «левой радикальной фразой», зачастую прикрывающей политическую пассивность. Троцкизм—это необычный уклон в сторону меньшевизма,—это многолетняя система борьбы против ленинизма; троцкизм—это также не только русское явление, это явление международного порядка. Осуществить ленинизм в Коминтерне,—это означает—разоблачить троцкизм во всех партиях и ликвидировать его как течение».

НОВАЯ ОППОЗИЦИЯ И ОППОЗИЦИОННЫЙ БЛОК 1926—1927 гг.

В выработке вышеприведенных резолюций очень видное участие приняли тт. Зиновьев и Каменев, которые однако мало чему научились на опыте борьбы с троцкизмом,—это они должны признать теперь со всей прямотой. Иначе они не решились бы на такие шаги, которые заставили их стать на совершенно беспринципный путь соглашения с троцкизмом, который сами они вчера характеризовали, как «уклон в сторону меньшевизма», как «многолетнюю систему борьбы против ленинизма». Начав в 1925 г. борьбу против партии с упреков по адресу большинства в полутроцкизме, эти товарищи и их сторонники всего через несколько месяцев приступили к выработке вместе с Троцким и троцкистами объединенной линии борьбы против ЦК, против партии и докатились до взаимной амнистии за прошлое, до выработки единой платформы, авторство которой, во всяком случае, на девять десятых, если не больше, принадлежит Троцкому, если судить по тому хотя бы, что за границей в целом ряде издательств эта платформа опубликована как произведение Троцкого. Всякие разговоры о том, что, соглашаясь на эту платформу, большевики не становились на точку зрения Троцкого, являются

пустыми разговорами, потому что нельзя же стоять одновременно и на платформе программы партии и на платформе программы троцкистов, не превращая в пустой звук понятие партийности. XIV съезд партии дал самый решительный отпор политическим и организационным шатаниям оппозиции как извращениям ленинизма. Однако и тогда, на XIV съезде, в состав нового ЦК и ЦКК и даже в состав Политбюро введены были сторонники оппозиции. Так далеко шло желание партии, стремление большевиков сохранить в своих рядах людей, которые имели за собой революционное прошлое, так велико было желание исправить ошибки этих людей партийным путем! «Партия надеялась, что оппозиция в процессе деловой работы осознает и исправит свои ошибки» (резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК, июль 1926 г.). Она обманулась: дело дошло до подпольных лесных собраний троцкистов, до распространения нелегальных документов, дело дошло до создания подпольной организации. Партия насторожилась. Она отметила, что «эти дезорганизаторские шаги оппозиции свидетельствуют уже о том, что оппозиция решила перейти от легального отстаивания своих взглядов к созданию всесоюзной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и подготовляющей таким образом раскол ее рядов» (июльский пленум ЦК и ЦКК 1926 г.). Мы с тревогой тогда отмечали, что и аппарат Коминтерна превращается в орудие борьбы против партийной линии, что намечается тенденция «к блоку в международном масштабе как с ультралевой типа Корша, так и с ультраправой типа Суварина». Пленум исключил тогда из состава ЦК тов. Лашевича, снял его с поста зампред Реввоенсовета, запретив ему в течение двух лет вести ответственную партийную работу. И в отношении ряда других товарищей, принимавших участие в создании подпольных собраний, пленум применил сравнительно легкие партийные репрессии, все еще главное внимание направляя на идеологическую борьбу с троцкистами.

Однако уже осенью 1926 г., когда оппозиционный блок попытался явочным порядком открыть широкую дискуссию и когда партийная масса дала решительный отпор этой попытке, оппозиция вынуждена была сделать 17 октября

заявления, в которых признает свои ошибки по части фракционной борьбы и нарушения решений ЦК против дискуссии, заявляя, что она распускает фракцию и обязуется безоговорочно подчиниться всем решениям партии и ее центральных органов, отмежевывается от ликвидаторской позиции Оссовского, Медведева и Шляпникова, отмежевывается от травли СССР и фракционной борьбы с Коминтерном. Центральный комитет считал тогда, что

> «тот минимум, который необходим для обеспечения единства партии, можно считать достигнутым. Задача состоит в том, чтобы, продолжая идейную борьбу с принципиальными ошибками оппозиции, от которых она не отказывается, принять все меры к тому, чтобы достигнутый минимум для обеспечения единства партии был действительно проведен в жизнь».

Вместе с тем пленум ЦК и ЦКК вынужден был в виду нарушения партийной дисциплины со стороны членов ЦК—Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Евдокимова, Сокольникова и Смилги, всем этим товарищам сделать предупреждение и поставить им на вид недопустимость их поведения; а ввиду того, что т. Зиновьев не выражал тогда линии ВКП(б) в Коммунистическом интернационале, ЦК и ЦКК не нашли возможным поручить ему дальнейшую работу в Коминтерне. Троцкий тогда был освобожден от обязанностей члена Политбюро, а Каменев—от обязанностей кандидата в члены Политбюро и ЦК. Значит, и здесь меры были только предупредительного характера.

XV Всесоюзная конференция ВКП(б) должна была констатировать переход «новой оппозиции» к троцкизму в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции и признать, что «эти взгляды Троцкого и его единомышленников являются прямым приближением ко взглядам социал-демократии в лице ее нынешнего лидера Отто Бауэра». Конференция квалифицировала «подобные взгляды т. Троцкого и его единомышленников, как социал-демократический уклон в нашей партии в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции». Конференция констатировала, что

> «оппозиционный блок превратился в сборный пункт всех и всяких осужденных партией и Коминтерном обанкротившихся

течений внутри ВКП(б) и вне ее, от «демократических центристов» и «рабочей оппозиции» в ВКП(б) до ультралевых оппортунистов в Германии и ликвидаторов Суваринского толка во Франции».

Конференция считала, что оппозиционный блок представляет в новой форме нечто вроде рецидива августовского блока 1912—1914 гг. Однако конференция и тогда не сделала еще каких-либо решительных организационных выводов по отношению к троцкистам. Она все еще надеялась на их исправление. Задачи партии в дальнейшем конференция определяла таким образом:

«1) следить за тем, чтобы достигнутый минимум, необходимый для единства партии, был действительно проведен в жизнь; 2) вести решительную идейную борьбу с социал-демократическим уклоном в нашей партии, разъясняя массам ошибочность принципиальных взглядов оппозиционного блока и выставляя на свет оппортунистическое содержание этих взглядов, какими бы «революционными» фразами они ни прикрывались; 3) добиваться того, чтобы оппозиционный блок признал ошибочность своих взглядов; 4) всемерно охранять единство партии, пресекая все и всякие попытки возобновления фракционности и нарушения дисциплины».

Вы видите, что здесь перечисляются исключительно меры идейного воздействия, хотя мы уже имели дело с оформившимся социал-демократическим уклоном.

VII расширенный пленум ИККИ подчеркнул, что мы имеем в лице оппозиции «правую опасность внутри ВКП(б), прикрытую иногда левыми фразами». Дальнейшие события показали не только правильность характеристики троцкистов как правого уклона, прикрывающегося левыми фразами, как социал-демократического меньшевистского уклона, но показали также и то, что партия слишком терпелива, слишком мягко отнеслась ко всем дезорганизаторским шагам оппозиции. Рабочие, рядовые члены партии, нас справедливо упрекали тогда в «миндальничаньи», в мягкости по отношению к троцкистам. Вопреки всяким торжественным обязательствам, которые давали троцкисты, обещая распустить фракцию, эти обещания нарушались самым грубым образом. И Коминтерн и ВКП(б) неоднократно вынуждены были возвращаться к этому поведению троцкистов, принимая все более решительные

меры против дезорганизаторов, раскольников, проводников социал-демократического влияния в нашей партии. Выступления Троцкого и его единомышленников становились все острее по отношению к партии. Расширенное пленарное заседание ИККИ констатировало, что атака троцкистской оппозиции против ВКП(б) и Коминтерна в вопросе о войне «объективно идет по той же линии, что и наступление буржуазии и ее агентов, рассчитанное на уничтожение решающих силовых центров пролетарской мировой революции». Пленум уполномочил президиум ИККИ сообща с ИКК исключить Троцкого и Вуйовича из ИККИ, если их фракционная борьба не будет прекращена. VIII пленум ИККИ вынужден был исключить этих членов из своих рядов, констатировав, что

«оппозиция не только идеологически, но и организационно становится кристаллизационным центром тех враждебных пролетариату слоев, которые тяготятся режимом пролетарской диктатуры и активно стремятся к ее свержению».

Лето 1927 года ознаменовывается окончательным программным оформлением троцкистской партии, выступлением с особой платформой (заявление «83-х», разработанное затем в платформу «13-ти»—оппозиции). В самый острый момент угрозы войны троцкисты выступили с такими заявлениями, которые иначе нельзя было назвать, как провокационным по отношению к ВКП(б), и объединенный пленум ЦК и ЦКК в августе 1927 г. должен был констатировать, что «благодаря всем этим преступлениям против партии и пролетариата, лидеры оппозиции загнали себя в тупик, стали во враждебные отношения с партией и поставили партию перед необходимостью применения к ним постановления X съезда нашей партии об единстве партии». Однако и тогда, даже в этот момент партия все еще шла на примирение. Партия предъявила оппозиционному блоку ряд требований. Оппозиция приняла эти требования, хотя и со всякими оговорками. Тем не менее объединенный пленум ЦК и ЦКК «с удовлетворением» отметил даже те формальные уступки, которые сделала тогда оппозиция, не желая доводить до окончательного, полного разрыва. Правда, мы не делали себе тогда иллюзий насчет будущего. Мы уже тогда имели перед собой бесчисленные факты нарушения троцкистами принятых ими на себя обязательств. Поэтому объединенный пленум ЦК

и ЦКК заявил тогда, что он «не имеет основания ручаться, что отступление оппозиции и отказ от ряда ее ошибок является вполне искренними. Опыт аналогичного «заявления» оппозиции от 16 октября 1926 года показывает, что оппозиция не всегда склонна выполнять данные ею партии обязательства». Объединенный пленум ЦК и ЦКК обязал тогда оппозицию немедленно распустить фракцию и призвал все организации и всех членов партии «принять все меры к тому, чтобы фракционность, фракционные выступления и фракционные группировки были безусловно ликвидированы», причем мы напоминали тогда предложение Ленина о фракциях на X съезде, на основании которого всякая попытка создания фракции должна «вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии».

Ближайшее будущее показало, что эти меры были недостаточны, и уже 23 октября 1927 года объединенный пленум ЦК и ЦКК вынужден был исключить Троцкого и Зиновьева из состава ЦК, после организации антипартийной нелегальной типографии, после того, как совершенно определенно наметился блок с ренегатами Масловым, Рут-Фишер и Сувариным для разрушения Коминтерна,—и постановил поставить на рассмотрение XV съезда вопрос о дальнейшем пребывании в партии как троцкистской группы, так и других фракционных групп.

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ 7/XI 1927 г.

7 ноября 1927 г. было наиболее острым моментом, переломным моментом, с которого начинается новая полоса в отношениях между партией и троцкистами. Совершенно ясно стало, что мы имеем дело не с тенденцией образования другой партии, а с другой партией, меньшевистской социал-демократической организацией, прикрывающейся званием оппозиционеров большевиков-ленинцев, выступающей под самыми иногда левыми лозунгами, способными обмануть кое-какие неустойчивые элементы и внутри нашей партии и привлечь неустойчивые мелкобуржуазные элементы вне партии. Однако даже на XV съезде партии еще возможно было отступление троцкистов на партийные позиции. XV съезд предоставил им полную возможность для этого. Они этой возможностью не воспользовались, не сумели стать на партийные позиции. Они отрезали себе путь к партийности, они пытались обмануть партию такими заявлениями, которые, по сути дела, их ровно ни к чему не обязывали. Мы уже цитировали в статье «У последней черты» заявления Троцкого Урбансу о том, что все те заявления, которые делали в различное время троцкисты, нельзя рассматривать всерьез. Троцкий писал Урбансу в марте 1928 г.:

> «Что касается ваших многочисленных и резких критических замечаний о наших «заявлениях» (16 октября 1926 г., 8 августа 1927 г. и на XV съезде), то вы обнаруживаете ими непонимание одной простой вещи, что все эти заявления не были нашими пропагандистскими документами, а были публично отданными приказами о временном отступлении. Судить о них надо следовательно не путем «разбора текстов», а анализом политической обстановки, при которой проводилось отступление. Вопрос должен стоять так: неизбежно ли было отступление в соответствующий момент, отмеченный в заявлении, принесло ли в общем соответствующее отступление пользу оппозиции или вред».

Циничнее этого сказать нельзя! После этого требовать от партии, чтобы она всерьез отнеслась к «заявлениям» троцкистов,—это значит принимать членов партии за дураков, которые верят подобным публично отданным приказам о временном отступлении. Мы можем лишь благодарить еще раз троцкистов за подобную откровенность, которая снимает с нас всякие обязательства по отношению к троцкистам, раз вождь их делает подобные заявления. Мы также поэтому не будем заниматься «разбором текста» этих заявлений и примем их за маневры троцкистов, которые они в тот или иной момент делают, исходя не из интересов партии, а из того, «принесло ли в общем соответствующее отступление пользу оппозиции или вред».

XV съезд подвел черту всей той борьбе, которая велась на протяжении нескольких лет троцкистами против нашей партии. Вопрос был поставлен с такой резкостью, с какой он до этого не ставился именно потому, что троцкисты перестали уже быть оппозиционной группой, они превратились в организацию другой партии, которая пыталась использовать легальные и нелегальные возможности внутри ВКП(б),

руководя рядом учреждений и аппаратов, используя эти аппараты для своих антипартийных целей. Этого партия им позволить не могла. Она исключила их из своих рядов, она приняла все меры к тому, чтобы обезопасить государственный, советский, хозяйственный и партийный аппарат от попыток его использования в целях оппозиции.

А когда выяснилось, что и сделанные на XV съезде партии заявления троцкистов на другой же день были самым грубым образом нарушены; когда из директивных писем, посланных Троцким за границу, выяснилось, что троцкисты организуют новый поход против ВКП(б) и советского государства,—партия и советская власть не могли уже рассматривать троцкистов иначе, чем они рассматривают всякую другую антисоветскую подпольную организацию. Троцкисты сами себя поставили в такое положение, когда партия не может уже разговаривать с ними, как она разговаривала в прежние годы, убеждать их, договариваться с ними. Уже в этих «двух документах» мы видим совершенно определенную попытку натравить на партию и Коминтерн все те элементы, которые на протяжении нескольких лет были отброшены Коминтерном. Давались советы не противопоставлять себя СССР, как буржуазному государству, а бить по ВКП(б), по ее руководству. Это,—в несколько переиначенном виде,—не что иное, как давно знакомая нам белогвардейская кронштадтская формула «советы без коммунистов». Вот почему произошли кое-какие географические перемещения деятелей подпольной троцкистской организации, направленные к тому, чтобы максимально обевредить их—сделать невозможным продолжение дезорганизаторской, антисоветской работы.

Но это вовсе не значило, что мы закрыли навсегда двери тем, кто откажется от этого пути, кто осознает свои ошибки, кто найдет в себе мужество признать и осудить весь тот вред, который нанесен борьбой троцкистов ленинской партии. Партия дала полную возможность вернуться в ее ряды тем, кто эти ошибки признает и докажет на деле готовность эти ошибки исправить.

Еще накануне и во время XV съезда произошел раскол оппозиционного блока. Еще до съезда от этого оппозиционного блока отошло «левое» крыло сапроновцев, выступавших со своей особой платформой «15-ти», считавших троцкистов соглашателями, недостаточно «революционными». Во время съезда так называемая «ленинградская оппозиция» поняла в подавляющем своем большинстве, что ей не по дороге с троцкистами[1]. Уже в январе месяце появилось в «Правде» письмо Зиновьева и Каменева, которое формулировало отношение большинства «ленинградской оппозиции» к партии и отмежевывалось от троцкистов. Однако и среди троцкистов «1923 г.» начался процесс дифференциации, расслоения, отхода от них элементов, не порвавших еще окончательно с партийностью, с большевизмом.

На протяжении 1928 г. почти вся «ленинградская оппозиция» вернулась в ряды партии. Вернулись за это время в партию несколько сот исключенных из наших рядов (мы не располагаем в настоящее время точными цифрами ввиду того, что все время идет процесс восстановления в рядах партии признавших свои ошибки). Правда, мы должны признать, что сделано было недостаточно в смысле идеологической борьбы с троцкизмом за 1928 г., что мы слишком мало уделяли внимания всякого рода новым толкам троцкистов, которые появлялись за это время. Больше того, мы должны признать, что партийные организации не всегда давали достаточный отпор троцкистским листовкам, шпаргалкам, которые распространялись кое-где даже на заводах. Отдельным выступлениям троцкистов не давался достаточно решительный и дружный отпор. Но нет никакого сомнения в том, что среди троцкистов в течение 1928 г. шел довольно сложный процесс расслоения, с одной стороны, под влиянием переоценки своих собственных позиций, с другой стороны, под влиянием того, что, настаивая на своих ошибках, основное ядро троцкистов все дальше и дальше отходило от возможности вернуться на партийные позиции. Всякую попытку возвращения на партийные позиции троцкисты встречали злобной руганью, клеймя ренегатами, смердяковыми и пр. и т. п. названиями тех, кто возвращался на партийные позиции.

Очутившись вне центров политической жизни СССР, вожди троцкистов по-разному стали определять создавшееся по-

[1] Несколько позднее вернулись в партию так называемые «безвождисты» — Саркис, Сафаров, Вардин, Наумов и др. бывшие члены «ленинградской группы» троцкистского блока. Число восстановленных оппозиционеров, отошедших от оппозиции, в настоящее время больше 1000.

ложение и намечать дальнейшие директивы. Троцкий например после того, как он «провалился» со своими антипартийными директивами Маслову (см. «Два документа»), в мае 1928 г. формулировал дальнейшую тактику словами оппозиционера Валентинова:

> «Вывод первый—больше выдержки; вывод второй—держись попрежнему политики дальнего прицела; вывод третий—наблюдай за тем, что делается в верхушке, но еще внимательнее следи за тем, что делается в массах».

Другие выводы делал Е. Преображенский. В документе от 4 января Преображенский писал:

> «Значит надо делать из нового положения новые выводы. Надо итти на сближение с большинством партии. Это я и предлагаю».

Эти выводы Преображенский делал на основании анализа фактов, убедившись в том, что партия ведет самую решительную борьбу с капиталистическими элементами, и что разговоры о сползании партии с классовой позиции являются пустыми разговорами. Делали свое дело и факты возвращения в партию ряда видных деятелей троцкистов. Об этом можно судить хотя бы по тому бешенству, с каким встречено было это возвращение в партию Троцким и его ближайшими единомышленниками. «Сегодня,—пишет Троцкий 17 марта 1928 г.,—получился номер «Правды» с письмом Пятакова... Признаться, особенного возмущения я не ощущаю да и «не особенного не чувствую». Давно считал его отрезанным ломтем... Политические заскоки в ту или другую сторону у него и в нормальное время происходили примерно раз в неделю, и он нуждался в разговоре с кем-либо из более политически мыслящихся товарищей, чтобы снова обрести равновесие, не очень устойчивое». Конечно эти слова резко расходятся со всем тем, что писал Троцкий до этого о т. Пятакове, так что придавать им значение всерьез ни в каком случае нельзя: они просто напросто выражают плохо скрытое озлобление. Радек в начале марта 1928 г. в связи с письмом Пятакова предается такого рода размышлениям: «После такого события, как наше исключение,—высказать честно, продумать все от начала до конца, пересмотреть весь механизм мысли, проверить на фактах позиции. Если после этого придет к убеждению о неправильности того, что делал, пусть искренне просит у партии прощения и идет на самую черную работу. Если приду к такому убеждению, что я не защищал диктатуру, а камни ей бросал под ноги, не будет во мне самолюбия, кажись». Обсуждая линию партии, Радек заявляет:

> «Если окажется, что это не зигзаги... тогда не борьба с руководством, а полная поддержка будет обязательна».

Радек советует удерживать «от всяких обострений». Но вчерашних своих друзей, возвращающихся к партии, оппозиционеры не щадят. Они не могут допустить даже, чтобы из честных политических побуждений люди возвращались в партию. Подобно персонажу Глеба Успенского, они все заявления оппозиционеров о возвращении в партию пытаются изобразить, как стремление приобрести какую-нибудь выгоду. «В карман норови»,—говорил этот персонаж у Глеба Успенского, а И. Н. Смирнов по отношению ко вчерашним своим единомышленникам—Гордону и Воробьеву—не находит иных объяснений, как «в карман норови!» «Еще будут такие господа Гордоны и Воробьевы, которые заботу о сытном бытии прикрывают желанием «строить социализм».

Партия держится того мнения, что Гордоны и Воробьевы нисколько не хуже Смирновых и Сосновских, что и у них есть свое революционное прошлое,—не хуже, чем у многих из тех, которые сейчас сохраняют гордо позиции «пострадавших за правду».

ТАКТИКА ТРОЦКИСТОВ В СВЯЗИ С КОНГРЕССОМ КОМИНТЕРНА

Однако троцкисты, изгнанные из партии, продолжая строить подпольную организацию, организовывать подпольные типографии, издавать листовки и т. п., должны были ведь думать и о том, чтобы найти какой-то выход на легальную арену. Созыв VI конгресса Коминтерна конечно давал возможность троцкистам найти путь к партии. Но как они использовали эту возможность? Вероятно будущий историк должен будет в смысле тактики признать, что нельзя сделать и придумать ничего глупее и несостоятельнее того, что придумали и сделали троцкисты. Мысль о подаче того или иного заявления конгрессу Коминтерна была конечно пра-

вильной мыслью, но как она была осуществлена! Ни малейшей попытки признать грубейшие ошибки и преступления, которые были сделаны, со стороны троцкистов не было. А между тем без этого разве мог конгресс Коминтерна рассматривать даже всерьез заявления троцкистов, особенно имея в виду вышеприведенное признание самого Троцкого Урбансу! Вместо признания того, что троцкисты грубо нарушили даже те обещания, которые они дали XIV съезду, Троцкий писал в своих директивах от 9 мая:

> «Обвинения нас в том, что мы нарушили обещания, данные XIV съезду, есть грубый, нелойяльный вздор». «Требуем ли мы,—обращался он к своим единомышленникам,—в нашем письме в Коминтерн восстановления в партии? Безусловно требуем. Обязуемся ли соблюдать дисциплину и не строить фракции? Обязуемся. Сейчас... у нас для такого обязательства гораздо больше возможностей и шансов, чем полгода или год тому назад. Незачем говорить, что тон письма должен быть совершенно спокойный, так, чтобы ясно видно было то, что есть».

Мы были бы последними людьми, если бы поверили теперь такого рода заявлениям «соблюдать дисциплину и не строить фракцию»,—после всего того, что мы имели со стороны троцкистов. Смилга формулировал в такого рода выражениях позицию, которую должны занять троцкисты:

> «Снова не капитуляция, а собирание своих сил. Ленинская оппозиция стремится к объединению всех групп, которые стоят на точке зрения марксизма и ленинизма...»
>
> «Оппозиция растет как в ВКП(б), так и в Коминтерне. Кризис левого зигзага приводит в наши ряды сотни и тысячи рабочих, добросовестно заблуждающихся насчет подлинного лица левой конвульсии».

Итак мы должны были бы, по мнению троцкистов, поддержать такие их шаги, как попытку собирания ими своих сил, объединения ими всех групп, которые по-троцкистски понимают марксизм и ленинизм. До этого может договориться только Смилга!

Е. Преображенский, наиболее трезво оценивавший положение, все время считал, что основная цель обращения должна быть иная:

> «*Мы хотим примириться с официальным большинством партии на основе дальнейшего развития курса, взятого в деревенской политике и в Коминтерне. Считаем со своей стороны это возможным и со своей стороны сделаем все возможное для такого примирения, заранее отказываясь только от фальши политиканства и предварительного смазывания себя дегтем*» (документ от 11 мая 1928 г.).

Иного мнения был Н. Муралов.

> «Что мы должны сказать конгрессу?—Что руководство партией и конгрессом после Ленина—ни к чорту (сто раз об этом сказано); что государством—тоже (десятки раз сказано); что теория построения социализма в одной стране контрреволюционна (почти так сказано)...» и т. д., и т. д.

Совершенно ясно, что при такой разноголосице толка из заявления конгрессу Коминтерна и не могло получиться. Отдельное заявление сначала было подано Преображенским, и в более спокойных и более приличных тонах, хотя по существу и оно является совершенно неправильным с точки зрения большевистской партии и Коминтерна. Совершенно иного рода были заявления, сделанные от имени Троцкого, к которым, не читая их, присоединились по телеграфу троцкисты из разных углов СССР, обрушившиеся на Преображенского за то, что он посмел выступить сепаратно с отдельным заявлением, обвиняя его и Радека в капитулянтстве, «прорабатывая» их, как «капитулянтов»[1]. Мы здесь не касаемся подробно содержания заявлений, поданных Коминтерну; не говорим о таких теориях, как идея Учредительного собрания в Китае, выдвинутая Троцким, как скучнейшие разговоры Троцкого о перманентной революции с попыткой вновь и вновь защитить свою неудачную теорию и пр. и т. п. Заявления Коминтерну были сделаны в такой форме и такого рода, что Коминтерн не мог не отвергнуть их, как попытки троцкистов вновь и вновь защищать антиленинские теории, антиленинские взгляды.

После VI конгресса Коминтерна среди троцкистов происходит новое расслоение, новые сдвиги. Прежде всего происходит передвижка части троцкистов на позицию децистов (сапроновцев). Об этой передвижке мы говорили уже отчасти в предыдущей статье «У последней черты». Чтобы

---

[1] Необходимо отметить, что не читая этих тезисов, присоединился к ним и Е. Преображенский, подчиняясь «никем не писанному» уставу фракционной дисциплины, оговариваясь после, что это кажется последний акт совместного солидарного выступления. Поживем — увидим.

понять, что означает этот сдвиг, мы должны процитировать письмо В. М. Смирнова в редакцию «Правды», в котором он пишет:

> «Нынешнее правительство, действующее под вывеской советской власти, которую оно на деле уничтожило, является враждебным пролетариату, и пролетариат должен и будет бороться против него за свою диктатуру, за подлинную власть советов».

Чем это отличается от белогвардейских писаний и чем это отличается от писаний «Социалистического вестника»? Пусть этим вопросом займутся сами сапроновцы. Мы считаем, что особых отличий здесь нет, и что и у нас нет оснований поэтому делать какие-нибудь различия между сторонниками этих взглядов и сторонниками меньшевистской партии. Это и есть призывы к антисоветской борьбе, к антипартийной борьбе тех, кто разделяет эти взгляды. И вот по адресу этих-то людей троцкисты посылают письма, призывающие к объединению. Письмо воронежской троцкистской группы «К тт. группы 15-ти».

> «Мы считаем,—пишут троцкисты в этом документе,—что на данном историческом этапе наши принципиальные разногласия имеют больше политических предпосылок к изжитию, чем к дальнейшему нарастанию».

Авторы письма считают, что ничего удивительного не было бы, если бы сапроновцы и троцкисты выступили с общим заявлением Коминтерну:

> «Об общем заявлении к конгрессу. Только при слабом рассудке и полном беспамятстве можно выдвигать обвинения в нежелании выступать с общим заявлением к конгрессу». «Если же кто против совместного выступления, так это не наши товарищи»—заявляют троцкисты. «По поводу совместного заявления,—пишет В. М. Смирнов,—я считаю это абсолютно невозможным, ибо компрометировать себя всякими троцкистскими благоглупостями, которые при данном положении там будут в изобилии,—слуга покорный! Даже в том случае, если бы там вытравлен был душок капитулянтства... все развиваемые в письме теории есть не что иное, как прокламирование дорожки капитуляции».

Касаясь истории расхождения с сапроновцами, воронежская группа троцкистов пишет:

> «Вы уже с 16 октября пытались исходить из фактического наступления термидора, чем обрекли себя на бессмысленное топтание на месте. Вы, с одной стороны, не обнаружили ни воли, ни стремления к легальным формам преодоления внутрипартийной реакции, а с другой—не проявили достаточной храбрости для решительного разрыва с партией и мобилизации рабочего класса вне этой партии против нее».

«МИЛЫЕ БРАНЯТСЯ—ТОЛЬКО ТЕШАТСЯ»

Троцкистская группа по адресу сапроновцев не жалеет крепких слов. Они пишут по поводу резкой позиции В. М. Смирнова, идеологического вождя сапроновской группы:

> «Тов. В. М. Смирнов в своем артиллерийском наскоке, исключающем всякие элементы политической честности и добропорядочности, называет заявление т. Троцкого к конгрессу капитулянтским своим признанием левого курса, поддерживающим мелкую буржуазию и т. п. смертными грехами. Если бы все эти приведенные характеристики, а особенно характеристика т. Смирнова не представляли собой обычной демагогии, клеветы, подтасовки, грубой фальсификации, пустого напыщенного кривлянья и сплошной истерии, то мы в действительности имели бы неопровержимые аргументы за сохранение раздельного существования».

Но повидимому таких аргументов за раздельное существование троцкистов и сапроновцев нет, и поэтому воронежская группа троцкистов предлагает сапроновцам объединение.

> «Переживаемый период требует от нас объединенных и активных действий. Официальное партийное руководство фактически переходит роковой исторический лимит, и путь внутрипартийной реформы становится все менее надежным».

Воронежская группа припоминает послесловие Троцкого к заявлению Коминтерну о том, что «победа правого крыла была бы последней ступенью к термидору», и призывает «кричать еще громче» (забывая, что еще Ленин окрестил сапроновскую фракцию—фракцией «громче всех крикунов»).

Чтобы судить о том, насколько принципиальны в данном случае троцкисты, мы должны сказать, что сама же воронежская группа троцкистов признает, что

«сапроновцы воскрешают худшие традиции грубого экономизма, анархического синдикализма, узкой цеховщины и худшей махаевщины, для которых характерно выдергивание вопросов рабочей экономики из общего комплекса революционной политической борьбы пролетариата».

Тем не менее троцкисты заявляют сапроновцам:

«Наступают дни решительных боев... Мы считаем, что нет у нас непримиримых, принципиальных разногласий, и давайте их больше не выдумывать».

СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКУ

В статье «У последней черты» мы приводили выдержки из документов, свидетельствующих о жалких попытках отграничиться от этой махаевщины, от анархо-синдикалистских, экономических и всяких других теорий, возрождаемых как сапроновцами, так и троцкистами. Но ясно ведь, что мы имеем дело в настоящее время с полным разложением троцкистской идеологии, все более и более скатывающейся к еще более антикоммунистическим, антиленинским установкам. Говорить поэтому об одной линии троцкистов конечно сейчас не приходится. А. Ищенко например считает:

«У оппозиции есть две линии: одна линия т. Троцкого и большинства оппозиции и другая линия, к которой я себя тоже причисляю, это линия Преображенского и других товарищей. Между этими линиями вы, т. Радек, все время колеблетесь, выступая то против нас, то выскакиваете далеко за всякие пределы, обусловленные принадлежностью к оппозиции» (документ от 19/X 1928 г.).

Таким образом мы имеем уже не две линии, а четыре линии: одна—Троцкого и «большинства» оппозиции, другая—Преображенского и тех, кто разделяют его точку зрения (Ищенко и др.), третья—колеблющегося между двумя этими точками зрения Радека, хотя Радек по ряду вопросов гораздо радикальнее разделывается и с троцкистами и с сапроновцами, чем Преображенский, и четвертая—воронежской группы, считающей возможным объединение с сапроновцами (воронежская группа в этом отношении, как

мы видели из статьи «У последней черты» и как это видно из ряда документов самих троцкистов, не одинока в этом вопросе). Выбраться из этого хаоса взглядов, конечно, не так-то легко, если даже сами лидеры оппозиции путаются безнадежно в создавшейся обстановке и не видят выхода, кроме как в иллюзиях, которые они себе строят. В этом иллюзорном мире, который они себе создали, все как будто совершается очень стройно и логично и все их выводы как будто очень убедительны для них самих; но почва-то совершенно иллюзорная, вернее: нет для них почвы.

●

Как представляют себе возвращение в партию, возвращение к широкой политической жизни троцкисты? Установка троцкистов такова: остается тактика дальнего прицела, надо продолжать строить подпольную партию, все шире и шире обращаясь к беспартийным, организуя стачки, пропагандируя кронштадтские лозунги тайного голосования с некоторой постепенностью (сначала в партии, потом в профсоюзах, потом в советах, где мы имеем дело с различными классами), и идейная подготовка своих кадров к возможностям гражданской войны. Эти мысли о необходимости гражданской войны воспринимаются повидимому кое-кем из сторонников Троцкого как действенные лозунги. Так один из троцкистов, Сократ Геворкьян, заявляет, что

«...гражданская война в России может стать фактом ближайшего будущего... отсюда и вытекает основная задача для оппозиции—не останавливаться ни перед чем, ни перед какими писанными или неписанными уставами. Она, если хочет быть авангардом класса, обязана, преодолевая все препятствия, вооружить пролетариат к предстоящим боям... А тут нужна решительность, решительность и еще раз решительность»... «А насчет перспектив? Смотри заявление Л. Д.».

Мы не сомневаемся в «решительности» Сократа Геворкьяна и его сторонников; у нас есть все данные для того, чтобы не только предполагать, а для того, чтобы утверждать, что в подпольной троцкистской группе идет идейная подготовка кадров к гражданской войне против коммунистической партии. Троцкий в директивном письме от 21 октября 1928 г. своим

сторонникам[1] говорит об изменившемся соотношении классовых сил и поучает своих сторонников, что «перед серьезной волной снизу аппаратчик сдрейфил бы, не доведя дело до гражданской войны. Во всяком случае этот путь—путь реформ под могучим напором масс—должен быть нами испробован до конца». Для всякого ясно, о чем здесь идет речь. Если сегодня «путь реформ» для троцкистов является исчерпанным, то завтра они ставят в порядок дня гражданскую войну. Но для этого надо идейно подготовить свои кадры, и в этом направлении ведется работа.

Перед лицом такого рода директив приобретают особый смысл такие заявления, как заявление И. Смирнова, что они, троцкисты, вернутся к политической жизни не через партию, а через рабочий класс. С партией у этих людей уже ничего общего нет. «Рабочий класс», на который они опираются, это, как мы знаем, вовсе не рабочий класс,—это есть та самая мелкобуржуазная стихия, левым крылом которой являются троцкисты. Ленин на X съезде в резолюции об анархо-синдикалистском уклоне в нашей партии предупреждал нас, что «в такой стране, как Россия, громадное преобладание мелкобуржуазной стихии и неизбежное в результате войны разорение, обнищание, эпидемии и неурожаи, крайнее обострение нужды и народных бедствий порождают особо резкие проявления колебаний в настроениях мелкобуржуазной и полупролетарской массы», что «эти колебания идут то в сторону укрепления союза этих масс с пролетариатом, то в сторону буржуазной реставрации». Вот эту-то мелкобуржуазную и полупролетарскую массу, которая колеблется и шатается в дни величайших трудностей, троцкисты и представляют. Если они думают, что эти их кадры надо сейчас готовить к гражданской войне, то они должны знать, что они готовят их к гражданской войне против Советского государства, что они скатываются целиком на позицию В. Смирнова, которую тот выразил формулой «нынешнее правительство, действующее под вывеской советской власти, которую оно на деле уничтожило, является враждебным пролетариату». Если Троцкий утверждает сегодня, что нынешний строй представляет из себя «коренщину наизнанку», то совершенно ясно, какие директивы вытекают из такой установки.

[1] Письмо это напечатано за границей сначала в органе ренегата Маслова «Fahne des Kommunismus, а затем перепечатано в белогвардейских органах — «Руль» и др. Оно там вполне на месте и по тону и по содержанию.

Мы приводили в статье («У последней черты») справку, что в Америке книгу Троцкого с антипартийными документами издало буржуазное издательство наряду с жизнеописанием Христа, королевы Виктории и квакеров. В Германии эта книга Троцкого издана буржуазным издательством «Avalun-Verlag» и рекламируется рядом с «учебником любви и брака», порнографическим произведением («Lehrbuch der Liebe und Ehe»). Жалкий жребий! Воистину: и книги, как и люди, имеют свою судьбу!..

Мы не сваливаем всех троцкистов в одну кучу. Цель наша—показать, что среди троцкистов происходит совершенно определенное расслоение, цель наша—помочь этому расслоению, помочь отойти от антисоветской партии троцкистов тем, кто стоит на полдороге. Не может быть ничего общего между теми, кто хочет вернуться в партию, и теми, кто считает нынешний советский строй «коренщиной наизнанку», и теми, кто считает, что советское правительство—антирабочее правительство (этим мы однако вовсе не хотим сказать, что есть хорошие троцкисты. Троцкист есть троцкист). Если Преображенский сегодня заявляет в документе, направленном Троцкому, что разногласия с партией у него по большинству вопросов исчезли, то он и разделяющие его точку зрения должны со всей беспощадностью ударить по антисоветской, антипартийной позиции троцкистов. Преображенский пишет Троцкому о том, что троцкисты должны координировать действия с большинством партии.

> «Надо думать о координации действий по целой программе общих пунктов, для осуществления которых нужны годы. Перебирая эти пункты, по большинству из которых я не вижу уже непримиримых разногласий, достаточно только перечислить те пункты, по которым разногласия или почти исчезли или значительно уменьшились: индустриализация, борьба с кулаком, опора на бедноту, борьба с правой и неонароднической идеологией, быстрое строительство совхозов и колхозов, чистка партии от разложившихся обывательских и классово чуждых элементов... В частности мне кажется, что каждый оппозиционер может подписаться почти под всеми решениями ноябрьского пленума, кроме ругательств по адресу оппозиции».

Напрасно думают Преображенский и др., будто они могут, не выполняя требований и решений партийных съездов

и Коминтерна, оставляя за собой право защищать осужденные партией взгляды и платформу троцкистской оппозиции, вернуться снова в партию. Это надо сказать со всей ясностью: этого пути нет. И точно так же со всей ясностью надо сказать, что мы не можем после всего того, что было, после всех тех директив, которые идут из троцкистского центра, после всей той борьбы, которая ведется против партии и советской власти троцкистами, рассматривать троцкистов как оппозицию по отношению к ВКП(б); мы вынуждены ее рассматривать только как антисоветскую организацию, члены которой должны так же отвечать перед Советским государством, как отвечают члены меньшевистской, эсеровской и всякой другой антисоветской партии.

●

Вчерашний день оппозиции это был день, когда мы убеждали троцкистов, когда мы спорили с ними внутри одной партии, когда мы выправляли их идеологическую линию, когда у нас была надежда на то, что они смогут выполнить и выполнят принятые ими на себя обязательства. Мы шли тогда даже на соглашение с троцкистами, мы шли на всевозможные (не принципиального характера) уступки. С величайшим терпением мы отсеивали от троцкистской организации (и будем отсевать) все, что есть в ней ценного, все, что может вернуться на путь партийности. В течение нескольких лет мы ограничивались предупреждениями, идеологической борьбой. Троцкисты все сделали для того, чтобы порвать с этим вчерашним днем. Они все сделали для того, чтобы стать на путь антисоветской партии; отсюда их завтрашний день. Пусть же каждый, кто разделяет взгляды этой подпольной партии, кто сочувствует и помогает ей, пусть он сегодня подумает об этом завтрашнем дне!

В особенности это относится к тем, кто до сих пор не раскрыл истинного своего лица, кто двурушничает, кто прикрывается партийным билетом, оставаясь членом ВКП(б), помогает этой подпольной антисоветской троцкистской партии. Мы можем рассматривать их только как изменников партии, обманывающих партию, и соответственно с этим поступать по отношению к таким людям, прикрывающим партийным билетом свою антипартийную работу.

Среди части троцкистов назревает мысль об обращении к предстоящей партийной конференции, в частности эту мысль выдвигает Е. Преображенский в цитированном уже письме:

> «Я снова выдвигаю,—пишет Преображенский,—предложение об обращении к партии, в котором мы должны сказать об уменьшении разногласий, дать иную, чем раньше, характеристику политики большинства, предложить сотрудничество в деле борьбы с правой опасностью и за проведение индустриализации, указать на особую важность постановки рабочего вопроса и подчеркнуть всю нелепость нашего пребывания вне партии и в ссылке. Обращение лучше всего адресовать предстоящей партийной конференции. Из теперешнего тупика надо искать какой-то выход».

В неправильном направлении ищет Е. Преображенский выход из тупика, воображая, будто партия может заключать блоки с троцкистами, хотя бы и отказавшимися от подпольной работы, но остающимися на точке зрения платформы троцкистов. По меньшей мере это наивная мысль. В партии есть разногласия между отдельными членами, есть у отдельных членов партии колебания по ряду вопросов, которые партия характеризует как правый уклон. Мы беспощадно боремся с правым уклоном. Но это не дает ни одному троцкисту права думать, что партия может заключать какие бы то ни было блоки с троцкистами для борьбы с правым уклоном. Пусть троцкисты не забывают, что сам троцкизм представляет из себя не что иное, как организацию элементов мелкобуржуазной стихии, что, борясь на два фронта, партия борется против троцкистов, чем бы они ни прикрывались. Партия не нуждается в помощи троцкистов для борьбы с правым уклоном. Такая постановка вопроса, как у Е. Преображенского, может только запутать вопрос, может только затруднить таким людям, как Е. Преображенский, найти правильный путь к партии. Этот правильный путь заключается в полном отказе от троцкизма, в полном разрыве с ним. А для тех, кто не сумеет порвать с троцкизмом, для тех, кто связал свою судьбу с троцкистской антисоветской партией, остается неизбежность дальнейшего сближения с сапроновцами, с мясниковцами, дальнейшего усвоения кронштадтских лозунгов, дальнейшего скатывания на путь антисоветской борьбы или—политическое небытие. Это—завтрашний день троцкистов.

●

О ДВУРУШНИЧЕСТВЕ ВООБЩЕ И ДВУРУШНИКАХ-ТРОЦКИСТАХ В ЧАСТНОСТИ

ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ДВУРУШНИКА

Самый отвратительный тип в революции это—двурушник. Откуда он? По большей части двурушник отражает дуалистическую природу мелкобуржуазных прослоек, идущих рядом с пролетариатом, колеблющихся то в сторону пролетариата, то в сторону буржуазии. Двурушник—«и нашим и вашим». В моменты революционного подъема он—стопроцентный революционер, идет вместе со всеми на штурм, иногда вполне так, как полагается крепкому большевику. Как только начинается спад революционной волны или начинаются колебания в попутчиках пролетариата, этот тип начинает обнаруживать все признаки шатаний и колебаний. В период величайшего подъема первой русской революции он провозглашает «несуразно левую» перманентную революцию (Ленин). Революционная волна проходит—он пускается на самые низкопробные блоки с ликвидаторами партии, с меньшевиками, сколачивая августовский блок против большевиков. В октябре 1917 года он на гребне революционной волны: в период Бреста он выдвигает теорию—«ни мир, ни война», «войны не ведем и мира не подписываем». Как только намечаются серьезные трудности, для него уже «кукушка прокуковала последние часы советской власти».

Это вовсе не личные свойства Троцкого или другого революционного героя мелкой буржуазии. Это—свойство самой мелкой буржуазии. Троцкисты и им подобные на всем протяжении истории нашей революции и были типичными представителями этой колеблющейся мелкой буржуазии. Эта мелкая буржуазия может быть порой очень революционно настроена, необычайно даже лево, ультралево. Это особенно подчеркнул Ленин в брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В главе «В борьбе с какими врагами

внутри рабочего движения вырос, сложился и окреп большевизм», Ленин отмечает, что

> «большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против «мелкобуржуазной революционности», которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует»... «Теоретически для марксиста вполне установлено,—и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено,—что мелкий собственник и мелкий хозяйчик (социальный тип, во многих европейских странах имеющий очень широкое массовое представительство), испытывая при капитализме постоянное угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа это—социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже «бешеное» увлечение тем или другим буржуазным «модным» течением,—все это общеизвестно»...

Троцкисты—это типичные представители такого «взбесившегося» мелкого буржуа, взбесившегося в нашей стране не от ужасов капитализма, а от трудностей преодоления капитализма для разоряющихся и для разорившихся слоев мелкой буржуазии, деклассированного мещанства, сокращенных служащих, «бывших людей», детей торговцев и проч. и т. п.

Мы не раз приводили цифровые данные, свидетельствующие о том, что и социальный состав троцкистских групп чрезвычайно близок к такой характеристике. Это не исключает того, что среди них мы находим и часть рабочих, потому что и часть рабочих испытывает на себе влияние крестьянства и других мелкобуржуазных слоев.

«Две души» живут в сердце двурушника. Вот этот двурушник с двумя душами одной рукой голосует за линию партии, а другой строит фракционную организацию, поддерживает всякие антипартийные течения. Двурушник лицемерно стоит перед конгрессом Коминтерна и говорит: раз партия приказывает, я держу руки по швам. Права или не права партия, но это моя партия. А в то же самое время он, этот двурушник, строит подпольную организацию, под-

держивает всякие антипартийные настроения. Впрочем, двурушник не обязательно должен сознательно изменять партии. Он субъективно иногда убежден в том, что он помогает партии, он иногда искренне колеблется. Но ведь партии-то не легче от того,—искренне ли данный товарищ колеблется, искренне ли он примыкает к той или иной партийной или антипартийной группе, или он — сознательный двурушник.

Там, где дело заходит так далеко, что приводит к созданию фракционной организации внутри партии, двурушничество получает организационную базу для своего проявления. У фракционера два лица: одно лицо—перед своей фракцией. Тут он может распоясаться во-всю. Тут он может говорить о партии самые гнусные вещи, среди своих единомышленников он может сбросить личину партийности, какую он надевает тогда, когда выступает перед партией, перед рабочим классом. Другое лицо—перед рабочим классом: он себя называет членом ВКП(б), тогда как в своей фракции он над ВКП(б) издевается. Мясниковец остается внутри партии, имеет партийный билет в кармане, выступает на собраниях, как член Всесоюзной коммунистической партии, а у себя, в своей фракции, он член РКПР (рабочая коммунистическая партия России). Сапроновец, дэцист—член ВКП(б), покуда его не исключили, а внутри своей фракции—он ярый враг ВКП(б); для него партия—труп, который надо скорее убрать с дороги. Троцкист выступает под флагом большевика-ленинца, но когда троцкисту приходится работать в своей фракции, он может «хоть с чортом и его бабушкой» работать против партии, он помещает свои статьи рядом с коршистами, рядом с социал-демократами, потому что только в этих условиях он может бороться против большевистской партии (как бы он ее ни называл). Фракционная организация закрепляет двурушничество как принцип. Беспринципный оппортунизм становится второй природой фракционера, это и есть основной принцип его деятельности. Особенно это можно иллюстрировать на примере троцкистов.

ДВА ЛИЦА ТРОЦКИЗМА

Читатель простит нам несколько длинные цитаты из очень интересного документа Л. Троцкого, который мы однажды цитировали. Документ этот—доклад на общегородском собрании партийной организации в городе Запорожье 1 сентября 1925 г. Издан он Троцким в 1926 г. [1]. Троцкий назвал этот свой доклад докладом «О наших новых задачах».

Как же представлял себе «наши новые задачи» осенью 1925 г., накануне создания объединенного антибольшевистского блока 1926/27 г., мастер этого блока?

Раз это—новые задачи, то, стало быть, они должны определять политику партии на ближайшие годы, по крайней мере. Какие же вопросы ставил тогда Троцкий? Основная тема, которой посвящен доклад, такова:

> «Все наши практические задачи мы обязаны на каждом новом этапе, на каждом новом повороте проверять: а не сбиваемся ли мы с социалистического пути, приближаемся ли к социализму или удаляемся от него» (подчеркнуто нами).

Как же отвечает на этот вопрос Троцкий, который впоследствии стал утверждать, вместе со своей фракцией, что с 1923 г. происходит свертывание социализма, отказ от социалистического пути развития.

> «Последние мероприятия партии,—читаем мы у Троцкого,—в области крестьянской политики обозначают расширение рамок для товарно-капиталистических отношений в деревне. Это несомненный факт. От раскулачивания кулака во время военного коммунизма наша партия и советская власть ходом вещей вынуждены были притти к допущению в деревне накопления капитала, который мы прежде называли кулацким, а теперь вернее было бы назвать фермерским капиталом. Слово «кулак» связано с отношениями еще полукрепостного порядка, с засильем помещика, исправника. У нас же сейчас образуется в деревне собственник, фермер нового типа. Конечно, мы можем по старой памяти называть кулаком, но гораздо правильнее назвать его фермером капиталистического типа. В основе своей это явление чревато опасностями, на которые никто из нас не закрывает глаза» [2].

[1] Л. Троцкий, О наших новых задачах, Гиз, 1926 г.

[2] Там же, стр. 3—4.

Итак, новые задачи,—а Троцкий считал, что эти новые задачи поставлены правильно,—требовали в 1925 г., по мнению Троцкого, «расширения рамок для товарно-капиталистических отношений в деревне», «допущения в деревне накопления капитала, который мы прежде называли кулацким, а теперь вернее было бы называть фермерским капиталом». Итак, по мнению Троцкого, кулака не надо называть кулаком. Вероятно, многие почитатели Троцкого (не все из них даже читали это произведение ума и пера Троцкого) чрезвычайно удивятся такой постановке вопроса. Как, скажут они, это, вероятно, Ярославский выдумал, не мог говорить этого Троцкий, который выступал в 1926 г. с такими нападками на «кулацкую» политику ЦК ВКП(б)!

А между тем это—факт. Троцкий считал, что надо допустить в деревне накопление капитала и именно кулацкого, фермерского капитала. Троцкий считал, что надо перестать называть кулака кулаком. Зачем же надо было тогда впадать в истерику по поводу того, что писал Богушевский о кулаке; зачем же надо было так истерически вопить по поводу лозунга «обогащайтесь»? Ведь Троцкий буквально повторял то же самое и даже в худшей форме.

Для чего же Троцкий считал необходимым предоставить кулаку возможность обогащаться?

> «Если мы спросим себя, почему мы оказались вынужденными дать возможность развиваться этому фермерскому капиталистическому хозяйству, то ответ будет простой: для того, чтобы развивались производительные силы в деревне» [1].
>
> «Можно ли сказать,—спрашивал Троцкий,—пусть производительные силы и упадут, лишь бы был социализм? Нет,—отвечал он,—так сказать нельзя, это—внутреннее противоречие, ибо социализм может существовать только на основе высокого развития производительных сил» [2].

Какую же роль играет при этом кулак? Может ли, по мнению Троцкого, кулак содействовать в какой-либо степени приближению к социализму?

Там же, стр. 4.
Там же, стр. 5.

Допуская, что кулак на известной ступени является нашим возможным и вероятным врагом, что, развиваясь, он может превратиться в крепкую фигуру, Троцкий вовсе не считал, что обогащение кулака при всяких условиях вредно для социалистического государства. Наоборот, он считал, что кулак может помогать строительству социализма.

Вам это кажется, почитатели Троцкого, чудовищным? Но это так. Троцкий говорил днепропетровским рабочим-коммунистам всего три года назад:

> «Социалистическое развитие и опирается на капиталистическое и борется с ним в то же время. Нам нужно развить производительные силы в деревне. Кулак, богатый крестьянин, который продает хлеб через посредство государства, позволяет государству получать иностранную валюту, за которую мы можем ввозить машины для наших заводов. Это—плюс, это—содействие приближению к социализму» [1].

А сколько после этого пролито было лицемерных слез по поводу того, что есть в партии люди, допускающие «врастание» кулака в социализм, а сколько восклицательных знаков было поставлено по поводу того, что есть такие еретики, которые считают возможным допустить рост индивидуального хозяйства в деревне!

Мы не являемся сторонниками того, что кулак может помогать социализму, мы лишь констатируем, что люди, вчера только утверждавшие, будто «кулак, богатый крестьянин, содействует приближению социализма», сегодня изображают величайшее возмущение на своих благородных физиономиях, когда говорят о кулацкой политике.

Вчера эти люди ставили вопрос:

> «По какому пути мы развиваемся скорее, полнее; по какому каналу идет у нас с каждым годом больше ценностей, больше богатства,—по каналу социалистическому, т. е. в руки государства и кооперации, или по каналу капиталистическому—в руки частных собственников?» [2].

[1] Там же, стр. 6.
[2] Там же, стр. 8.

И на этот вопрос отвечали:

> ...«Научная таблица Госплана, которую наша партия будет в ближайший период пропагандировать и анализировать, является фотографией нашей работы в цифрах. И эти цифры говорят, что если силы опасности растут, то силы противодействия с нашей стороны растут гораздо скорее. У Шекспира где-то (забыл, где именно) какой-то герой говорит: «Есть опасность, но знает опасность, что я ее опаснее». Так может и наша партия сказать: «Вокруг нас есть опасности, но партия наша в области хозяйства стала сильнее этих опасностей». И если она теперь делает шаг назад в деревне, то это только потому, что она может позволить себе отступление на одном фланге».
>
> «Мы можем твердо сказать: сухие цифры Госплана являются первым и величайшим в мире свидетельством возрастающей победы социализма над капитализмом» (Аплодисменты) [1].

Понятно, почему днепропетровский пролетариат аплодировал Троцкому. Троцкий имел в этот момент партийное лицо. Он должен был признать, что советское государство делает успехи на пути социализма, что партия преодолевает опасности, стоящие на пути нашего развития, что «партия наша в области хозяйства стала сильнее этих опасностей», что партия может в интересах движения «позволить себе отступление на одном фланге».

Так говорил партиец Троцкий; а двурушник Троцкий; который в это время готовился создать блок всех фракционных групп и течений, думал и в своем кругу говорил другое. Когда Троцкий выступал как партиец, то для него сухие цифры Госплана являлись «первым и величайшим в мире свидетельством возрастающей победы социализма над капитализмом». А двурушник Троцкий, когда он выступает от имени своей фракции, должен утверждать совершенно противоположное. Он утверждает:

> «Послеленинское руководство вообще разворачивает октябрьскую фильму в обратном порядке». Он должен клеветнически утверждать, что то, что есть в настоящее время в стране, есть «керенщина слева направо» [2].

Какие перспективы рисовались Троцкому в конце 1925 года в отношении развития производительных сил?

[1] Там же, стр. 22.

[2] Директивное письмо Л. Д. Троцкого «О тактике» от 21 октября 1928 г.

> «Пока мы не можем дать деревне высокой техники, у нас есть две возможности: либо применить в деревне методы военного коммунизма и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и тем самым к задержке производительных сил в промышленности; либо до тех пор, пока мы не можем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство, мы должны допустить там развитие производительных сил, хотя бы при помощи капиталистических методов. В этом сущность нынешнего периода в нашей политике».
>
> «И, разумеется, самое для нас важное, чтобы лучшие элементы деревенских коммунистов поняли всю эту механику в целом, потому что именно деревенскому коммунисту сейчас очень легко притти в отчаяние, если он все еще не отдает себе отчета в этих основных хозяйственных данных. Если он искреннейший член партии, преданнейший социалист, видит перед собою рост хозяйства фермера, называемого кулаком, если этот кулак его обгоняет и если он, с другой стороны, видит развал целого ряда сельскохозяйственных коммун, коллективов, а такие факты наблюдаются, то в его сознании это может отразиться в такой форме, что все распадается, что социализм гибнет. А между тем, товарищи, это не так» [1].

Извиняемся за длинную выписку. Но она ведь раскрывает всю несостоятельность позднейших нападок троцкистов на партию. В конце 1925 г. троцкисты считали, что в ближайший период наша политика требует от нас развития производительных сил в деревне, «хотя бы и при помощи капиталистических методов», в этом они видели «сущность нынешнего периода нашей политики». По мнению троцкистов, у нас даже не было иного пути. Либо этот путь, либо «применить в деревне методы военного коммунизма и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и тем самым к задержке производительных сил в промышленности». Могли ли мы вернуться к методам военного коммунизма, должны ли мы были задержать развитие производительных сил в деревне», должны ли мы были сужать рынок и тем самым «задерживать развитие производительных сил в

[1] Там же, стр. 19.

промышленности»? Конечно, нет. Троцкий убеждает тех коммунистов, которые впадают в отчаяние от того, что мы должны временно допустить развитие производительных сил в деревне и на путях капитализма. А Троцкий—фракционер, Троцкий, организующий блок, пишет платформу, в которой упрекает партию за этот путь, обрушивается с самой бессовестной демагогией по поводу того, что партия допускает развитие производительных сил с деревней «при помощи капиталистических методов». Троцкий-партиец уверяет днепропетровских коммунистов, что «соотношение сил изменилось в пользу государства, т. е. в пользу социализма[1]. Таков основой вывод». А Троцкий—организатор антипартийного блока—уверяет, что у нас социализм гибнет, что у нас «керенщина наизнанку». Троцкий-партиец предостерегает в 1925 г., что

> «трудности, на которые наталкиваются социалистические начинания в деревне, могут вызвать среди деревенских коммунистов тревогу и даже временное разложение. И только поняв линию развития нашего хозяйства в целом, можно не растеряться и не упасть духом, находясь на наиболее слабом и подвергаемом ударам участке нашей общей работы» [2].

А Троцкий-организатор фракционного блока, Троцкий-организатор другой партии—сам растеривается, сам падает духом. И эту свою растерянность и упадок духа, «неверие в строительство социализма» передает по всей линии, по всей своей фракции, всем своим сторонникам, вооружает их этим неверием в возможность построения социализма силами СССР (при имеющей место поддержке пролетариата других стран).

Пожалуй, достаточно примеров того, как можно на протяжении очень короткого времени надевать разные личины, какой размах колебаний может проявить взбесившийся мелкий буржуа. Сегодня для него в цифрах Госплана «звучит музыка социализма», а завтра в тех же цифрах—керенщина наизнанку. Сегодня—основной вывод тот, что «соотношение сил изменилось в пользу государства, т. е. в пользу социализма» сегодня—«мы можем твердо сказать: сухие цифры Госплана являются первым и величайшим в мире свидетельством возрастающей победы социализма над капитализмом», а завтра, когда Троцкий строит фракцию, строит другую партию, те же самые цифры Госплана звучат уже не музыкой социализма, говорят уже не о возрастающей победе социализма над капитализмом, а об упадке, о закате, о «трагедии», о «керенщине наизнанку» и т. д. и т. п.

[1] Там же, стр. 18.
[2] Там же, стр. 20.

Две души живут в каждом мелкобуржуазном революционере, какими и являются троцкисты. Стоит подуть сухому ветерку, стоит появиться на горизонте облакам, предвещающим трудности на нашем пути, как уже «кукушка прокуковала последний час советской власти», как уже «пробил 12-й час». Это не исключает того, что многие троцкисты заговорят иным языком, когда кривая социалистической революции в других странах пойдет заметно на подъем, когда мы преодолеем главные трудности и когда меньше станет колебаний в рядах мелкой буржуазии, меньше станет недовольства пролетарской диктатурой со стороны тех, кто хнычет о сегодняшних трудностях. Но мы должны особенно ясно видеть на этом примере, как двурушник-фракционер может совместить два лица: одно для партии, другое—для фракции; одно—когда он выступает держа «руки по швам», а другое—когда он поднимает бунт против партии.

МОРАЛЬНОЕ ЛИЦО ДВУРУШНИКА

Двурушник вынужден лицемерить. Он может при этом внешне сохранять искренность тона. Он пишет заявления о том, что готов подчиниться всем решениям партии, признает, что он принес вред и т. п. и т. д., он дает одну декларацию за другой. Но иногда очень скоро выясняется, что он эти декларации дает не всерьез, а через несколько лет он сам заявляет: чудаки, неужели вы думали, что мы всерьез давали обещания и всерьез обещали их выполнять! Это были лишь «приказы об отступлении» нашей группы, нашей фракции. Фракционное подполье, фракционная дисциплина к очень многому обязывают. Еще Ленин указывал на то, что каждая фракция думает, что она-то обладает настоящей правдой. Потому-то фракционер воображает,—иногда искренно,—что он составляет основу партии. Какая-нибудь ничтожнейшая группка дэцистов, сапроновцев, называя себя «группой пролетарских революционеров-большеви-

ков», прекрасно зная, что во всей полуторамиллионной партии она насчитывает буквально десятки сторонников, изображает дело так, что исключение этой группы из партии составляет «государственный переворот». А между тем никто и не заметил, что произошел государственный переворот. Странный «государственный переворот»! Но в душе-то эти люди, в особенности «вожди», знают, что никакого государственного переворота не произошло от того, что их выгнали из партии, что немножко чище воздух стал в партии—только и всего.

Особенно характерным документом, свидетельствующим о моральном разложении таких групп, является предсмертное письмо троцкиста А. Иоффе, опубликованное нами полностью в «Большевике» (№ 23—24 за 1927 г.). А. Иоффе в этом письме счел необходимым приводить буквально торгашеские расчеты: сколько ему революция не доплатила, сколько он мог бы получить материально от разных буржуазных издательств, если бы ему партия разрешила бесконтрольно писать свои мемуары. Эти торгашеские расчеты перекрещиваются самым бессовестным образом с «принципиальными» мотивами. И тут же Иоффе, не рассчитавши, что это письмо будет немедленно опубликовано полностью, советует Троцкому, что если ему понадобится в целях политических изменить содержание этого письма, то он может это сделать по своему усмотрению.

> «...Поэтому я не только даю вам полнейшую свободу редактирования моего письма, но даже очень прошу вас исключить из него все то, что вам покажется лишним и добавить то, что вы сочтете необходимым».

Удивительно ли, что, издавая этот документ за границей троцкисты совершили прямой подлог, вычеркнувши из этого письма как раз это место. (См. «The real Situation in Russia» by Leon Trotsky Harcourt, Brace and company, translated by Max Eastman). Даже троцкистам стало совестно за этакое моральное падение. Но оно ведь тоже—не личное свойство Иоффе, который был во всяком случае не хуже других троцкистов. Это свойство тех мелкобуржуазных прослоек, типичным представителем которых был Иоффе, представителями которых являются троцкисты (опять-таки не лично каждый из троцкистов, а троцкисты как группа). Моральное раздвоение (можно обмануть партию ради интересов своей группы) есть только отражение политического раздвоения, а это политическое раздвоение есть в свою очередь только отражение сущности мелкой буржуазии, колеблющейся, неустойчивой, иногда способной даже увлечься революцией, иногда впадающей «в бешеное» (Ленин) революционное настроение, чтобы в следующий момент начать проповедывать самые упадочные теории и кончать физическим, политическим и моральным самоубийством.

Одной из сторон этого двурушничества, этого морального раздвоения является сознательная провокация со стороны троцкистов по отношению к партии. Надо называть вещи своими именами. Иначе, как провокаторами, нельзя назвать тех троцкистов (дэцистов, мясниковцев и др.), которые, считая, что наша партия не является большевистской партией, пролетарской, не только остаются в этой партии, но надевают личину партийности, голосуют за линию партии против троцкистов и даже сами иногда составляют резолюции, направленные против троцкистов. Но ведь они это делают с ведома руководящих троцкистских центров. Мы могли бы привести многочисленные примеры такого провокаторства внутри нашей партии со стороны троцкистов. Вот, например, Кресин К. Л. (инструктор отдела просвещения Моск.-Казанской ж. д.). Он писал собственной рукой резолюцию для собрания коллектива ВКП(б) этой дороги, в которой линия ВКП(б) признается правильной и порицается работа троцкистского подполья, а в то же время в его квартире происходило печатание троцкистских листовок, и в этом печатании принимал участие другой троцкист, Горчаков, исключенный из ВКП(б) за фракционную деятельность. Этот Горчаков после исключения из ВКП(б) также заявил о полном отходе от троцкистской оппозиции. Как назвать это? Двурушничеством,—иначе это назвать трудно. Как назвать человека, который составляет резолюцию, за которую потом голосует, осуждающую троцкистское подполье, и пр. и пр., а сам организует это троцкистское подполье? Когда в нашу партию большевиков проникали раньше агенты других партий для того, чтобы здесь вести свою разлагающую работу, мы их называли настоящим именем—провокаторами. Другим именем мы не можем назвать тех членов партии, которые, прикрываясь партийным билетом, работают в другой партии—троцкистской. Вот Соловьева, Л. После XV съез-

да партийная организация спрашивала ее об ее отношении к партии и к оппозиции. Она заявляла, что «с решениями XV съезда партии согласна, подчиняюсь им и считаю себя обязанной проводить их в жизнь...» «К оппозиции не принадлежала, работу в ее организации не вела, с платформой не знакома» (заявление члена ВКП(б) Л. Соловьевой в бюро ячейки ВКП(б) Мосстроя Хамовнического района от 13/X 1928 г.). А затем эта Соловьева, оставленная в партии (партия ей поверила), очень осторожно, но в то же самое время очень активно, работает в подпольной организации троцкистов. Правда, она тяготится подпольем, ей хочется вырваться несколько наружу, но она получает указания «не выявлять себя». Ей дают директиву:

> «Нас всполошило ваше указание, что после 7 ноября (а троцкисты рассчитывали 7 ноября 1928 г. организовать открытое выступление на улице, но потом, подсчитавши свои «силы», увидели, что ничего из этого не выйдет и отказались от этой жалкой затеи) вы надеетесь быть «одного района» с нами. Мы думаем, что это было бы совершенно неправильно. Ваше положение очень благоприятно для того, чтобы вы оставались москвичом. Того же требует и характер вашей работы. У нас уже было достаточно уроков, когда товарищей, занятых вашего рода работой, привлекали и к другим обязанностям (подобным предполагаемому, вероятно, вами открытому участию 7 ноября). Результаты получались всегда одни и те же. Терялся работник на вашей работе, между тем как на другом участке можно было прекрасно обойтись и без него. Это наше общее мнение. Прошу передать кому следует. Наша работа приобретает и в ближайшее время должна будет еще приобрести все большее значение. Одно это требует сохранения вами своего нынешнего положения в целом без всяких изменений».

Значит: оставайся членом партии, голосуй за линию партии, когда тебя спрашивают о твоем отношении к троцкистам, можешь даже их поругать, можешь даже выступить открыто, если это нужно, против троцкизма для того, чтобы вести подпольную работу в троцкистской организации.

Мы должны сказать совершенно определенно, что «этот номер не пройдет», что мы не позволим никакой организации иметь своих агентов внутри нашей партии, что мы не только выбросим их беспощадно вон, но будем рассматривать их как провокаторов внутри нашей организации.

Как сами троцкисты относятся к проникновению в их подпольную организацию сторонников партийной линии? Конечно, поскольку у них организация подпольная, поскольку она антипартийная, направленная против нашей партии, они вынуждены хранить в тайне ее внутреннюю жизнь, они боятся проникновения в нее сторонников партии. Поэтому одна из групп троцкистов (I МГУ) обращается к своему московскому центру с такого рода заявлением:

> «По отношению к предателям и к провокаторам мы должны в зависимости от обстановки применять меры организационного бойкота, разоблачения перед рабочими и «физического воздействия» при обязательной в этом случае моральной поддержке со стороны рабочих масс».

Мы бы не советовали даже троцкистам становиться на этот путь «физического воздействия». Мы очень предостерегаем даже от разговоров на эту тему, потому что, если дойдет дело до «физического воздействия», тогда пеняйте на себя. Если вы будете проповедывать этакие «методы физического воздействия», тогда не обижайтесь на достойный ответ, который вы получите при этом.

Двурушничество свойственно не одному только троцкистскому подполью. Оно свойственно в не меньшей степени и дэцистам, и мясниковцам, и всякой другой группе, которая вынуждена стать на путь фракционности, на путь борьбы против партии. В 1925 г. была исключена из партии и подвергнута другим партийным взысканиям группа сапроновцев, которая тогда уже пыталась оформить подпольную организацию (дело Пилипенко, Дробниса, В. М. Смирнова, Т. Харечко, В. Бухарцевой). Эти люди упорно отрицали тогда самый факт своей работы, направленной на создание подпольной организации. К этому обязывала их фракционная дисциплина. При этом некоторые из них, например Бухарцева, делали изумленное, возмущенное лицо, когда им говорили об их подпольной работе. Как? Им не верят? Их подозревают? И т. д. и т. п. Партия настолько поверила искренности некоторых из них, что когда, например Т. Харечко был исключен ленинградской организацией по другому делу, где также обнаружилась его фракционная деятельность, Центральная контрольная комиссия отменила постановление ле-

нинградской организации. Правда, уже тогда выяснилось, что собой представляют эти люди, как партийцы. Например, В. М. Смирнов не имел в течение нескольких лет партийного билета, не выполнял даже таких элементарных обязанностей как уплата членского взноса, вообще не принимал участия в партийной жизни. Настоящий барин в партии. Но они все еще оставались в партии. Считали ли они эту партию большевистской партией? Вот теперь, когда мы имеем их платформы, когда мы имеем целый ряд документов, вскрывающих их нутро, мы видим, что это были попутчики, притом очень вероломные попутчики. В конце 1928 г. этот самый Тарас Харечко так определяет ту партию, в которой он состоял членом. Исключение своей группы Т. Харечко вместе с В. Смирновым рассматривает как «государственный переворот».

> «Произошел скачок, решительный сдвиг только не влево, как каркали реформистские вороны, а вправо. Власть перешла к новой, оформившейся на XI съезде партии, к буржуазной рабочей партии, представляющей интересы кулачества, бюрократических и аристократических прослоек рабочего класса и новой буржуазии. Оппортунистическая политика ЦК прошлых лет привела к «союзу части рабочих с буржуазией, против массы рабочих».

В этой характеристике чрезвычайно ценно откровенное заявление дэцистов, что уже на XI съезде ВКП(б) превратилась в буржуазную рабочую партию, «представляющую интересы кулачества, бюрократических и аристократических прослоек рабочего класса и новой буржуазии».

Но ведь всем известно, что на XI съезде с докладом выступал Ленин, что Ленин и после XI съезда руководил нашей партией. Тогда надо прямо сказать, что ленинская партия есть буржуазная рабочая партия. Но ведь этого не говорили двурушники-сапроновцы, они ведь оставались членами этой «буржуазной рабочей партии». Как же они оставались членами «буржуазной рабочей партии, представляющей интересы кулачества и новой буржуазии? Да потому, что они—двурушники; они сами и есть представители мелкой буржуазии, которая никогда не была довольна режимом пролетарской диктатуры, режимом коммунистической партии. Эти двурушники были

и остаются лицемерными представителями мелкой буржуазии, которая трусливо прячет свое лицо за партийным билетом до тех пор, покуда их не разоблачат, или до тех пор, покуда они, вообразив, что дело идет к свержению пролетарской диктатуры, что дело идет к возможности свернуть шею коммунистической партии, не выступят открыто с какой-нибудь самой архиреволюционной (обязательно «архиреволюционной» в наших условиях) платформой «пролетарских революционеров». Да, эти люди уже себе отрезали путь к партии, когда их разоблачили. А если бы не разоблачили, они оставались бы внутри партии, разлагали бы ее, паразитировали бы на ее теле как чуждые элементы.

Возьмите мясниковцев, которые за последнее время сделали жалкую попытку организовать РКПР—русское отделение IV Интернационала, в которой анархо-синдикалистские теории соперничают с кулацкими теориями, программа которой представляет эклектическую похлебку из всевозможных мелкобуржуазных теорий. Но мясниковцы оставались внутри партии, собирались вместе небольшой группой, шипели злобно против партии, изливали потоки гнусной клеветы и желчи против партии на страницах подпольного журнальчика «Рабочий путь к власти». Даже троцкисты одно время заподозрили, что это какая-то провокаторская группа.

Все эти примеры показывают, насколько стирается грань между различными фракционными группами в их отношении к партии. Они могут между собою спорить, соперничая за влияние на колеблющиеся в стороны от пролетарской диктатуры элементы, представляя различные прослойки мелкой буржуазии, но все они в разной степени отражают типичное свойство мелкой буржуазии и все они вынуждены двурушничать. Это судьба всякой группы, которая действует по отношению к нашей партии неискренне, которая начинает вести борьбу против нашей партии. Положение обязывает.

●

Двурушничество фракционных групп и антипартийных организаций конечно затрудняет установление доверчивого отношения даже с тем, кто, казалось бы, вполне искренне заявляет об отходе от оппозиции. Партийная организация относится с известным недоверием к ним после всего того,

что мы знаем о практикующемся обмане, о вероломстве фракционеров. Вполне естественно, когда задают себе вопрос: не обманывают ли, не маневр ли это,—те ли или иные заявления фракционера,—не маскировка ли, не таятся ли тут какие-либо особые опасные замыслы? К этому надо прибавить еще и шельмование, какому подвергается всякий, кто отходит от оппозиции. Товарищи Зиновьев, Каменев, Пятаков, Воробьев, Гордон и другие, отходившие от оппозиции, подвергались невероятному шельмованию со стороны своих вчерашних друзей. И сегодня еще, когда вновь и вновь от оппозиции отходят отдельные члены и целые группы членов этих фракционных организаций, фракционеры обрушиваются на них потоками инсинуаций, клеветы. Вчера еще эти люди были друзьями, вчера с ними шла оживленная переписка, вчера они были стопроцентными «пролетарскими революционерами» в глазах той или иной фракции, а сегодня,—стоит только этому пролетарскому революционеру заявить, что он согласен с партией, а не с «громче всех крикуном», как на этого человека можно всех собак вешать. Должна ли партия при таких условиях, при таких обстоятельствах отказаться совершенно рассматривать заявления оппозиционеров об отходе от оппозиции? Конечно, нет. Конечно, среди 2—3 тысяч исключенных из партии найдутся люди, которые, проделав очень сложный путь всяких колебаний и шатаний, искренне вернутся в партию, порвав решительно, открыто и бесповортно со всякой фракционностью, осудивши свои ошибки.

Из привлеченных за фракционную деятельность с XIV съезда по 1 июня 1928 г. 7 523 человека исключено было 4 034 (53%), получили другие партвзыскания 2 846 (38%) и реабилитировано 643 (9%). Из них исключено было после XV съезда 2 270 человек, причем отошло от оппозиции с XIV съезда по 1 июня 1928 г. 4 350, из них после XV съезда 3 098 человек. Отошла главным образом рабочая часть троцкистов и др.—2 357 человек (из них после XV съезда 1 727 человек).

Вывод для партии из всего того, что мы знаем об оппозиции, только тот, что надо относиться очень критически к заявлениям об отходе от оппозиции. В этих заявлениях не должно быть никаких недомолвок, никаких лазеек для какого-нибудь возврата на путь фракции. Это должен быть

полный разрыв, не должно оставаться никаких лазеек для какой-либо новой фракционной работы того, кто возвращается в партию. Надо проверять искренность этих заявлений на опыте, на работе, испытывать того, кто возвращается в партию. Всякая фальшь, всякая недоговоренность, всякая половинчатость заявлений, которые делает возвращающийся к партии вчерашний ее противник, только затруднят возможность такого возвращения. Испытание мы понимаем в том смысле, что партия должна проверить, насколько правильно способен осуществлять этот товарищ партийную линию, не поддерживает ли он элементов недовольства в партии, не пытается ли он вновь собрать вокруг себя людей, которые борются против партийной линии. Всякая такая попытка конечно только затруднит для партии возможность возвращения в свои ряды тех, кто вчера боролся с нею, затруднит установление полного доверия, необходимого для дружной партийной работы.

МИСТЕР ТРОЦКИЙ НА СЛУЖБЕ БУРЖУАЗИИ ИЛИ ПЕРВЫЕ ШАГИ Л. ТРОЦКОГО ЗА ГРАНИЦЕЙ

Буржуазная реакционная пресса обогатилась с конца февраля 1929 г. новым сотрудником—Л. Д. Троцким. На страницах газет «Дейли Экспресс» (орган консервативной партии—орган Чемберлена) в Англии, «Нью-Геральд энд Трибюн», «Нью-Йорк Таймс» (органы американских капиталистов), ультра-консервативных голландских газет: «Альгемейне Хандельсблатт» и «Ньюве Роттердамер Курант», а также в других реакционных буржуазных органах, обслуживаемых американским агентством «Консолидэйтед Пресс», напечатана серия статей Л. Троцкого, проданных Троцким этому агентству за крупную сумму долларов. Само собой разумеется, что это вызывает бурное ликование реакционной печати, которой и во сне не снилось, что у нее в 1929 г. появится сотрудником «мистер Троцкий», как значится под портретом Троцкого на страницах газеты «Дэйли Экспресс» от 27 февраля 1929 г. В восторге от этого события «Дэйли Экспресс» и другие буржуазные органы печатают сногсшибательные аншлаги: «Собственноручная история Троцкого об его высылке из России», «Драматические разоблачения изгнанного революционера», «Жестокие атаки на Сталина, главного его врага» и т. п. Затем «Дэйли Экспресс» предупреждает своих читателей, что «вторая часть его разоблачений будет опубликована исключительно в «Дэйли Экспресс» завтра».

Да, буржуазии есть чему радоваться. На время имя «мистера Троцкого» может служить приманкой для падкой до сенсаций одурачиваемой буржуазной прессой публики, и не жалко заплатить Троцкому несколько тысяч или даже несколько десятков тысяч долларов за его клеветнические статьи по адресу коммунистической партии, советской власти и Коммунистического интернационала.

●

За последние годы судьба Троцкого как руководителя бывшей «оппозиции» и как организатора антисоветской подпольной партии чрезвычайно интересовала наших классовых врагов. Социал-демократическая и буржуазная пресса подхватывала налету каждое измышление, каждое клеветническое заявление Троцкого, каждый его выпад против партии, против ее руководства, против советского режима, против Коминтерна. Его статьи и книги охотно перепечатывались и рекламировались буржуазной прессой, буржуазными издательствами, потому что вся словесная «левая» *мишура его писаний*—ничто по сравнению с их *контрреволюционной сущностью*, по сравнению с *объективной контрреволюционной ролью*, которую *они играли и играют в руках наших классовых врагов*. Если друг Троцкого реформист Суварин в «Пролетарской революции» (орган Суварина) писал: «Политбюро заменило кабинет царя как высший орган бюрократии», то почему же английскому лорду Грэю было не повторять эти слова? Если Троцкий писал в октябре 1929 г. о том, что советский строй в последние годы является керенщиной наизнанку, то почему не ухватиться за эту мысль всем врагам Советского союза, почему социал-демократам не использовать эти утверждения для обмана обывателя?

«Манчестер Гардиан» (орган английских либералов) от 13 июня 1927 г. писала, что «в настоящее время идеи социал-демократов и коммунистической оппозиции все больше и больше сходятся».

«Венская рабочая газета» (орган австрийских меньшевиков) 4 октября 1926 г. писала, что «Троцкий в противовес правительству представляет право на оппозицию, право на свободное слово». Троцкий борется с абсолютизмом господствующей группы. Он кажется нам предвестником грядущей большой демократической фазы, преодолевающей диктаторскую монополию господствующей группы».

В августе 1927 г. социал-демократ Розенфельд писал в органе французских «социалистов» «Популэр» о троцкистах, что они подготовляют крах большевистской диктатуры и ее демократическую ликвидацию».

Меньшевик Гарви в «Социалистическом вестнике» (орган Дана и Абрамовича) писал в период жесточайших нападок троцкистов на партию:

«Китайская мудрость Радека скоро забудется. Но крепко запомнится крылатое, острое, как парфянская стрела, слово Троцкого: «Опаснейшей из всех опасностей является партийный режим»... «Недовольные массы по-своему поймут, шире истолкуют крылатое слово Троцкого. Опаснейшей из всех опасностей является не режим правящей партии, а режим диктатуры...»

Этому хору вторила и белогвардейская печать. Это не мешало время от времени этой печати сочинять самые фантастические сказки о судьбе Троцкого.

Последняя статья Троцкого от 21 октября 1928 г. была напечатана всей буржуазной печатью в сопровождении захлебывающихся от радости заголовков, что вот наконец дескать, и сам Троцкий делает такой призыв о забастовках против советской власти, который исходил до сих пор от них, от социал-демократов, от сторонников буржуазной демократии. Однако они тогда еще не могли мечтать о том, что Троцкий всего через два месяца станет сотрудником этой буржуазной печати.

Контрреволюционные призывы Троцкого и антисоветская деятельность подпольной организации, созданной им, привели к высылке Троцкого за пределы Советского Союза. Мера эта была встречена с одобрением не только в партии, но и в рядах беспартийных рабочих. Передовая статья в «Правде»—«Докатились», в которой ЦО. партии давал оценку деятельности Троцкого и созданной им подпольной организации и выяснял, почему советская власть вынуждена применять более суровые репрессивные меры против органов подпольной антисоветской партии Троцкого, была встречена с живейшим сочувствием не только в рядах партии, но и в рядах беспартийных рабочих. Беспартийные рабочие массы, как и члены партии, оценили по достоинству деятельность троцкистов последнего времени, и если у кого из них были сомнения относительно целесообразности высылки Троцкого, то они сводились только к тому, не окажется ли Троцкий за границей гораздо более вредным для советской власти, чем он был внутри Советского Союза. Ни одна фабрика, ни одна группа рабочих, ни одна ячейка партии не только не выразили своего несогласия с этой высылкой,—наоборот, во всех решениях, резолюциях и заявлениях эта мера находит полное одобрение.

На собрании «Красного путиловца» коммунары совместно с беспартийными рабочими предложили «правительству и впредь принимать самые строгие меры против всякого рода попыток контрреволюционеров-троцкистов помешать нашему делу. Троцкизму, как явно выраженной контрреволюционной группе, нет места в Советском Союзе».

Рабочие, моряки и красноармейцы Севастополя на многочисленных собраниях требуют применения к троцкистам самых суровых репрессивных мер.

Из Иваново-Вознесенска, Тулы, Москвы и других крупных промышленных центров поступили многочисленные резолюции партийных и общих рабочих собраний, одобряющих принятые партией и советской властью мероприятия.

Рабочие трамвайных мастерских им. Домбаля в Киеве заявляют: «Дальнейшее развитие нашего хозяйства по пути социалистического строительства, преодоление стоящих перед нами трудностей, а также наличие постоянных интриг окружающих нас капиталистических государств требуют от нас самой решительной борьбы с подрывающими устои советской власти, перерродившимися контрреволюционерами-троцкистами».

Так говорили рабочие до выступления Троцкого в буржуазной реакционной печати.

Что они скажут сегодня о мистере Троцком после его выступления в реакционной империалистической прессе Европы и Америки против Советского Союза?

●

Иначе отнеслась к сообщению о высылке Троцкого буржуазная и социал-демократическая печать. Несмотря на то, что в ней не было полного единодушия в оценке роли Троцкого, большинство буржуазных и социал-демократических газет сходилось на том, что Троцкий является в капиталистический мир иным, чем он оставил этот мир в 1917 году, что в капиталистический мир возвращается в лице Троцкого человек, который будет способствовать расшатыванию, ослаблению СССР; а раз так, то он—желанный гость. Очень немного нашлось газет, которые защищали иную точку зрения.

Рекорд глупости в этом отношении побила стокгольмская реакционная «Стокгольмс Тиндинген», в номере от 12 февра-

ля сообщившая, что в связи с высылкой Троцкого забастовала электрическая станция Москвы, и весь город остался без света, остановились трамваи, войска ЧК заняли все правительственные здания, театры и увеселительные места были закрыты, ресторанные посетители поспешили по домам, и что только «в 11 часов вечера с помощью специалистов из инженерных войск и студентов была возобновлена работа на электрической станции», и что Зиновьев сослан на Кавказ, что Лозовский и несколько других руководящих деятелей советских профсоюзов «решили использовать Троцкого для организации забастовок в промышленных странах Европы».

Мы печатаем образец этой политической безграмотности, бессмысленной фантастики и глупости, как пример того, какой сенсационный товар находит потребителей в капиталистической Европе. Потрафить такому читателю конечно нетрудно, если сочинить поинтереснее что-нибудь о советском государстве, о партии, об ее руководителях, подправить это щекочущими нервы буржуазии подробностями, как это и сделал впоследствии Троцкий в своих статьях, предназначенных для этой буржуазной печати.

Мы здесь приводим ряд отзывов социал-демократической и буржуазной печати, появившихся вслед за известием о высылке Троцкого.

Германский «Форвертс», который злее всех бешеных псов буржуазии лязгает зубами, когда дело идет о Советском Союзе, по отношению к Троцкому принял самый покровительственный тон, требуя разрешения въезда в Германию для Троцкого.

Известный социал-демократ Розенфельд, побывавший в СССР для защиты правых эсеров на процессе, в органе французских «социалистов» «Популэр» заявил, что троцкисты «уже не забавляются толкованием писаний Ленина, а нападают на самые основы большевистской диктатуры, требуя свободы стачек и союзов, повышения заработной платы и тайного голосования». «Троцкий и его сторонники еще сохранили некоторые утопические идеи времен военного коммунизма, но от практической пропаганды они вернулись к лозунгам русских меньшевиков и делают первые шаги для демократизации режима, без которой большевизм выродится в фашистскую

контрреволюцию. Троцкий еще не пришел к марксистской концепции Мартова и Дана, но события уже заставляют его применять конкретные лозунги русских меньшевиков».

«Сам» Дан в «Арбейтер Цейтунг» выступил в защиту Троцкого. Он заявил, что симпатии социал-демократов на стороне «преследуемого Троцкого».

> «Социал-демократам нечего опасаться теперь политической деятельности Троцкого, так как он скорее будет вредить коммунистическому движению и скорее побудит рабочих-коммунистов к возвращению в лоно социал-демократии, нежели будет укреплять коммунистическую партию и разрушать основы социал-демократии».

При этом австрийские социал-демократы открыли даже сбор на так называемый «фонд Маттеоти» для поддержки социал-демократического движения, причем указывают главным образом на поддержку высланного из СССР Троцкого.

В «Лейпцигер Фольксцейтунг» (от 30 января) известная меньшевичка Ольга Доманевская выступает также в защиту Троцкого. Считая, что у Троцкого есть еще остатки его коммунистических иллюзий, военного коммунизма и т. п., Доманевская указывает на то, что надо останавливаться не на этих различиях, а на том, что в настоящее время сближает социал-демократов с Троцким, а это сближение основывается на том, что

> «Троцкий заимствует сейчас свои «жизненно-важные» лозунги из программы русской социал-демократии»... «Троцкисты постепенно выходят на правильный путь, и чем скорее удастся им выкристаллизовать свои политические позиции до логического конца и сбросить власть старых утопий, тем скорее будет возможно объединение всех классово-сознательных группировок внутри русского рабочего класса, тем больше шансов на успешную борьбу за пределами коммунистической партийной диктатуры».

Так меньшевики всех оттенков выявили свое отношение к троцкизму и Троцкому: приветствием Троцкого, который идет походом против компартии, против Коминтерна, который призывает рабочих в СССР к стачкам, который берет свои «жизненно-важные лозунги из программы социал-демократов», который подрывает основы пролетарской диктатуры.

Как не порадеть родному человечку!

«Фольксштимме», орган хемницких социал-демократов, в передовой под заголовком «За что борется Троцкий?»—отвечает:

> «Троцкистская оппозиция может быть еще весьма убеждена в том, что она в состоянии укрепить пролетарскую диктатуру. В действительности же она является только пионером демократии. Вывод... возвращение к демократии—это принципиальное решающее предложение Троцкого. Русский пролетариат может завоевать свою свободу только на основе демократии».

В хоре буржуазной печати можно услышать те же голоса. Здесь возвращение Троцкого на социал-демократические позиции нашло живейший отклик, живейшее одобрение.

Понятно, что иную оценку высылка Троцкого нашла в рядах коммунистических рабочих.

Орган французской компартии «Юманите» в передовой от 21 февраля, озаглавленной «Больше чем когда-либо мы доверяем лининской партии», одобряя высылку Троцкого, разъясняет контрреволюционную роль Троцкого. «Юманите» правильно указывает, что «на каждом важном этапе революции Троцкий пытался противопоставлять большевистским решениям свои решения, которые привели бы к гибели революции».

> «Троцкий возвращается в лагерь своих прежних союзников-социалистов, которые уже приветствуют его. Международный пролетариат будет помнить о Троцком только для того, чтобы оградить себя от заблуждений, вследствие которых человек, когда-то бывший революционным вождем, превратился в надежду контрреволюции».

ЦК компартий Франции, Германии, как и ЦК других коммунистических партий, одобрили решение о высылке Троцкого. В резолюции ЦК КПФ говорится:

> «тот факт, что социал-демократы всех стран берут высланного Троцкого под свою защиту, сам по себе достаточен, чтобы доказать правильность принятых против Троцкого мер. Эволюция Троцкого не вызывает удивления... Каковы бы ни были услуги, оказанные им революции, Коминтерну, он не может пользоваться ни малейшей поблажкой, вступив в ряды контрреволюционеров. В интересах мировой революции оправдываются все суровые меры, принимаемые против ее врагов».
>
> «Французская компартия приветствует вступление тысяч рабочих в ВКП(б) как наилучший ответ на согласованный натиск международной буржуазии и ренегатов коммунизма. Французская компартия заявляет, что она исполнена решимости к ожесточенной борьбе против всех троцкистских элементов, которые во Франции открыто присоединяются к буржуазии, и призывает всех рабочих укрепить единый фронт против всех врагов Коминтерна для защиты СССР от империалистской угрозы».

Орган партийной компартии «Сэндэй Уоркер» заканчивает статью от 3 февраля о высылке Троцкого уроком, который необходимо запомнить не только английским рабочим:

> «Урок для рабочих ясен. Нужны не «великие люди» и бурные темпераменты, а преданные революционные бойцы, живущие, действующие, чувствующие, выражающие восстание масс против капиталистической эксплоатации. Рабочие Советского Союза достаточно сильны для того, чтобы обойтись без «великих», с презрительным жестом они высылают их туда, где им место,—в капиталистическую Европу».

«Роте Фане», орган германского ЦК, в заметке от 7 февраля «Гостеприимство буржуазии в отношении Троцкого—Распростертые объятия социал-демократии» пишет:

> «С того дня, как мы сообщили о высылке Троцкого из Советского Союза, буржуазная и социал-демократическая печать не может успокоиться. Ежедневно во всех капиталистических газетах раздается настоящий хор приветствий «жертве большевистского террора». Не может быть большего позора для бывшего революционера, для бывшего участника Октябрьской революции, для бывшего командующего Красной армии, чем дружественные благопожелания этой дружественной буржуазии, которая готовится... к интервенционной войне против Советского Союза». «На столбцах капиталистических газет Троцкий может прочесть, как низко он пал. Из уст немецких предпринимателей, банкиров, биржевых маклеров он может услышать, кому он приносит пользу своей контрреволюционной деятельностью против советского государства. Партия Носке, которая обагрена кровью лучших борцов немецкой революции, делает Троцкого своим признанным любимцем. В потоке передовых статей она,—партия Носке,—упоминает о прежних заслугах Троцкого перед русской революцией. «Берлинер Тагеблатт», «Фоссише Цейтунг», «Форвертс» и желтая «Фольксвилле» сошлись в трогательном единодушии для того, чтобы защитить Троцкого от «ругани» коммунистической прессы. Ничто не может больше опозорить и сильнее заклеймить Троцкого в глазах борющегося рабочего класса, чем этот факт. Своими враждебными действиями он всецело заслужил свою участь».

●

Троцкий появился в Константинополе 12 февраля и первым его шагом было заявление на имя Кемаля:

> «Его превосходительству, господину президенту Турецкой республики. У ворот Константинополя я имею честь сообщить вам, что не по своему свободному выбору я прибыл на турецкую границу и что я перехожу эту границу, лишь уступая насилию. Благоволите, господин президент, принять мои почтительные чувства. Л. Троцкий, 12 февраля 1929 г.».

Днем 12 февраля Троцкий в беседе с начальником полиции заявил ему, что фраза о насилии относится не к турецким властям, а к советским.

Итак первым шагом Троцкого в капиталистической стране был—плевок по адресу Советского Союза,—почтительные чувства к президенту Турецкой республики. Нас не удивляет этот шаг. Но почему Троцкий стыдится привести полностью это письмо, когда он публикует его в «Дэйли Экспресс», оговариваясь предварительно: «моей целью является не пропаганда, а одна лишь правда». Стыдно перед своими единомышленниками? Троцкий приводит это свое первое письмо без выражения почтительных чувств, а просто:

> «Сэр, я формально заявляю вам, что не по своему свободному выбору я прибыл на вашу территорию, а уступая насилию».

Правда-то выходит троцкистская,—подмоченная, с первого шага до последнего блудливая, ренегатская правда.

Само собой разумеется, что агенты буржуазной прессы сейчас же набросились на такого рода приманку. Представитель «Юнайтед Пресс оф Америка» сообщил Троцкому о том, что эта буржуазная организация прессы широко оценит телеграммы Троцкого по вопросам, которые интересуют буржуазное общественное мнение Европы и Америки. И тут же началась торговля, причем представители буржуазных синдикатов печати поставили ему условием «избегать революционной пропаганды и отказывать во всех интервью и статьях другим в течение месяца». Во всяком случае, с самого начала ему предлагали за первые статьи не меньше 5 тыс. долларов, сообщили ему, что за право поместить его статьи спорят такие почтенные органы, как грязно-желтая «Дейли Мейль» (сами англичане нередко называют эту газету «Дейли Лэйль»—ежедневная ложь), причем агенты сообщали ему, что скандинавские права проданы по хорошей цене, что Оттоманский банк готов выплатить ему за его статьи и т. п. Мы не знаем, на чем сторговался Троцкий с агентами буржуазной печати. По некоторым данным за статьи ему заплачено больше 10 тыс. долларов, по другим—около 25 тыс. долларов. Нас не это интересует. Когда покойный Иоффе жаловался на партию, что она не разрешает ему печатать свои мемуары в буржуазных издательствах, которые обещают ему хорошо заплатить, это вызывало гадливое отвращение. Но Иоффе—покойник, который писал об этом перед своей смертью. А здесь живой политический покойник, живой ренегат сторговывается, за сколько продать свою клевету против коммунистической партии, против ее руководителей, против советской власти.

Реакционеры знают, что делают. Они знают, для чего они печатают статьи Троцкого. И пусть Троцкий оговаривается в этой статье для легковерных читателей:

> «Прежде чем я взялся писать эти статьи, я потребовал полной свободы высказывания. Я скажу либо то, что я думаю, либо не скажу ничего».

Всякий вправе спросить: с каких это пор и по какому поводу буржуазная империалистская пресса стала свободной трибуной для тех, кто заявляет себя искренним ленинцем? И если эта «правда», которая сегодня высказывается со столбцов «Дейли Экспресс», «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Геральд», голландских и других реакционных органов, оплачивается золотом буржуазии, всякий рабочий поймет, что эта «правда» выгодна буржуазии, иначе она бы за нее не платила. Пусть Троцкий заявляет о том, что его «целью является не пропаганда, а одна лишь правда», всякий, кто знает, что Троцкому было поставлено условие «избегать революционной пропаганды», поймет должным образом значение слов Троцкого, что его «целью является не пропаганда».

И не странно ли, что Троцкому платят десятки тысяч долларов за «пропаганду» те самые английские воротилы, которые организовали разрыв с Советским Союзом именно из-за «пропаганды». Не ясно ли, что пропаганда мистера

Троцкого, как небо от земли, далека от той «пропаганды», за которую арестовывают, расстреливают коммунистов во всех странах капиталистической Европы и Америки.

На самом деле Троцкий в своих статьях занимается пропагандой против Советского Союза, против компартии, против Коминтерна. За это именно и платят ему денежные мешки Англии и Америки.

«Дэйли Экспресс» сопровождает статью Троцкого маленьким предисловием:

> «Исторический документ»,—где рассказывается о том, как Троцкий «драматически нарушил свое долгое молчание». «Он резко обвиняет своего главного врага—Сталина... Он... критикует нынешний советский режим и разоблачает секретную историю тех событий, которые привели к тому, что он стал не имеющим гроша политическим изгоем».

Бедный мистер Троцкий! Как не пожалеть этого человека, не имеющего сейчас ни гроша и торгующего своей политической совестью! Ничего не поделаешь, раз уж обязался служить новому хозяину,—приходится терпеть и такие оговорки, против которых еще недавно Троцкий выступил бы с самыми резкими и грозными филиппиками. «Дэйли Экспресс» сопровождает статью замечанием о ГПУ: «ГПУ, о котором упоминает Троцкий, является террористической организацией, пришедшей на смену ЧК». А сам Троцкий сообщает в скобках, что ГПУ, это—политическая полиция, и на потеху буржуазии рассказывает о том, как его две собаки-пойнтеры «были несколько обеспокоены, видя столько чужих людей в моем спокойном обиталище». Эти «чужие люди» были работники ГПУ.

Бедные собаки Троцкого! Бедные пойнтеры, обеспокоенные ужасными чекистами из «террористической организации»—ГПУ! Троцкий потрафил в самую сердцевину английским достопочтенным лордам и лэди, устраивающим ежегодные молебны-благословения над охотничьими собаками, которых священники кропят водой. Как охотно они проделали бы это и над пойнтерами Троцкого! Но до какой низости надо пасть, чтобы так потрафлять буржуазии!

Мы не собираемся полемизировать с «мистером Троцким». Мы подчеркиваем лишь ту быстроту, с которой Троцкий проделывает свою эволюцию, свое возвращение к яслям нового своего хозяина.

«Дейли Экспресс» с восторгом приводит выражение Троцкого о том, что советская власть «правит силой над возмущенным народом». Сколько звонких пощечин получили ренегат Каутский и его апостолы и от Ленина и от Троцкого в свое время за подобное утверждение, и как быстро автор книги «Терроризм и коммунизм», направленной против таких утверждений, бросает эти обвинения против советской власти перед лицом буржуазного мира!

О, конечно это не пропаганда против советской власти,—Троцкий «отказался от пропаганды». Его «целью не является пропаганда, а только правда». Его могут заподозрить в том, что этими словами он науськивает буржуазию на советскую власть. Но какое до этого дело мистеру Троцкому?

Троцкий заявляет:

> «Наш метод—это метод внутренних реформ. Я пользуюсь этим случаем для того, чтобы заявить это всему миру, дабы, поскольку это возможно, защитить интересы Советов»... «Как бы ни были велики трудности советских республик, вытекающие не только из объективных обстоятельств, но и из бесплодной политики колебаний, все же те, кто ожидает близкого свержения режима, осуждены еще на одно жестокое разочарование».

Нам кажется, что мистер Троцкий совершил плагиат у секретаря мистера Черчилля, мистера Бутби, который недавно заявил в печати буквально то же самое, что на близкое свержение советского режима нельзя надеяться. Как видите, в вопросе о перспективах мировой революции, базой которой является «советский режим», Троцкий вполне согласен с мистером Бутби. И если «коммунизм» Троцкого не идет дальше утверждений консерватора мистера Бутби, то не ясно ли, что мистер Троцкий и мистер Бутби вполне сойдутся на том, что на не близкое, но и не очень далекое свержение советского режима можно все-таки рассчитывать. Не так ли, мистер Троцкий?

Теперь ясно, к чему сводится «пропаганда» мистера Троцкого.

Теперь ясно, за что платит ему буржуазия десятки тысяч долларов.

ЕЩЕ О МИСТЕРЕ ТРОЦКОМ

Троцкий сегодня герой дня всей буржуазной прессы,— надолго ли, другой вопрос. Его статьи напечатаны были не только в европейских реакционных органах, в консервативной печати Англии, Голландии и других стран, они были напечатаны одновременно в фашистских органах, как «Корьере делла Серра», или в таком бульварном листке, как «Журналь». А в Америке статьи Троцкого распространялись агенством «Керрент Ньюс Фичерс», которое является подсобной организацией общества «Консолидэйтед Пресс», купившего статьи Троцкого. В каждом городе это общество имеет одну большую газету, и таким образом Троцкий получил с самого начала так называемую «большую» прессу, т. е. прессу, целиком находящуюся в руках крупной буржуазии.

Чем объяснял сам Троцкий необходимость такого выступления? Он знал, конечно, что его статьи явятся величайшей сенсацией, привлекут к себе внимание, но он сделал вид, что желает этим «избежать» сенсации:

> «При написании этих посланий целью моей является не придавать дальнейшей сенсации моему делу, а наоборот, подавить сенсацию тем, что я дам открытую объективную информацию, поскольку объективность возможна в политических делах».

Не станем спорить с сотрудником газеты Чемберлена о том, является ли буржуазная реакционная пресса трибуной для «объективной информации». Значит выгодно теперешнему Троцкому прививать рабочему классу мысль, будто реакционная печать может давать объективную информацию, если в ней будет сотрудничать «сам» Троцкий. Оговорка Троцкого, что эта объективность его относительна, постольку—поскольку («поскольку объективность возможна в политических делах»), сделана как бы для того, чтобы приоткрыть лазейку для самой недобросовестной, необъективной

контрреволюционной информации, которую Троцкий дает в интересах буржуазии.

С тех пор, как была напечатана первая статья Троцкого в «Дейли Экспресс», «Нью-Йорк Таймс», в органах твердолобых и в органах фашистов, прошло около 3 недель,— за это время было напечатано еще две статьи Троцкого в тех же органах, и кроме того появился целый ряд интервью, причем буржуазные корреспонденты, зная, насколько буржуазия в настоящее время интересуется этим «сюжетом», усердно сообщают сведения о том, что мистер Троцкий побрился, снял свою шевелюру, что лицо его имеет здоровый цвет, хотя «немного утратило энергию после удаления бороды» (подробные заявления Троцкого корреспонденту «Берлинер Цейтунг ам Миттаг» 4 марта).

Нас мало интересуют эти подробности и совсем не интересует вопрос о шевелюрах и усах Троцкого. Рабочую массу интересует в гораздо большей степени самый факт сотрудничества Троцкого в «большой» реакционной печати Европы и Америки, и конечно его дальнейшая эволюция на этом пути, потому что только «первую песенку зардевшись спеть».

В первой статье Л. Троцкий подробно рассказал о том, как он очутился за границей, причем не обошелся без такой лжи, которая ничего общего с объективностью не имеет. Например зачем ему нужно было лгать, что несколько тысяч членов оппозиции было выслано в различные части Сибири и Центральной Азии, когда всем его сторонникам известно в Советском Союзе, что эта цифра ничего общего не имеет с действительностью? Зачем ему нужно было врать, что он был лишен личной переписки? На этот вопрос может быть только один ответ: это нужно буржуазии. Перед буржуазным миром надо было представить в самом ужасающем виде «преследования» троцкистов в СССР, режим пролетарской диктатуры СССР. Троцкий сообщает, что «в течение последних шести лет Советская Россия медленно, но верно соскальзывает к реакции против Октябрьской революции и этим подготовляет термидор». Спорить по этому поводу с Троцким, повторяющим Мартова и ему подобных? Мы могли бы привести десятки выдержек из речей и статей Троцкого за эти шесть лет, где Троцкий сам доказывал вещи совершенно противоположные, где он

говорил о социалистической музыке будущего, которая звучит в цифрах и фактах хозяйственной жизни СССР последних лет, где он говорил еще в конце 1925 г., т. е. 3½ года назад, что эти цифры и факты свидетельствуют о все побеждающем социализме. Но такого товара буржуазия не покупает. Она покупает клевету против СССР и ВКП(б), она щедро оплачивает все, что пишется против СССР, против ВКП(б), против Коминтерна. Троцкий даже сообщает «самый ясный признак» наступившей реакции:

> «Самым ясным признаком этой реакции является свирепо организованное уничтожение левого крыла партии».

Хорошо «левое крыло», глава которого сотрудничает в органе Чемберлена! О таких «левых» сам Троцкий в свое время говорил, что решительная борьба против них является необходимым условием преодоления правых опасностей.

Троцкий уже в этой первой своей статье совершенно определенно стал на позиции буржуазного государственного права, над которым он в свое время справедливо издевался. Он например объясняет свой отказ добровольно выехать за границу таким образом:

> «ГПУ может законно приказать гражданину оставить страну под страхом наказания, но никто не имеет права выслать без согласия того лица, которого это касается».

Троцкий знает, что это его утверждение ничего общего не имеет с большевизмом, что пролетарская диктатура держится на ином, и Ленин в брошюре «О продналоге» это наше отношение к людям, колеблющим пролетарскую диктатуру, выразил в иных формулах. По отношению к людям, которые докатились до кронштадтских лозунгов,—а троцкисты до них докатились,—Ленин считал возможным принимать меры, не спрашивая их согласия на эти меры.

> «Пусть,—писал Ленин в брошюре «О продналоге»,—едет за границу тот, кто желает поиграть в парламентаризм, в учредилки, беспартийные конференции. Отправляйтесь туда, к Мартову. Милости просим, испытайте прелесть «демократии», расспросите врангелевских солдат про эту прелесть. Сделайте одолжение. А нам не до игры в «оппозиции» на «конференциях». Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию. Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно, как открытых, так и перекрасившихся в «беспартийных», в тюрьме». (Ленин, т. XVIII.)

И сам Троцкий вероятно может припомнить не одно решение такого рода, за которое он голосовал, будучи членом Политбюро, когда мы вовсе не спрашивали «согласия того лица, которого это касается»; когда органы пролетарской диктатуры вынуждены были принимать те или иные репрессивные меры к изменникам пролетарской диктатуры, совершающим по отношению к ней преступления.

Две других статьи Троцкого, напечатанные в «Дэйли Экспресс» 28 февраля и 1 марта, по форме направлены персонально против т. Сталина, но по сути дела они направлены так же, как и первая статья, против режима пролетарской диктатуры, против ВКП(б), против Коминтерна. Мы должны решительно пройти мимо таких жалких попыток Троцкого принизить значение т. Сталина, как его рассуждения о том, насколько т. Сталин владеет иностранными языками. На этом примере потдвердилась только правильность французской пословицы, что некоторые добродетели в своем развитии могут превратиться в свою противоположность. Троцкий на разных языках может теперь распространять клеветнические статьи против СССР, против партии. В этом его «преимущество». Но так же, как в первой статье, как бы мимоходом Троцкий «обронил» фразу, что нельзя надеяться на близкое свержение советского режима, так же он и во второй статье как бы невзначай роняет фразу насчет того, что руководство т. Сталина является «отражением переходного и непрочного положения страны».

Мы спрашиваем всех честных рабочих СССР и других стран: если это не предательство, если это не натравливание на Советский Союз, то как еще можно назвать это иначе? Троцкий знает, что на этом наши враги строят свои планы,—на том, что положение в СССР «переходное и непрочное». Конечно эти их расчеты ни на чем не основаны. Уже 12-й год существует пролетарская диктатура в СССР, и все эти годы буржуазия уверяет, что у нас «переходное и непрочное положение в стране». Но до сих пор это утверждала только буржуазия. Новое заключается в том, что теперь в унисон с буржуазией, вместе с ней, на страницах ее органов руководитель подпольной антисоветской троцкистской организации в СССР, Л. Троцкий, утверждает то

ж е с а м о е. На нашем советском языке, на нашем партийном языке это называется и з м е н о й и п р е д а т е л ь с т в о м.

Чтобы судить о том, в каком свете представляет нашу партию Троцкий буржуазному общественному мнению, можем привести два-три примера из этих последних статей Троцкого.

Троцкий рассказывает о том, как в партии создался общий заговор против него, Троцкого. Политбюро он изображает как кучку конспираторов против Троцкого.

> «Конспираторы использовали наймитов. От кандидатов ожидалось, что они «догадаются», чего они хотят. Если они «догадывались», то могли быть уверены в продвижении».

Так Троцкий изображает дело подбора работников в государственный и партийный аппарат и уверяет, что «в конце 1923 года три четверти партийных чиновников были подобраны таким образом». Для него, как и для всей буржуазной сволочи, тысячи руководителей партийной, профсоюзной, государственной и хозяйственной организации СССР, прошедших тюрьмы, каторгу, подполье, бывших на фронтах гражданской войны, преданных до последней капли крови своей делу ленинизма,—н а й м и т ы. Ну, а партийная масса где была? Оказывается партийные «массы были ошеломлены, сбиты с толку и застращены». Эти массы партийцев изображаются Троцким как «невежественные массы партии», которым можно предложить что угодно. Б а р и н, который, не морщась, берет десятки тысяч золотом у реакционной буржуазии, позволяет себе таким образом третировать партийные массы СССР, массы коммунистов как «невежественные, ошеломленные, сбитые с толку и застращенные», потому что эти массы беззаветно преданы революции и советской власти. А для того, чтобы это было похоже хоть сколько-нибудь на правду, Троцкий рассказывает буржуазии:

> «Стало невозможным (речь идет о 1923—1924 г.) получить место директора фабрики, секретаря завкома, председателя деревенской коммуны, бухгалтера или машинистки, не высказав какого-нибудь признака антипатии к Троцкому. В партии применялись экономические репрессии».

Если бы буржуазия была немножко щепетильнее, или если бы было в ее интересах добиваться хотя бы примитивной правды, она могла бы указать своему сотруднику, мистеру

Троцкому, на слишком большую неправдоподобность такой лжи. Ведь в с е м и з в е с т н о, ч т о т р о ц к и с т ы з а н и м а л и в с е в р е м я о т в е т с т в е н н е й ш и е п о с т ы п о л п р е д о в, ч т о б ы л и н а р к о м ы - т р о ц к и с т ы—И. Н. С м и р н о в, А. Б е л о б о р о д о в, ч т о с а м Т р о ц к и й р у к о в о д и л к р у п н е й ш и м и у ч р е ж д е н и я м и, ч т о т р о ц к и с т ы з а н и м а л и с а м ы е о т в е т с т в е н н ы е м е с т а и ч т о о т н и х з а в и с е л п о д б о р р а б о т н и к о в в ц е л о м р я д е у ч р е ж д е н и й. Зачем же Троцкий рассказывает буржуазии такую ложь, такую гнуснейшую неправду? Зачем он повторяет меньшевистские разговоры о том, что члены партии, члены ВКП(б)—это люди, которые из материальных выгод проводят ту или другую линию партии? Затем, что э т о в ы г о д н о б у р ж у а з и и, затем, что т о л ь к о т а к о й т о в а р и о п л а ч и в а е т п о л н о ц е н н о б у р ж у а з и я, а иначе зачем бы она стала печатать статьи Троцкого? Она потирает руки от удовольствия, что ей «сам Троцкий» дает такой материал, рассчитывая на то, что от клеветы всегда что-нибудь останется.

Достаточно этих примеров, чтобы видеть, какая цель была у Троцкого, когда он писал эти статьи, и какую цену имеет его заверение о том, что он хотел писать только правду. Бывает такая «правда», которая гнуснее всякой лжи. Вот этакую «правду» и преподнес Троцкий в своих статьях. Поэтому неудивительно, что эти статьи ежедневно перепечатываются всей буржуазной, фашистской, реакционной печатью. Злейшие враги наши потирают руки от удовольствия, которое им доставил Троцкий.

И нет ничего удивительного поэтому, что так стараются социал-демократы устроить Троцкого в Германии. Нет ничего удивительного в том, что желтый социал-демократический «Форвертс», который злее всей буржуазной печати всегда нападал на Советский Союз и на коммунистическую партию, сейчас выступает в защиту Троцкого против Ярославского, полемизируя с Е. Ярославским по поводу его статьи в «Правде». У нас нет оснований спорить с «Форвертсом»: «каждому—свое» и «рыбак рыбака видит издалека». Мы сочли бы позором для себя, если б заслужили похвалы буржуазной или социал-демократической печати.

«Берлинер Тагеблатт» сообщает, что социал-демократический депутат Курт Розенфельд передал по поручению Троц-

кого германскому правительству письменное заявление, в котором Троцкий гарантирует, что использует свое пребывание в Германии только для восстановления здоровья и не будет заниматься там никакой политической деятельностью. Прусский министр иностранных дел социал-демократ Гжезинский (тот самый, который преследует жесточайшим образом коммунистов) поддержал просьбу Троцкого перед германским правительством. «Берлинер Цейтунг ам Миттаг» сообщает, что этот Гжезинский ходатайствует перед общегерманским правительством о предоставлении Троцкому неограниченного права убежища. Одновременно сообщается, что Ван-Оверстратен возбудил вопрос о предоставлении Троцкому права проживания в Бельгии, причем также заверил бельгийское правительство, что Троцкий не будет заниматься никакой политической деятельностью. Троцкий в своем заявлении германскому правительству также указывает на то, что он намерен заняться только своим лечением и литературной деятельностью. Он продал социал-демократическому издательству Фишера свою автобиографию, которая выйдет также в Америке на английском языке, и ему необходимо пребывание в Германии как для лечения, так и для литературной работы.

Если сопоставить все эти данные, то мы можем констатировать, что Троцкий дал уже нескольким буржуазным правительствам обещание не заниматься политической деятельностью против этих правительств. Но это означает только одно: это означает отказ от борьбы с буржуазией и использование буржуазной реакционной печати для борьбы с пролетарской диктатурой в СССР, для нападок на партию и для борьбы с Коминтерном. Такую политическую деятельность Троцкому разрешат всюду, против такой политической деятельности ни одно буржуазное правительство возражать не будет. Наоборот, в этом отношении Троцкий всюду получит самую деятельную, сочувственную поддержку как социал-демократии, так и всех реакционных партий.

Таков бесславный конец борьбы Троцкого против ВКП(б) и Коминтерна.

●

В прошлой статье мы считали необходимым сосредоточить внимание только на самом факте сотрудничества Троцкого в реакционной печати. Мы считали, что один этот факт заслуживает самого пристального внимания рабочего класса и самого беспощадного осуждения.

Нужно ли проводить решения нашей партии, необязательные конечно для троцкистов, и то, что не раз писал и говорил Владимир Ильич по поводу двурушников, принимающих участие в буржуазной печати против партии? Мы отсылаем товарищей к решениям партии по этому вопросу.

Ленин в свое время выступил докладчиком по вопросу об участии социалистов в буржуазной печати и решительно отстаивал точку зрения «безусловной недопустимости политического участия в буржуазной печати». Что изменилось с тех пор? С тех пор произошла «маленькая» перемена: произошла Октябрьская революция, образовалось советское государство, первое социалистическое отечество. И только предатели рабочего класса, только ренегаты социализма могут принимать участие в реакционной печати буржуазии, выступая в ней с клеветническими статьями по адресу партии и ее руководства, против режима пролетарской диктатуры этого государства, как это делает Л. Троцкий.

Вот почему выступление Троцкого в реакционной печати было встречено таким негодованием среди рабочего класса, среди трудящихся всех стран. На всех рабочих собраниях статья «Правды» с оттиском страницы «Дэйли Экспресс» и статьи Троцкого горячо обсуждались рабочим классом. Рабочие «Красного путиловца» приняли обращение к пролетариям всех стран, в котором заявляют:

> «Нет места в наших рядах предателю социализма и прихвостню буржуазии. Вон из рядов рабочего класса и всех тех, кто предал интересы рабочего класса, кто скатился до лагеря контрреволюции. Пролетариат всего лучше сможет дать и даст оценку всей деятельности г. Троцкого за последние годы по первым его шагам за границей. Рабочие всего мира поймут, чье дело он защищает и почему революционные рабочие СССР принуждены были выбросить его за пределы Союза. За десятки тысяч долларов Троцкий продал свою революционную совесть, продал дело, за которое сотни тысяч революционных рабочих сложили свои головы на фронтах гражданской войны... Рабочие

«Красного путиловца» призывают международный пролетариат плотнее сомкнуть свои ряды вокруг Коммунистического интернационала, что явится лучшим ответом на предательскую контрреволюционную деятельность Троцкого и ему подобных».

О таких же рабочих собраниях, часто импровизированных, возникающих в цехах, сообщают из Севастополя, Брянска, Рыбинска, Могилева, Харькова, Полтавы, Артемовска, Саратова и других городов. Киевские рабочие также приняли обращение к рабочим Англии, Германии и Франции, в котором протестуют против участия Троцкого в буржуазной прессе и против «той грязи, которой Троцкий обливает наш Советский Союз». Они знают,

«что на нашем пути имеется много лишений и страданий, но рабочий класс, взявший в Октябре власть в свои руки, не дрогнет перед этими временными препятствиями».

Беспартийные рабочие Твери, Ленинграда и других городов заявляют, что в ответ на выступления Троцкого они еще теснее сомкнут свои ряды вокруг партии Ленина и пополнят ее ряды.

В газетах помещается целый ряд заявлений групповых и отдельных рабочих о желании вступить в партию в ответ на нападки, которые обрушивает Троцкий на нашу партию. В сотнях записок на собраниях рабочие спрашивают представителей партии: почему так мягко, так терпимо отнеслись к Троцкому?

Что могут сказать троцкисты по этому поводу? Редакция «Правды» и редакции других газет засыпаются сейчас статьями и письмами рабочих и работниц по поводу выступления Троцкого. Перед нами лежит пачка таких заявлений, присланных также и в ЦКК. Среди них есть и такого рода заявления беспартийных:

«На протяжении нескольких лет я защищал линию Л. Троцкого и особенно в последние годы, когда развернулась подпольная работа оппозиционеров. Я принимал участие в работе оппозиции предоставлением квартиры для совещаний, расклеиванием и распространением листовок и писем лидеров оппозиции по заводам, а также агитировал, где только представлялось возможным. Но более детально разобравшись, куда ведет Л. Троцкий и куда скатился сам Л. Д. Троцкий, я заявляю, что отказываюсь разделять их взгляды. Беспартийный А. Воронов».

Конечно нашлись и защитники Троцкого. Чему же тут удивляться? Если буржуазия и социал-демократия за границей защищают Троцкого против коммунистов, если в Америке (и в Чехо-Словакии) митинг троцкистов охраняется американской полицией, а противники троцкистов разгоняются этой полицией, то что же удивляться, если в СССР находятся такие буржуа, которые пишут анонимки в «Правду» и в ЦКК и лично Е. Ярославскому, абсолютно ничем не отличающиеся от белогвардейских и поповских анонимных писем.

Но пусть эти господа попробуют выйти перед рабочими теперь защищать выступления Троцкого в буржуазной и реакционной печати! Пусть!

●

Они пытаются защищать это выступление Троцкого. Так некий Шульман, подписывающийся студентом Уральского политехнического института, заявляет в письме:

«Если бы даже он помещал статьи в буржуазных газетах, если бы даже Троцкий взял эти деньги, о которых вы чуть ли не сто раз упоминаете, то и тогда надо его оправдать, ибо безусловно на эти деньги он организует газету».

Примерно в таком духе высказываются и другие троцкисты. А что же им остается еще говорить?

Поэтому нет ничего удивительного, что сын Троцкого, находящийся с ним в Константинополе, в интервью с константинопольским корреспондентом Рейтера по поводу статьи Ярославского в «Правде» от 8 марта заявил, что Троцкий «не собирается извлекать личные доходы из своих писаний и обратит эти гонорары на издание литературы, излагающей взгляды противников Сталина».

Очень хорошо! Пусть рабочие теперь знают, что троцкисты будут издавать литературу на деньги, которые им для этого дает реакционная буржуазия, дают твердолобые, дают фашисты. До какого бесстыдства нужно было дойти, чтобы сделать такое признание! Какого бы мы ни были мнения о троцкистах в СССР, мы все же думаем, что не все троцкисты на это пойдут и что эти заявления и эти выступления Троцкого помогут им оценить весь путь троцкизма, освещенный но-

вым светом. А рабочие, хотя их Троцкий и считает невежественными, застращенными и чуть ли не подкупленными («наймиты»), сумеют разобраться—кто и кем подкуплен и за что подкуплен, если им открыто говорят, что «литература против Сталина», т. е. против ВКП(б), против Коминтерна, против СССР будет издаваться на средства, открыто полученные от реакционеров.

Рабочие уже сейчас называют Троцкого «буркором»,—буржуазным корреспондентом, в противовес рабкорам, которыми они сами являются. Отныне троцкистская литература с полным правом может называться «буркоровской», какого бы она ни была содержания.

Что среди вчерашних троцкистов найдется немало людей, которых это выступление Троцкого отрезвит, этому имеется уже сейчас целый ряд данных в распоряжении ЦКК. Такие еще недавно непримиримо настроенные против партии троцкисты, как Ивановская и Мартынов, организаторы подпольной троцкистской техники в Москве, выступили в «Правде» с резким осуждением «контрреволюционных выступлений Троцкого в буржуазной прессе Европы и Америки» и заявили, что они безоговорочно разделяют политику партии, снимают свои подписи с троцкистских документов и возбуждают ходатайство о возвращении в ряды ленинской партии.

В Полтаве 11 полтавских рабочих, участвовавших в троцкистском подполье, выступили на собрании и рассказали о своей работе под руководством некоего Махлака, который в письмах к ним предлагал «срывать рабочие собрания, выступать с защитой троцкистской платформы, требовать тайного голосования, повышения зарплаты, дискредитировать партийное и советское руководство» и т. д. Одному из них Махлак пишет:

> «На сегодня наша линия такая же, как и линия компартии Германии по отношению к социал-демократии. Пока не нужно допускать баррикад, но в дальнейшем надо исходить из этого условия, т. е. из баррикадных боев».

Сам Троцкий в своей статье в «Дэйли Экспресс», протестуя против приписывания троцкистам агрессивных планов, пишет однако, что «оппозиция имеет достаточный генеральный штаб испытанных революционеров для того, чтобы начать вооруженное восстание».

Рабочий класс в СССР в праве ждать от этого «генерального штаба» определенного ответа на выступление Троцкого. Эти люди находили достаточно сильные слова, чтобы протестовать против высылки Троцкого. Может быть они найдут не менее сильные слова, чтобы протестовать против гнусных выпадов Троцкого в реакционной прессе против СССР? Рабочие в праве от них этого требовать. От каждого сочувствующего троцкистам рабочие должны требовать теперь решительного ответа на вопросы, поставленные выступлением Троцкого в реакционной прессе, а в случае отказа—подвергнуть его морально-политическому бойкоту.

В беседе с сотрудником турецкой газеты «Миллиет» Троцкий заявил, что он «друг нынешнего советского правительства, но желает лишь добиться изменения легальными методами внутренней и внешней политики».

Чем меньше у советского государства будет таких фальшивых «друзей», сотрудничающих в органе Чемберлена, тем легче справимся мы с истинными врагами.

ОТХОД ТРОЦКИСТОВ

Написал «отход», хотя правильнее было бы сказать: развал, распад троцкистской организации. Около двух третей исключенных за последние годы из партии троцкистов отошли от оппозиции, причем подавляющая часть этих отошедших вернулась на партийный путь, возвращена в партию. Распадается впрочем не только троцкистская организация: распадается основное ядро децистов (сапроновцев), распалась мясниковская группа, издававшая подпольно «Рабочий путь к власти»—орган IV Интернационала. За последние дни в ЦКК и местные организации поступают уже массовые заявления об отходе от оппозиции. Причем отходит главным образом рабочая часть.

Причины отхода в основном сводятся к тому, что на опыте борьбы с партией примкнувшие к троцкистам рабочие убедились, что им с троцкистами не по дороге. Они проверили и себя, и троцкистов, и партию. Они убедились, что разговоры о термидорианском перерождении партии ведут зачастую вчерашние бюрократы, игнорируя факты напряженной пролетарской классовой борьбы партии с капиталистическими элементами в стране. Они убедились в том, что Страна советов твердо стоит на завоеванных в октябре 1917 г. позициях, что она эти позиции укрепляет. Они убедились, что партия ведет непримиримую, беспощадную борьбу с бюрократизмом. Всякого честного пролетария захватывает желание участвовать активно в огромной работе социалистической реконструкции, а не брюзжать в сторонке, не хихикать злорадно по поводу тех или иных недостатков, затруднений или ошибок. Они осознали бесплодность, пустоту, бессодержательность школьных рассуждений оппозиционных «вождей» разного масштаба о том, на сколько процентов произошли те или иные сдвиги в стране, бесконечные нудные фантастические разговоры о том, что рабочий класс позовет еще оппозицию исправить положение и т. п. Оглядываясь вокруг, рабочие, примкнувшие к оппозиции, убеждаются, что им не по пути с этими самовлюбленными политиканами, так легко порвавшими с лучшей пролетарской партией.

Однако надо прямо сказать, что этот процесс, начавшийся уже давно, усилился благодаря путаности Троцкого и особенно двум фактам: письму Л. Д. Троцкого от 21 октября 1928 г. и выступлению Троцкого в реакционной буржуазной печати. Беспринципно сколоченный (на основе платформы) блок разнородных элементов дал трещину перед первой же серьезной проверкой. Исключение из партии поставило вопрос о разногласиях внутри этого блока острее. Но фракционная дисциплина, с одной стороны, и частичный приток новых антипартийных элементов (в нашей стране они будут до тех пор, пока существуют классы и классовая борьба) к оппозиции тормозили этот распад. Так например теперь документально известно, что заявление Троцкого VI конгрессу Коминтерна подписывали люди, целиком несогласные с этим документом (во имя фракционной дисциплины). Не подписавшие «прорабатывались» и шельмовались: таков «демократизм» троцкистов. Путаная позиция в вопросе о том, как относиться к утверждениям о том, что термидор уже совершился в Стране советов, заставила рабочих-оппозиционеров усомниться вообще в правильности разговоров оппозиции о термидоре. Путаное отношение троцкого к «левым» колебаниям в среде троцкистов также расслаивало оппозицию. А когда Троцкий, после самых разнообразных собственных зигзагов и после бессвязных теорий о зигзагах внутри партии с лозунгом тайного голосования и разговорами о том, что путь реформ есть один из предварительных путей, так сказать, подготовительный путь, поставил недвусмысленно вопрос о возможности иных путей, когда он объявил советский строй «керенщиной наизнанку»,— рабочие почувствовали, что их тянут к еще более глубокой пропасти, что троцкисты ведут их на борьбу против их класса.

Высылка Троцкого поставила вопрос очень остро. Троцкисты били на чувство, чем только могли: обывателю они совали листовки; самые пышные и горячие слова пущены были в декламациях-заявлениях оппозиции в ЦКК и другие органы. Но вот Троцкий заговорил. И стоило ему заго-

ворить, как все увидали, что «король-то—голый». С изумлением читали рабочие-оппозиционеры о выступлениях Троцкого в «Дэйли Экспресс» и других органах буржуазии. Напрасно стараются троцкисты замазать трещину, которая образовалась в их среде. Клин, вбитый самим Троцким в эту трещину его статьями в реакционной фашистской буржуазной печати, эту трещину расширил, углубил. Многие увидели в новом свете троцкизм. И каждый честный рабочий, примкнувший к оппозиции, если он еще не решил сегодня для себя вопрос об отходе от оппозиции, о разрыве с ней, поставит этот вопрос завтра. Обязательно поставит.

Стоит коротко остановиться на заявлениях б. оппозиционеров, поданных в последние дни. С. Баранов, б. член ВКП(б) с 1913 г., убедился, что

> «оппозиция своими действиями не помогает рабочему классу и его партии преодолевать встающие перед нею трудности, а, наоборот, своей подрывной работой мешает, вредит и объективно разрушает основы диктатуры пролетариата, что неизбежно всем ходом вещей отбрасывает ее в лагерь врагов пролетарского государства—советской власти».

Бывший рабочий завода № 22. В. Рипс осуждает выступление Троцкого в буржуазной печати и мягко сравнивает это выступление с выступлением Ленинбунда с самостоятельными списками на выборах в германский рейхстаг. 11 полтавских рабочих—Сорокин, Трисочка и другие—заявили о полном разрыве с оппозицией, причем в своем заявлении рассказали об антисоветской работе, какая велась троцкистами.

В Днепропетровске член троцкистского центра М. Готлиб разоблачает в «Звезде» деятельность окружного троцкистского центра, членом которого он был: агитация против подписки на заем индустриализации, попытка сорвать колдоговор, агитация за забастовки, слежка за ГПУ, дискредитирование коммунистов, расправа с теми, кто отходит от оппозиции. На вопрос Готлиба московским троцкистам, почему они не посылают на места письма Радека, Преображенского и Смилги, ему ответили, что «по постановлению всесоюзного правления троцкистов материалы этих товарищей не подлежат распространению, ибо Радек, который выпустил в последнее время... книжку и целый ряд других материалов, характеризует Троцкого как меньшевика, особенно по китайскому вопросу, а Преображенский и Смилга согласились с Радеком в той части, где Радек говорит о китайском вопросе. Вот по этим-то причинам всесоюзный троцкистский центр не может рассылать этих материалов, причем таковые не даются для чтения, ибо они не соответствуют идеологии «ленинской оппозиции».

О, блюстители чистоты троцкизма! Сколь прекрасно выглядит ваша «внутрипартийная демократия»!

Там же, в Днепропетровске, рабочие Г. Власов, С. Гапонов, Г. Могилевич, Михель заявляют о разрыве с троцкистами, ибо каждому ясно теперь, что троцкистская организация—контрреволюционная («кожному честному работникови видно и зрозумило, що троцкизм—це не що инше, як контрреволюцийна организация»).

В Харькове опубликованы заявления рабочих Н. Ильинского, В. Захаренко и О. Симанович. («Харьковский пролетарий», 17 марта 1929 г.). В Тифлисе—М. Жакова (б. член партии с 1911 г.), Грамитона Сванидзе (б. член партии с 1917 г.), Сомрова, Степанова, Каталия Баги, Эджидия Боград, Почуашвили Владимира, Сохеишвили, Бегляра, Мавабеишвили Исаака, Гасвиани Кассия, Учанейшвили Ильи и Начеушвили Ивлиян. И здесь отходит рабочая группа троцкистов, некоторые из них с 15-летним производственным стажем.

В Саратове поступило в редакцию «Поволжской правды» письмо за подписью Ильина Г. И., Локаева А. Г., Певзнера А. М., Мизинова А. Д., Булаева Е. И., Каткова П. В. о разрыве с троцкистами. Почти все—рабочие трампарка. Отходит рабочая группа.

В Ярославле—Виноградов, в Богородске—Абрамов, в Ташкенте—Джанибахчиев, А. С. Волин, В. Лукин и Р. Васильева. Последние двое заявляют:

> «Попытка сохранить партийное лицо на путях неподчинения решениям XV съезда партии окончилась полной неудачей для оппозиции».

Кроме того поступило еще несколько десятков заявлений от отдельных троцкистов: Грингауза (рабочий) из Бугульмы, А. Швенковского, А. П. Величкина, М. И. Бейзерова

(рабочий) из Туринска, Н. Емельянова из Павлодара, Жданова М. Г., М. Богданова (Чимкент), Блувберга (Башкирия), Мих. Кабакова, Горчакова И. Н., В. Кудрявцева, И. Корчашкина (Павлодар), Б. Белинского.

Мы убеждены, что на этом начавшееся движение не остановится. Чем дольше «вожди» оппозиции будут заниматься анализом и самоанализом, тем меньше у них останется шансов на то, чтобы не остаться интеллигентами-одиночками, какими впрочем многие из них и являются.

Само собою разумеется, что мы должны внимательно отнестись к подаваемым заявлениям. Требуя решительного и полного разрыва с оппозицией, безусловного выполнения решения XV съезда об оппозиции, мы должны помочь колеблющимся, не отталкивать их—особенно, если это рабочие, если в прошлом это ценные товарищи, если у нас есть уверенность, что эти люди искренне хотят вернуться в партию, чтобы исправить свои ошибки и помогать партии.

Вместе с тем—никакого ослабления борьбы с троцкизмом. Наоборот, на основе всей той эволюции, какую проделал Л. Троцкий и те, кто идут за ним, бить по троцкистским настроениям с еще большой силой. В идейной борьбе с враждебными партии течениями четкость и резкость постановки—наиболее верная гарантия против оппортунистического, примиренческого отношения к противнику, это одинаково верно и по отношению к правым и левым шатаниям. С элементами троцкизма, строящими свою организацию—борьба, как со всякой подпольной антисоветской группой. Но по отношению к тем, кто с троцкистами порывает, кто возвращается к партии—партия не поворачивается спиною. У нее есть решение XV съезда, от которого у партии нет необходимости отступать.

ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ РЕНЕГАТСТВА

Статьи, опубликованные в «Правде» о мистере Троцком в марте, вызвали вполне понятное бешенство троцкистов. Но за всем этим бешенством троцкисты в первое время не сумели скрыть господствовавшего среди них идейного разброда, который еще более усилился благодаря выступлению Троцкого в реакционной, фашистской и буржуазной печати. Почти одновременно появились его статьи в органах реакционнейшей буржуазии, как «Дэйли Экспресс» и др., в буржуазных органах, как «Нейе Фрейе Прессе», в обывательских интеллигентских листках, как «Джон оф Лондон Викли», в «левой» троцкистской «Фольксвилле», в органе правых (Паза и К°) «Контр ле Куран» («Против течения») и почти одновременно—интервью Троцкого в реакционнейшей германской «Рейнско-вестфальской газете» и в турецких «Акшам» и «Джумхуриет». Все эти факты свидетельствуют о том, что к услугам Троцкого вся буржуазная печать и вся печать ренегатов от Коминтерна. Наивные младенцы троцкистского подполья верят прожженным политиканам, вождям этого подполья, будто Троцкий использует буржуазную печать. Всякому слепцу видно, кто и кого использует и для чего.

Сами троцкисты вначале в одном документе доказывали: не может этого быть, чтобы Троцкий помещал свои статьи в таком органе, как «Дэйли Экспресс». Они заявляли в листовке 9 марта, что помещенная в «Дэйли Экспресс» статья есть не что иное, как «клеветническая фальшивка Чемберлена, одурачивающая английский пролетариат». Это было бы прямо замечательно по меткости определения статьи Троцкого, если бы это была в самом деле фальшивка. Но в том-то и беда, что, как потом вынуждены были признать троцкисты, статьи в «Дэйли Экспресс»—не фальшивка, что они действительно написаны Троцким. Однако надо ведь как-то свести концы с концами! Если 9 марта троцкисты считали, что статья в «Дэйли Экс-

пресс»—«клеветническая фальшивка, одурачивающая английский пролетариат», то как же они могли потом оправдывать помещение такой статьи Троцкого в печати, когда они узнали, что эта статья действительно была дана Троцким для «Дэйли Экспресс», для фашистской «Коррьере делла Сера», для бульварного «Журналь», для реакционнейших органов Европы и Америки?!

Тогда стали подыскивать принципиальные оправдания этому ренегатству. Во-первых, стали доказывать, что буржуазия поместила эти статьи из-за материальных выгод. Выходит, во-первых, что политически буржуазия не была заинтересована в помещении статей Троцкого, а позарилась на 10—20 тысяч долларов. Выходит, далее, что не буржуазия платила за статьи Троцкому, а Троцкий платил за помещение своих статей буржуазии половину своего гонорара. Так Троцкий и пишет в обращении «к русским рабочим» в органе немецких левых «Фольксвилле», редактор которой недавно перешел к социал-демократам и редакция которой печатает доносы на германскую компартию кровавому псу германского пролетариата—Цергибелю. В этом обращении Троцкий объясняет, как он соблазнил буржуазию напечатать его статьи.

> «Мою статью,—пишет Троцкий,—я передал американскому агентству в Париже... Агентство рассчитывало на хороший заработок, оно предложило мне половину дохода. Я ответил, что я лично не возьму ни гроша за это, но что агентство должно обязаться половину дохода от моих статей передать по моему назначению, и на эти деньги будет издан целый ряд произведений Ленина (его речи, статьи и письма) на русском языке и других, иностранных языках... Равным образом я на эти деньги издам целый ряд важнейших партийных документов (протоколы конференций, партсъездов, письма, статьи и т. д.)».

Зная, как Троцкий фальсифицировал свои собственные статьи, переиздавая их после революции, можно себе представить, что он сделает с Лениным, как он обработает его «под Троцкого»!

Но допустим, что все это так, т. е. что деньги пойдут исключительно на издание той литературы, которой мистер Троцкий думает завоевать себе политических сторонников; но факт ведь остается фактом, что буржуазия выплачивает половину своего дохода за статьи Троцкого — Троцкому, троцкистам, — мы только это и утверждали. Если найдутся такие люди, которые поверят, что для издания протоколов конференции, партсъездов мы нуждаемся в буржуазной печати, то такие, мягко выражаясь, наивные люди могут найтись только в лагере троцкистов.

Другое объяснение заключается в том, что, видите ли, Ленин ездил в пломбированном вагоне после февральско-мартовской революции в революционной России. Оказывается, что Троцкий тоже едет в пломбированном вагоне в 1929 г. по буржуазной Европе. Мы бы не поверили этому,—до того это сравнение чудовищно, кощунственно по отношению к Ленину,—если бы не убедились собственными глазами. В этом же обращении «к русским рабочим» (кстати сказать, никакие русские рабочие «Фольксвилле» не читают, а читают его немецкие взбесившиеся мелкие буржуа, которые клевещут на германскую компартию и доносят на нее классовым врагам) Троцкий пишет:

> «Весной 1917 г. Ленин был заперт в Швейцарии как в клетке,—он воспользовался пломбированным вагоном Гогенцоллернов, чтобы добраться до русских рабочих...». «Запертый термидорианцами в клетке Константинополя, я использовал пломбированный вагон буржуазной прессы, чтобы сказать всему миру правду».

Если бы это было только одно языкоблудие, за которое в свое время Ленин называл Троцкого «господином Балалайкиным», тогда бы еще ничего. Но мы ведь все знаем, что Ленин в 1917 г. прорвался в страну революции для того, чтобы поднять и организовать возмущение и гнев рабочего класса и крестьянства против их извечных классовых врагов: помещиков и буржуазии. Ленин, прорвавшись в пломбированном вагоне в страну революции, с первых же дней бросил в рабочие массы искрометные мысли революционнейшего документа нашей эпохи—«апрельских тезисов». В них был динамит, взорвавший правительство Керенского; в них был огненный пафос революции. А Троцкий? Что он сделал в этом «пломбированном вагоне буржуазной прессы»? К кому он прорывался? К каким массам? Какие мысли он бросал? Кого он организовывал и против кого? Вонючими газами клеветы расползлись по всей буржуазной прессе, в виде острой приправы к ежедневной буржуазной лжи

о Советском Союзе, о коммунистической партии и Коминтерне, статьи Троцкого. Они помогли и помогают мобилизовывать общественное мнение буржуазии против Страны советов. Они формулируют общественное мнение буржуазии, потому что прежде всего к буржуазии они и обращены.

Бывает такая «правда», которая хуже всякой лжи. Вот с такой «правдой» обратился Троцкий через наших классовых врагов к «общественному мнению» всего мира. Мы уже не говорим о доморощенных теоретиках троцкизма, которые пытаются взять к себе в компанию Ленина по части ренегатства, доказывая, что Ленин «тоже» участвовал в буржуазной прессе, и ссылаясь на то, что Ленин когда-то написал (с разрешения партии) статью о марксизме для Энциклопедического словаря Граната. Да Ленин написал такую статью в защиту марксизма в справочно-академическом издании. Энциклопедический словарь Граната ни одним словом не комментировал этой статьи, она была напечатана так, как ее написал Ленин, а каждую статью Троцкого буржуазные газеты используют для самых гнусных антисоветских выпадов.

Мы уже приводили аншлаги, которыми сопровождаются статьи Троцкого в буржуазной печати. «Нейе Фрейе Прессе» в номере от 19 апреля 1929 г. прямо сообщает, что эта статья против большевистского правительства. Может быть даже и не прочитают самой статьи, а аншлаг «Нейе Фрейе Прессе», рекомендацию этой буржуазной газеты прочтет всякий.

Вот как подносятся интервью с Троцким. Цитируем по «Рейнско-вестфальской газете» (Эссен, 21 марта 1929 г., вечернее издание).

ИНТЕРВЬЮ С ТРОЦКИМ

Прием нашего корреспондента в отеле «Токатлиан»

Человек теории, который не может обойтись без буржуазного комфорта

> «...Шесть присутствовавших немецких представителей собрались в полдень 15 марта в приемной отеля... Ровно в 12 часов появился сын Троцкого, молодой человек, с типично русской внешностью, чтобы проводить нас. Его отец готов нас принять. Господину Троцкому уже было известно о нас через поданные нами совместно визитные карточки. Здесь присутствовали представители только буржуазной печати. Господин Троцкий усмехнулся, когда ему сказали, что коммунистов здесь нет... Мы стояли перед господином Троцким в салоне занимаемых им апартаментов, он приветствовал каждого в отдельности пожатием руки как желанных гостей... Троцкий сел за стол и заявил, что он готов к ответам на все вопросы. Он добавил к этому, что при подобных разговорах ему желательна прямота... Создалось впечатление, что слушаешь хорошего салонного собеседника (causeur) и нехватает только хорошей бутылки бургундского и удобных клубных кресел, чтобы оказаться в привычных буржуазных условиях...»
>
> «У этого Троцкого и речи нет о том идеале, каким пролетарий может представлять себе своих героев и который мы иногда встречаем у депутатов...»

Такова характеристика, таково впечатление буржуазных корреспондентов, которые чувствовали себя так хорошо и удобно «в апартаментах господина Троцкого». Что мы можем к этому добавить? Им виднее,—и когда Троцкий им разъясняет, что он считает «попытку Сталина осуществить русский национальный коммунизм неосуществимой в действительности», то всякий поймет, на кого работает в настоящее время Троцкий.

Как Троцкий изображает русскую революцию, видно хотя бы из такого места его интервью, где говорится, что Октябрьская революция является революцией Троцкого. Так и сказано в интервью:

> «Октябрьская революция 1917 года—революция его, Троцкого, была одновременно и первой демократической революцией».

Это даже не мания величия, а что-то совершенно непостижимое!

Троцкий, как с добрыми приятелями, с этими представителями «Рейнско-вестфальской» и других буржуазных газет говорит о возможности политического переворота в России, говорит с ними о том, что «капиталистическая Россия никогда не будет играть в Европе той же роли, какую играла когда-то Россия царская», и т. п. Ну, как же можно отказать в таком интервью представителям буржуазных газет? Ведь Троцкий, по его уверениям, использует буржуазную печать не больше и не меньше как для защиты, для спасения советского государства! А мы и не думали и не знали, что у нас есть такой «спаситель» и «защитник!

Еще смелее держит себя Троцкий с представителями турецкой печати, которые сообщают в газете «Акшам»:

«Господин Лев Троцкий еще очень здоровый несельчак, не имеющий на себе никаких следов болезни, которая его могла бы в скором времени загнать в могилу. Кроме того Троцкий твердо решил упорно вести борьбу против Сталина и его сторонников, находящихся у власти. Если с Троцким до сих пор не случилось какого-либо несчастья,—заявляет он,—то это потому, что «они не посмели»,—«они» здесь означает русские власти».

«Издалека он им отвечает, полный гнева и не менее больших надежд на будущее: «мы свергли Керенского, мы это сделаем снова».

— Не имеют ли ваши сторонники нелегальной партии в СССР?

— Конечно. Мы имеем сторонников и в армии.

Об этом интервью другая турецкая константинопольская газета «Джумхуриет» от 20 марта 1929 г. сообщает, что Троцкий заявил: «По моему мнению, не может быть социализма в стране, которая находится в таком оторванном положении, как Россия, а между тем путь, взятый Сталиным, является путем националистического социализма».

— Вопрос: «Как вы будете работать для достижения этой цели? Имеется ли у вас какая-либо тайная организация в России?»

— Ответ: «Да, в России даже внутри Красной армии у нас имеется тайная организация...»

Так информирует и формирует общественное мнение Европы и Америки мистер Троцкий и так он «защищает» советское государство. Буржуазным читателям «Нейе Фрейе Прессе» Троцкий дает такую информацию о современном состоянии страны, согласно которой это состояние

«характеризуется неоспоримым ослаблением непосредственного участия масс. Река вернулась в русло. Над массами опять возвышается централизованная машина директории».

Какое дело Троцкому и троцкистам до того, что в стране среди миллионов рабочих и крестьян господствует небывалый энтузиазм, проявляемый ими в деле подъема народного хозяйства СССР, в деле социалистического его переустройства?! Какое дело Троцкому и троцкистам до социалистического соревнования?! До роста активности масс во время выборов в советы и т. п.?! Троцкий сообщает буржуазии, что опорой нынешней сов. власти являются не рабочие, а служащие.

«Они склоняются к мнению, что делается все, что необходимо для человеческого счастья, и тот, кто это опровергает, является в их глазах их врагом. Эти элементы питают органическую ненависть к оппозиции...»

А между тем всякий в СССР знает, что подавляющая масса троцкистов—это именно служащие, а не рабочие, что рабочие отходят от троцкизма.

Мы приводим эти выдержки не для полемики с мистером Троцким, а для того чтобы показать, до чего опустился этот вождь троцкистов и до чего беспринципны люди, которые сегодня еще хотят вернуться в коммунистическую партию и не находят в себе силы, чтобы достойным образом ответить на такого рода ренегатские выступления. Одни откровенно защищают его участие в буржуазной реакционной печати, другие (Радек, Смилга) лепечут что-то жалобное, что, с одной стороны, нельзя не признаться, а с другой—нельзя не сознаться, что, конечно, мол, существуют решения партии о недопустимости сотрудничества в буржуазной прессе, но бывают такие обстоятельства, при которых это участие может оправдываться. Эти «герои оговорок» (выражение Ленина) еще сбивают с толку тех, кто ищет путей возвращения в партию и кто еще колеблется в необходимости самым резким образом отмежеваться, отказаться от Троцкого и троцкизма.

Однако никому не удастся задержать этот процесс отхода от троцкизма лучших элементов,—всего, что было среди троцкистов революционного, коммунистического, что сбилось на путь троцкизма под влиянием горе-идеологов троцкизма и своего собственного непонимания партии. Мы опубликовали недавно список нескольких десятков троцкистов, отошедших от троцкизма и подавших заявления об отходе с просьбой о возвращении в партию. Это было во время партийной конференции. Прошло всего полторы недели, и в ЦКК поступило еще несколько десятков заявлений об отходе от троцкизма.

Это не значит конечно что мы с троцкизмом покончили, что мы покончили совершенно с троцкистской идеологией. Хотя и верно то, что говорил на активе московской

организации один из ораторов,—что буржуазия ценит в троцкизме не столько его идеологию, сколько его практику борьбы с советским государством, практику расшатывания пролетарской диктатуры (подпольная партия, подпольная печать, антисоветские выступления и т. д.),—однако и для троцкистской идеологии еще имеется некоторая почва в СССР. Но никогда еще не была так обнажена беспринципность троцкизма, как в наши дни. Выступления мистера Троцкого за границей пытаются подвести принципиальные обоснования ренегатству, но они только усилили развал в среде троцкистов и облегчают борьбу с ним. Только поэтому мы уделяем внимание этим выступлениям мистера Троцкого, но не для того, чтобы спорить с ним по существу,—этого не заслуживают его выступления, настолько низки они и по своему теоретическому уровню и по своей моральной ценности. Никто так не разоблачил троцкизм, как это сделал сам Троцкий. Авантюризм троцкизма теперь становится совершенно ясным тем, кто участвовал в троцкистской организации.

Мы знаем, что каждая наша статья такого рода вызывает взрыв «благородного негодования» наших противников. Однако они должны признать, что к троцкизму в настоящее время больше всего подходит характеристика, которую сам Троцкий когда-то давал эсерам: благодарство—вместо программы, авантюризм—вместо тактики.

КАК «ОТВЕЧАЕТ» ТРОЦКИЙ И КАК РАБОЧИЕ ОТВЕЧАЮТ ТРОЦКОМУ

Опубликование статей Л. Троцкого в буржуазной, реакционной фашистской и бульварной печати Европы и Америки нашло уже достойную оценку на страницах всех коммунистических органов, в рядах рабочего класса всех стран. Но и на многих сторонников Троцкого впечатление эти статьи произвели прямо ошеломляющее. Троцкисты совершенно растерялись в первые дни. И в настоящее время нет никакого сомнения в том, что это выступление Троцкого показало его в новом свете перед многими его сторонниками. Эти сторонники вчера еще колебались,—сегодня они рвут с оппозицией, и многие из них переходят на партийную линию. Впрочем переходят и такие сторонники Троцкого, которые вчера безоговорочно шли за этим «пролетарским революционером», за которого они искренне принимали Троцкого. Бывает так, что больному нужно какое-то резкое потрясение, чтобы разбудить деятельность тех или иных органов: бывает, что нужна резкая хирургическая операция, чтобы прорвать нарыв. Такой операцией для больных троцкизмом была высылка Троцкого. Она поставила до крайности резко вопрос об отношении к тому, что делает Троцкий. Найдут ли троцкисты в себе мужество открыто признать, что они не согласны с Троцким, или они прикроются этой высылкой, как обстоятельством, которое им-де «мешает» реагировать должным образом на антиреволюционные, антикоммунистические шаги Л. Троцкого? Появление статей Троцкого в реакционной печати поставило вопрос еще более ясно. С кем мы имеем дело? Есть ли хоть какое-нибудь оправдание в делах Троцкого его словам, что он является «большевиком-ленинцем», или это название служит прикрытием для идеологии, ничего общего не имеющей с большевизмом, с ленинизмом, как это решили XIV и XV съезды партии?

Но вместе с тем надо признать, что развращающие проповеди троцкизма сделали свое дело по отношению к многим сторонникам Троцкого. Ведь Троцкий под своим знаменем сумел собрать не только и не столько некоторых бывших большевиков, но значительную часть людей, которые, нося партийный билет ВКП(б) в кармане, на самом деле ничего общего с большевизмом не имели. Эти троцкисты-«большевики» легко восприняли развращающие проповеди Троцкого, который, начав «новый курс», в котором он повторил свои старые ошибки, закончил прямым сотрудничеством в реакционной буржуазной печати. Интересно все же остановиться на том, как реагировала на выступления Троцкого и эта часть троцкистов.

Сначала в произведениях и в речах троцкистов мы услышали отрицание самого факта выступления Троцкого в реакционной печати. Это, дескать, «фальшивка», не может быть, чтобы Троцкий стал сотрудничать в буржуазной печати, Ярославский все это выдумывает. А некоторые даже договаривались до того, что вероятно ГПУ устроило напечатание какой-нибудь фальшивки в буржуазной реакционной газете «Дэйли Экспресс» и в других органах буржуазии. Троцкисты нас забрасывали запросами: почему вы не напечатаете целиком статей Троцкого? Мы отвечали и отвечаем на это: советская большевистская печать—вовсе не свободная трибуна для всех контрреволюционных произведений.—Вы боитесь,—наивно уверяли троцкисты.—Напечатайте статьи Троцкого, раз они контрреволюционны, и пусть все увидят, что они именно таковы: а вы приводите лишь небольшие выдержки из его статей.

Но когда же это они видели, чтобы Ленин например полемизируя с меньшевиками, эсерами, кадетами, анархистами или с кем угодно, печатал целиком произведения этих партий, которые он критиковал, которые он резко бичевал? В свое время например и Ленин и Троцкий ответили Карлу Каутскому по поводу его ренегатских статей и книг. Кто же требовал от нас, кроме меньшевиков, чтобы мы напечатали эти статьи и книги Каутского? Меньшевики эсеры и другие обвиняли Ленина в том же самом: дескать, Ленин боится свободной печати, Ленин недобросовестно критикует своих противников.

Стара штука! Ни одного сознательного рабочего сейчас на это поймать нельзя.

Затем, когда скрывать или отрицать факт выступления Троцкого в буржуазной печати было уже невозможно, началась оборона этого выступления,—сначала осторожная, а затем все более и более наглая «принципиальная» защита. Перед нами несколько подпольных произведений троцкистов, в которых делается такая попытка реабилитации ренегатского шага Троцкого. В первом из них говорится о том, что Ярославский «согласен поставить свою подпись под клеветнической фальшивкой Чемберлена, одурачивающей английский пролетариат». Листовка эта подписана: «Большевики-ленинцы. Оппозиция ВКП(б)» и выпущена 29 марта 1929 г., т. е. на другой день после появления в «Правде» статьи «Мистер Троцкий на службе у буржуазии». Следовательно троцкисты вначале сами считали, что статья в «Дэйли Экспресс» является «фальшивкой Чемберлена, одурачивающей английский пролетариат». Здесь еще сказывается некоторый стыд, который не допускал и мысли о том, что Троцкий может сотрудничать в реакционной печати. Эти троцкисты считали тогда, что Чемберлен, видите ли, напечатал «фальшивку для одурачивания английского пролетариата», а Ярославский поверил этому и «согласен поставить свою подпись». Очень хорошо. Следовательно троцкисты считали, что такого рода статьи могут быть напечатаны только с целью одурачивания пролетариата. Мы с ними готовы согласиться в этом. Никакого другого назначения статьи Троцкого, печатаемые буржуазной печатью, не могли и не могут иметь, кроме попытки оказать прямую услугу буржуазии. Точно так же в этой листовке отрицается возможность того, чтобы Троцкий вел какие бы то ни было переговоры с буржуазными журналистами о гонораре, чтобы он согласился принять на какие бы то ни было цели от буржуазии деньги и пр. и т. п. Все это, по мнению листовки, «вымыслы и легенды мировой буржуазной прессы». Но вот прошло несколько дней—и откуда-то эти наивные исполнители махинаций троцкистского центра получили указания. Тон сразу меняется. В следующих произведениях уже не отрицается факт сотрудничества Троц-

кого в буржуазной и реакционной печати. Но троцкисты пытаются вывернуться. Послушайте только, как они выворачиваются.

> «Вопреки утверждениям Ярославского,—читаем мы в листовке троцкистов,—статья эта была передана не буржуазной газете, а американскому телеграфному агентству, обслуживающему все крупные газеты мира...»

Прямо, что называется, убили. Как по-украински: «Не вмер Данила, болячка его задавила». Таков первый аргумент. Аргумент номер второй. «И советское правительство пользуется услугами иностранных телеграфных агентов». Но ведь советское правительство кажется пользуется для защиты советского государства и для нападок на буржуазию, а не для нападок на советское государство и на коммунистическую партию, как это сделал Троцкий в данном случае. Неужели вы не заметили этой «маленькой разницы»? Какие наивные простаки, подумаешь! Аргумент номер третий. Этот аргумент прямо сногсшибательный... Оказывается, и Ленин сотрудничал в буржуазной печати. Не верите? «По той же причине,—пишут троцкисты,—сотрудничал Ленин при выпуске энциклопедии в буржуазном издательстве Гранат». Сравнивать Энциклопедический словарь Граната с боевым органом реакционной буржуазии, как «Дэйли Экспресс», или фашистский орган—«Коррьере делла Сера», или с фашистским бульварным «Журналь» могут только круглые идиоты или бесчестные мошенники, потому что Ленин писал для Энциклопедического словаря статью о марксизме, научную объективную марксистскую статью, которая была направлена к тому, чтобы дать в словаре правильную информацию о том, что такое марксизм. А Троцкий в боевых органах реакционной буржуазии напечатал клевету на коммунистическую партию, на Коминтерн, на Советский Союз, на ГПУ и т. п. на потребу буржуазии в боевых органах буржуазии.

Почему напечатала буржуазия статьи Троцкого? Потому, что ей было выгодно политически напечатать эти статьи, или потому, что она соблазнилась какой-нибудь материальной выгодой? Троцкисты пытаются уверить, что это дело

свелось для буржуазии к тому, чтобы нажить лишних 10—20 тысяч долларов. Так троцкисты и объясняют:

> «Жажда коммерческой наживы оказалась сильнее классовой ненависти к вождю большевизма...» «История знает не один такой случай».

Допустим, что буржуазные газеты нажили на этом 30—40 тысяч долларов, но ведь всякий мало-мальски грамотный человек знает, что доходы этих газет исчисляются десятками миллионов, что для них никакого значения не имеют лишние 30—40 тысяч долларов, что если они печатали эти статьи, то они печатали потому, что они были им политически нужны. Ссылка на историю—по меньшей мере странная. Да, история знает конечно не один такой случай... ренегатства, предательства, но таких циничных объяснений, подобного ренегатства пожалуй история еще не знает. Оказывается, «чистое золото»—вот стимул, заставляющий буржуазную газету давать «свободу высказывания ненавистному пролетарскому революционеру». Уж будто бы только чистое золото! Уж будто материальное положение буржуазной печати настолько печально, что буржуазия соблазнилась 30—40 тысячами долларов прибыли от статей Троцкого! Да где же есть такие дураки на свете, которые этому поверят!! Всякий понимает, что политический интерес для буржуазии—тоже «чистое золото».

Выражаясь словами троцкистского произведения—«не понимать этого могут лишь величайшие идиоты, а лицемерно восклицать по этому поводу—такие же негодяи» (я не беру на себя ответственности за выражения троцкистской листовки).

Наконец стоит еще остановиться на «открытом письме» некоего Кузнецова. Этот, как и одна из листовок троцкистов, взялся доказать не больше не меньше как то, что Маркс и Энгельс были сторонниками участия в буржуазной печати. Рекомендуем эти изыскания троцкистов вниманию Института Маркса и Энгельса. Надо иметь в виду, что троцкисты пытаются изобразить Маркса и Энгельса сотрудниками буржуазной печати, защитниками такого сотрудничества. Если одни троцкисты уверяют, что Ленин участвовал в буржуазной печати,

и приводят в доказательство Энциклопедический словарь Гранат, статью Ленина о марксизме, то гражданин Кузнецов считает, что таким участием в буржуазной печати Ленина является участие в газете «Новая жизнь. «Новая жизнь» в настоящее время перепечатана в издании «Прибоя». Всякий грамотный человек может в предисловии к изданию в статье «Как возникла «Новая жизнь» прочесть о том, как составлялась первая редакция «Новой жизни». И всякий поймет, что большевики допустили тогда, в условиях подполья, чтобы несколько небольшевиков (Минский, Чириков, Бунин) прикрывали своими именами, имея разрешение на издание газеты, большевистский орган. Ну конечно, если мистер Троцкий надеется превратить в ближайшую неделю или дни «Дэйли Экспресс» и «Коррьере делла Сера в орган своей партии,— тогда дело другое. Но подумайте, как должен быть политически развращен человек, чтобы договориться до таких сравнений—Троцкого и Ленина! Надо потерять всякое уважение к Ленину и к большевистской партии, чтобы допускать такие сравнения.

Стоит ли останавливаться на других произведениях отдельных троцкистов, в большинстве похожих одно на другое, как две капли воды, как будто бы они писаны под диктовку одного и того же человека разной рукой. Среди аргументов, которые встречаются в этих произведениях, интересен только один. Это указание на то, что Ленин в свое время проехал через Германию в пломбированном вагоне, и что, дескать, у Троцкого положение сейчас примерно такое же. Однако интереснее другое. Факт участия Троцкого в реакционной печати расценивается, как это ни странно, некоторыми сторонниками Троцкого как доказательство того, «что в буржуазных странах существует свобода печати, которой нет в советском государстве». Вот этот «наивный» вывод имеет несомненно гораздо большее значение, чем все лицемерные оправдания троцкистов. Под влиянием проповеди троцкистов кое-кто из их сторонников пришел к «логическому выводу»: если этакий страшный «пролетарский р-революционер», как Троцкий, имеет возможность печататься в реакционных органах, стало быть эти реакционеры допускают свободу печати. Так пытались доморощенные троцкистские вожди и рядовые троцкисты дать

ответ на выступление Троцкого в реакционной печати. Потом договорились и до того, что Ленин тоже брал деньги у буржуазии на революционное дело. Если свести все аргументы троцкистов в одно, то получится, что ничего зазорного, неправильного нет в том, что Троцкий печатает свои статьи в реакционной печати; не буржуазия использовала Троцкого, а Троцкий—буржуазию; Ленин «тоже» принимал участие в буржуазной печати, Ленин «тоже» брал деньги у буржуазии, Ленин ездил в пломбированном вагоне. Троцкий «тоже» пользуется буржуазной печатью (по методу аналогии: «в огороде бузина, а в Киеве дядько»). Троцкий использует полученные деньги на издание троцкистской литературы.

Мы еще вернемся потом к этим аргументам. Но мы хотели бы отметить, что нет ни малейшей попытки у этих людей, считающих себя большевиками-ленинцами, претендующих на то, чтобы вернуться в партию и в Коминтерн (о, конечно «через реформу»)—ответить: как же относятся они к решениям партии на этот счет, запрещающим такое сотрудничество? Этих решений не существует для троцкистов, они не обязательны для них. Мы хотели бы этим людям напомнить то, что совсем недавно, еще на IV конгрессе Коминтерна (правда, это было при жизни Ленина, когда Троцкий еще не стал ренегатом) Троцкий громил оппортунистов Фабра и Бризона из французской коммунистической партии за их сотрудничество в буржуазно-демократических органах масонов, выступая в защиту резолюции Исполкома Коминтерна о контроле над печатью:

> «Надо раз навсегда покончить с представлением о печати, как о поприще для упражнения талантов журналистов. Очень хорошо, когда тот или иной журналист обладает талантом, но печать есть не что иное, как орудие борьбы»... «Возьмите эти резолюции,—какая из них угрожала партии? Может быть, и резолюция о контроле над печатью, принятая по поводу Фабра и Бризона, которые прикрывались авторитетом членов партии для того, чтобы обделывать чисто материальные дела, компрометирующие партию. Разве не пора было прекратить эту манеру сотрудничать в буржуазных газетах, отравляющих народные массы?..»[1]

Не писал ли Троцкий в 1920 г. в своей книге «Терроризм и коммунизм»:

[1] IV Всемирный конгресс Коминтерна, стр. 334—349.

«Печать есть орудие не отвлеченного общества, а двух непримиримых, вооруженных и враждующих лагерей. Мы разрушаем печать контрреволюции так же, как мы разрушаем и укрепленные позиции и склады ее коммуникации, ее разведок. Мы лишаем себя кадетско-меньшевистского обличения коррупции рабочего класса, зато мы победоносно разрушаем основы капиталистической коррупции».

Как выглядит эта «капиталистическая коррупция» теперь, когда Троцкий является сотрудником этой печати сам поддался этой коррупции? Как выглядит эта контрреволюционная печать, когда на ее страницах красуются статьи Троцкого, который передает свои статьи в эти органы печати буржуазии? Что общего имеет сотрудничество Троцкого в «Дэйли Экспресс», «Коррьере делла Сера», «Чикаго Трибюн» и пр. с разрушением печати контрреволюции? Мы еще надеемся на то, что не все троцкисты потеряли воспоминание о своем родстве с большевистской партией и с Коминтерном,—не так, как те, кто вместе с Троцким без зазрения совести оправдывает такое сотрудничество.

Троцкий долго не отвечал по поводу тех вопросов, какие поставила ему рабочая общественность. Сын Троцкого, как мы на это указывали, в беседе с сотрудником буржуазной печати говорил, что Л. Троцкий не думает извлекать личные выгоды из гонорара за статьи, что он использует этот гонорар на издание троцкистской литературы. 10 апреля 1929 г. в «Фольксвилле» Троцкий наконец ответил. Оказывается дело обстоит так:

«Я обратился к буржуазной прессе для того, чтобы защитить интересы Советской республики...»

Странная защита, необычайно странная! В трех статьях вчерашний народный комиссар, высланный из пределов Советского государства за антисоветскую деятельность, выступает на страницах реакционных органов печати, в которых клеймит нынешнее руководство ЦК коммунистической партии, в которых изображает в самых мрачных красках существующий в СССР режим, издевается над ГПУ, изображает строй СССР как термидорианский, доказывает, что нынешнее руководство партии означает «неустойчивое и переходное положение страны» и т. п. И все это называется на языке Троцкого «защитой интересов советской республики». Нельзя ли подальше с такой защитой!— кажет всякий рабочий, всякий трудящийся крестьянин.

Как же объяснил Троцкий это свое обращение, именно к буржуазной печати? Повидимому, к этому времени Троцкий узнал уже, как его сторонники объясняют это его участие. Он не захотел ставить своих сторонников в трудное положение. Он взял почти целиком их аргументы. Слушайте:

«Весной 1917 г. Ленин, заключенный в Швейцарии, как в клетку, воспользовался пломбированным вагоном Гогенцоллернов, чтобы добраться до русских рабочих.. «Запертый термидорианцами в клетку Константинополя, я использовал пломбированный вагон буржуазной прессы, чтобы сказать всему миру правду».

Итак Ленин ехал в пломбированном вагоне Гогенцоллернов в Россию весной 1917 г., Троцкий ездит в пломбированном вагоне буржуазной прессы. Ведь до какой низости падения надо дойти, чтобы додуматься до такого сравнения! Ленин в 1917 г. прорвался из плена к русским рабочим, матросам, солдатам и крестьянам. Он вернулся в страну революции, для того чтобы руководить величайшей в мире, революционнейшей в мире большевистской партией, созданной им. Он приехал для революционной работы. Он сделал это с ведома и согласия партии для того, чтобы подготовить и победоносно провести величайшую в мире революцию. Только прикоснувшись к мостовой революционного Петрограда, он обратился через «Правду» к партии, к рабочим, солдатам, матросам и крестьянам со своими «апрельскими тезисами». В этих тезисах был динамит, взорвавший Временное правительство Керенского, сплотивший на революционнейших лозунгах большевистскую партию. Произведения Ленина насыщены глубочайшим революционным пафосом, они организуют общественное мнение пролетариата для борьбы против буржуазии.

А Троцкий? Из страны пролетарской диктатуры, из единственного в мире социалистического отечества Троцкий был изгнан за то, что он боролся против этого пролетарского государства, за то, что он наносил ему подлые, предательские удары, за то, что он стал строить другую партию против ВКП(б). И, очутившись в буржуазных странах, Троцкий обратился за помощью к классовым

врагам пролетариата, воспользовался их услугами и со страниц буржуазной печати выпустил свои гнуснейшие, полные инсинуации статьи против ВКП(б), против Страны советов. Эти статьи насыщены ренегатством. Они организуют общественное мнение буржуазии против компартии и против советов. Имеют ли они хоть что-нибудь общее со статьями Ленина? На что они направлены? Против кого они направлены? Против единственного в мире Советского государства. Против революционнейшей коммунистической партии, какая есть в мире. Если «тезисы» Ленина были наполнены динамитом, взорвавшим Временное правительство, то статьи Троцкого начинены ядовитыми, вонючими газами, отравляющими атмосферу ложью и клеветой. Троцкий любит себя сравнивать с Лениным. Но что общего между Лениным и сегодняшним Троцким?— Ничего!

Теперь о деньгах. Послушаем Троцкого.

> «Мои статьи,—пишет Троцкий,—я передал американскому агентству печати в Париже... Агентство рассчитывало на хороший заработок, оно предложило мне половину дохода. Я ответил, что я лично не возьму ни гроша за это, но что агентство должно обязаться половину дохода от моих статей передать по моему назначению, и на эти деньги будет издан целый ряд произведений Ленина (его речи, статьи и письма) на русском языке и других иностранных языках»... «Равным образом я на эти деньги издам целый ряд важнейших партийных документов (протоколы конференций, партсъездов, письма, статьи и т. д.)».

Итак оказывается Троцкий обогатил буржуазное агентство печати—не больше, не меньше. И так как это было очень выгодно и соблазнительно в денежном отношении для агентства, то оно предложило ему половину дохода. Мы никогда не утверждали, что Троцкий на эти деньги шьет себе брюки или пьет шампанское. А когда сын Троцкого объяснил, что на эти деньги будет издаваться троцкистская литература, мы указывали на то, что русские и иностранные рабочие коммунисты по достоинству оценят этот источник и не станут пить из него. У нас в СССР существует Институт Ленина. Если Троцкий утверждает, что «институт Троцкого» будет иметь больше доверия, чем фабрики фальшивок г-на Дружеловского или Орлова в глазах западно-европейских и русских рабочих, то он очень ошибается. Буржуазия

будет покупать произведения «института Троцкого»,—в этом можно не сомневаться. Но кто поверит, что «протоколы конференций, партсъездов, письма, статьи» и т. д. компартии нужно печатать за границей? Если это верно, тогда Троцкий ведь говорит этим самым всему миру, всем западно-европейским рабочим: «в советском государстве нельзя печатать даже протоколов партсъездов и конференций. Я, Троцкий, принужден брать деньги у буржуазии и печатать все это, пользуясь буржуазной свободой печати». Это тоже может быть называется на языке троцкистов—«защитой Советского государства»? А мы уверены, что сознательные революционеры-рабочие, рабочие-коммунисты с негодованием отвергнут эту новую троцкистскую клевету.

Свой ответ Троцкий помещает в газете масловцев, в «Фольксвилле». Почему же он не помещает этот ответ в «Дэйли Экспресс», если верно, что «Дэйли Экспресс» есть не что иное, как «пломбированный вагон», для того чтобы из этого вагона говорить рабочим? Тогда почему же Троцкий ответ свой помещает в органе бывших коммунистов? Да потому, что Троцкий обзавелся уже двойной бухгалтерией. В «Дэйли Экспресс»—все, что выгодно и интересно для буржуазии; в «коммунистической» и даже лево-коммунистической «Фольксвилле» Троцкий помещает свои статьи для обмана рабочих [1]. Ведь рабочие не читают «Дэйли Экспресс»,—читает его буржуазия. Правда, «русские» рабочие не читают и «Фольксвилле», да его мало или совсем не читают и германские рабочие, так как это орган взбесившейся «мелкой буржуазии», как называл таких господ Ленин. Нам однако давно знакома эта нестерпимая двойная бухгалтерия Троцкого по его прошлому, в особенности по периоду августовского блока. Когда Ленин организовал популярный орган «Правду», получивши на это средства частью от германской с.-д. партии (в выдаче этих денег участвовала Клара Цеткин), Троцкий обвинял Ленина в том, что он пользуется «темными деньгами». «На темные деньги, перехваченные у Каутского и Цеткиной, Ленин поставил орган, захватил для него фирму популярной газеты и поставил

[1] Впрочем «наш пострел везде поспел». Троцкий умеет праздновать и на Фому и на Ерему. Свои статьи он теперь одновременно помещает в буржуазной «Нейе Фрейе Прессе», обывательском «John of London», «левом» масловском «Фольксвилле» и правом «Контр ле Курап», издаваемом группой Паза и К°.

«единство» и неофициальность ее знаменем, привлекая читателей из рабочих»,—писал Троцкий Н. Чхеидзе. Об этих «темных деньгах», которыми будто бы пользовался Ленин, Троцкий говорил и писал не однажды. Он всюду ездил, всюду выступал, чтобы добиться того, чтобы большевикам не давали денег на издание литературы. Ленин называл тогда Троцкого «Балалайкиным» и указывал на эту двойную бухгалтерию Троцкого[1].

> «Люди, подобные Троцкому,—писал Ленин,—с его надутыми фразами о Р. С.-Д. Р. П. и с его раболепием перед ликвидаторами, ничего не имеют общего с Р. С.-Д. Р. партией, являются ныне болезнью времени... Красивыми фразами прикрываются действительные ликвидаторы, и делаются всяческие попытки помешать работе антиликвидаторов (т. е. большевиков)... Троцкий и подобные ему троцкисты и соглашатели вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочий легко разоблачает их ошибочность, а господа Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группу Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства».

Трудно прибавить в настоящее время что-нибудь к этим строкам Ленина. С тех пор, как написаны эти строки, Троцкий проделал такую эволюцию, которую он не проделывал даже за прошлые годы. Правда, он и раньше сотрудничал в буржуазной печати, но до такой низости, до какой он дошел в 1929 г., он еще не доходил. Жалка попытка Троцкого—доказать теперь, что буржуазия была материально заинтересована в том, чтобы поместить его статьи и потому их напечатала. Буржуазия использовала Троцкого, как использовала в этот период пролетарской диктатуры больших и маленьких Бадьянов, Бажановых и т. п.; но то ведь были козявки. У нового ренегата более громкое имя, можно щедрее заплатить. А по Троцкому выходит, что он заплатил буржуазии, поделился с этими миллионерами и миллиардерами половиной дохода со статей и «использовал» таким образом буржуазию. Странное «использование»!!!

[1] Собр. соч., т. XI, ч. 2 стр. 446—448.

●

Мы спрашивали, когда появились статьи Троцкого,—что же ответят на это троцкисты? Мы ждали, что те самые люди, которые находили горячие слова для протеста против высылки Троцкого, найдут не менее горячие слова для протеста против выступления Троцкого в реакционной печати. Мы почти напрасно ждали. Мы должны признаться, что мы были лучшего мнения о троцкистах. После долгих колебаний, шатаний некоторые троцкисты (Радек, Смилга) выступали с заявлением, в котором странно «отмежевываются» от Троцкого по поводу того, что в «мировой буржуазной печати появился ряд статей т. Троцкого, посвященных его высылке и положению в СССР и в партии».

Начинается это заявление с ругани по моему адресу—без этого не может обойтись почти ни один фракционный документ. Ярославский «развертывает неслыханную травлю», «он пытается изобразить Троцкого человеком, продающим свою политическую совесть мировой буржуазии». Авторы заявления считают, что «это клевета не только на т. Троцкого, но и на ВКП(б). Что стоила бы партия, которая в продолжение стольких лет ставила на свои передовые посты способного продавать свои убеждения классовому врагу». Никаких доказательств, что мы неверно изложили обстоятельства дела, Смилга и Радек не приводят, они замазывают контрреволюционный смысл выступлений Троцкого, в этом главная роль их выступления. Они потеряли настоящее мужество революционера, которое должно было подсказать им иные слова по отношению к безобразнейшему выступлению Троцкого. Но они стали косноязычны, как только потребовалось отбросить дипломатические ходы и политиканство: как же они это сделают, ведь они тогда перестанут играть хотя бы и маленькую роль в лагере троцкистов. Напрасно боятся они за репутацию партии—партия не виновата, если из ее рядов выходят ренегаты. Вот те, кто прикрывает ренегатов, делают очень плохую услугу партии.

Однако даже эти вожди троцкистов заявляют: «мы не имеем никакого права скрывать перед товарищами, что считаем политической ошибкой помещение т. Троцким статей, посвященных внутрипартийному положению, в буржуазной печати. Радек и Смилга ссылаются на то, что большевики

вместе со всем левым крылом во II Интернационале «решительно отвергли сотрудничество в буржуазной печати». Радек и Смилга понимают, что:

> «возникновение советской России изменило положение в том смысле, что представители соввласти многократно были принуждены пользоваться буржуазной печатью для разъяснения политики советского правительства. Это делалось всякий раз на основе решений парторганов и под их контролем».

Радек и Смилга даже допускают для оппозиционеров право на обращение к буржуазной печати для «изложения позитивного положения нашей революционной точки зрения» и «для спасения товарищей».

> «Но мы отрицаем,—заявляют Радек и Смилга,—возможность печатания в буржуазной печати статей против большинства партии, в которую хотим вернуться».

Авторы заявления выражают уверенность в том, что «Троцкий поймет ошибочность своего поступка и прекратить всякую связь с буржуазной печатью». Они заявляют, что «содержание статей т. Троцкого... не может считаться изложением взглядов оппозиции».

Все эти оговорочки, которыми обставлено заявление троцкистов, недовольных выступлением Троцкого, компрометированных этим выступлением, характерны для оппортунистов. Настоящие «герои оговорок», как называл таких людей Ленин!

Мы должны решительно заявить, что в данном случае дело идет не о некоторых «ошибках», совершаемых людьми, которые хотят вернуться в коммунистическую партию и не хотят, не умеют признать, что наделали глупостей, ошибок и преступлений по отношению к партии. Более чем странно то, что они не хотят признать, что самый факт такого обращения к сотрудничеству с буржуазией свидетельствует о полном идейном банкротстве, о полном идейном перерождении. Это им очень трудно сделать. Но так поступают рабочие. Мы имеем в настоящее время целый ряд заявлений рабочих о разрыве с троцкистами. Выступление Троцкого в реакционной печати их подтолкнуло к этому. В Харькове например рабочие Ильинский и Знахаренко, примкнувшие с конца 1927 г. к троцкистской оппозиции, ведшие нелегальную работу в организации

троцкистов, в процессе работы, в процессе нелегальной деятельности

> «убедились в том, что эта деятельность так же, как и деятельность всей троцкистской организации, по существу является антисоветской и что троцкистская организация превратилась в нелегальную партию со своими организационными центрами и дисциплиной, которая ведет борьбу с советской властью... Мы тщательно продумали наш путь с контрреволюционной троцкистской группой и порываем всякую идейную и организационную связь с нею, призывая тех рабочих, которые принимали вместе с нами участие в подпольной работе, последовать нашему примеру» [1].

В том же номере О. Симанович заявляет о том, что порывает

> «все связи идеологические и организационные с группой троцкистской оппозиции, по существу своему глубоко контрреволюционной, и призывает всех тех, кому дороги интересы мирового пролетариата и завоевания Октября, отряхнуть со своих ног эту грязь, которая налипла в виде всяких групп и группировок».

Из Тифлиса бывший член партии с 1911 г. М. Жаков порывает с троцкистской оппозицией. Грамитон Сванидзе, бывший партиец с 1917 г., заявляет, что:

> «оппозиция против руководства ВКП(б) превратилась в борьбу против ВКП(б) и советской власти и приняла объективно контрреволюционный характер» [2].

Рабочий Абрамов с Ленинской фабрики (Богородск), исключенный за участие в троцкистской организации, порвал с оппозицией, откровенно признав

> «подпольно-фракционную работу вредной ошибкой, а все последующие события, в частности постепенное скатывание самого Л. Троцкого в социал-демократическую предательскую яму, подтверждают еще раз, что выбранный мною путь оказался неправильным» [3].

Бывший рабочий из Лакокраски (Ярославль) сказал:

> «С последней работой Троцкого за границей, которая дает козырь в руки всем соглашательским партиям и даже буржуазии, я как рабочий с этим примириться не мог, и я отхожу от оппозиции навсегда» [4].

---

[1] «Харьковский пролетарий», 17 марта 1929 г.
[2] «Заря Востока», 30 марта 1929 г.
[3] «Голос рабочего», 4 апреля 1929 г.
[4] «Северный рабочий», 4 апреля 1929 г.

не хотят быть использованными так, как дает себя использовать Троцкий. И мы убеждены в том, что это движение последних недель будет нарастать неудержимо. Троцкистская организация потеряет всех тех, кто ушел от партии, сбитый с толку демагогическими речами; кто не понял в свое время, насколько правилен путь партии и насколько партия имеет силы преодолеть всякие колебания и шатания в своих рядах, всякие отклонения от ленинской линии; кто не понял пути социалистического строительства, намеченного съездами партий.

Эти отходы, эти протесты не случайны, как не случайны и выступления Троцкого. Выступления Троцкого вовсе не «конъюнктурный» выпад. Логика вещей толкала его на этот шаг, логика вещей толкала его на такое обострение отношений с партией, что он очутился вне партии. Логика борьбы толкала его на то, что он должен был бороться с советской властью и очутился в Алма-Ата. Логика борьбы привела его теперь к тому, что он продает интервью буржуазным реакционным органам. Логика борьбы привела его к сотрудничеству с «Дэйли Экспресс», с «Коррьере делла Сера». И эта же логика борьбы поведет его дальше по этому пути. То обстоятельство, что он очутился за границей, ускорило этот процесс самовыявления, самоопределения. Недавно сторонниками Троцкого в Голландии было устроено собрание. На этом собрании присутствовали представители буржуазной печати. Они рассказывают о том, как докладчик вызвал «возгласы возмущения у молодых людей, которые были на этом собрании». Они передают содержание этого доклада: точь-в-точь корреспонденция «Социалистического вестника» от собственного корреспондента из Риги. В заключение орган буржуазии спрашивает читателей:

> «Может быть вы думаете, что это происходило на собрании фашистов? О, нет, это было собрание сторонников Л. Троцкого».

Что же делать, если грани стираются, если трудно становится различить, говорит ли это о советском государстве фашист или говорит... Троцкий. Логика борьбы к этому ведет. После этого казалось и Троцкому должно быть ясно, что его упражнения не встречают единодушного одобрения даже у его сторонников-троцкистов.

Хотя Троцкий уверяет простаков, что статьи его в буржуазной печати печатаются в таком виде, как этого хочет он, Троцкий, однако «Нейе Фрейе Прессе» печатает статью Троцкого с аншлагом:

> «Против большевистского правительства»...

Может быть это тоже—с согласия Троцкого? Буржуазия знает, что делает: ее аншлаг истолковывает, рекомендует статью так, как это нужно ей, буржуазии. Она знает, под каким соусом подать статью Троцкого. Она не обманывает, что статьи эти объективно «против большевистского правительства».

Троцкий выступил со статьей в «Нейе Фрейе Прессе». Эта статья называется «Куда ведет советская революция. Великий вопрос для России и мира». И вот в этой статье мы встречаем этакие рассуждения. Оказывается, нынешний период существования советского государства «характеризуется неоспоримо ослаблением непосредственного участия масс. Река вернулась в свое русло. Над массами опять возвышается централизованная машина директории! Советское государство и армия становятся бюрократическими». Вероятно, Л. Троцкий кого-то уговаривает, что это тоже есть «защита советской республики». Невиданный энтузиазм масс развертывается на наших глазах в деле социалистической перестройки нашей страны. В социалистическом соревновании участвуют и рабочие и крестьяне. Никогда не было таких оживленных выборов в советы. Никогда не было такого активного участия масс в деятельности советов. Все новые и новые формы самодеятельности масс развертываются в советском государстве, а Троцкий уверяет, что «сейчас имеем неоспоримое ослабление непосредственного участия масс».

Огромные сдвиги происходят в стране. Вырастает удельный вес рабочего класса в социалистической перестройке. Для всех ясно, что мы вступили в полосу реконструктивного периода, подводящего новую экономику и технику под все советское хозяйство, а для Троцкого (и кое в чем ему вторят правые) «река вернулась в свое русло». Если верно, что «советское государство и армия становятся бюрократи-

ческими», какой дурак станет защищать такое государство?! А Троцкий уверяет, что выступает в буржуазной печати «для защиты советской республики».

Что он говорит о нашей партии? Оказывается,

> «с 1923 г. партия стала расплываться в бесформенную массу, которая была призвана играть роль мягкого теста в руках аппаратчиков».

Зелен виноград—вот в чем дело. Троцкий и его друзья не раз разбивали себе головы именно потому, что партия—не бесформенная масса, что она умеет понять и раскусить всякие хитроумные лозунги и платформы троцкистов и иных меньшевиков. С каким удовольствием троцкисты использовали бы эту партию, если бы она действительно была мягким тестом. Но в том-то и дело, что об эту стальную стену расшибали головы троцкисты. Что остается им теперь, как не дискредитировать эту партию в глазах рабочего класса СССР и других стран, рассказывать всякие сказки на страницах буржуазной прессы о том, что партия расплылась в бесформенную массу и пр., и т. п.? В этой же статье, как это ни странно, Троцкий пытается уверить «общественное мнение Западной Европы» (буржуазное общественное мнение), что

> «служащие, которые возвысились над массами, в своем большинстве безусловно консервативны. Они склоняются к мнению, что делается все, что необходимо для человеческого счастья, и тот, кто это оспаривает, является в их глазах врагом. Эти элементы питают органическую ненависть к оппозиции»...

Странная информация! Кто же не знает, что подавляющее большинство троцкистов, это—служащие, а не рабочие. Кто не знает, что среди троцкистов очень большой слой самой настоящей бюрократии. Да и сами вожди-троцкисты, кто они? Бывшие наркомы, полпреды, бывшие директора трестов и синдикатов, журналисты, студенты, советские служащие. Почему же, если, в самом деле, «служащие питают органическую ненависть к оппозиции»,—почему они пошли за троцкистами? Да потому, что троцкисты и выражали недовольство служилого слоя, который тяготился слишком для него нестерпимой дисциплиной.

Когда мы писали первые две статьи о выступлениях Троцкого в реакционной печати, мы думали, что этим дело все-таки и ограничится, что Троцкий создаст себе какой-нибудь журнальчик (наверное создаст!) и будет поливать помоями советское государство, коммунистическую партию и Коминтерн из своей «собственной» газеты. Мы не думали, что сотрудничество Троцкого в буржуазной печати станет перманентным. А так как Троцкий теперь придумал и теорию, «оправдывающую» это участие, то, повидимому, это только «первые шаги». Ну, что же! Пусть Троцкий и троцкисты воображают, что они «едут в пломбированном вагоне», что «Дэйли Экспресс», «Коррьере делла Сера» и «Нейе Фрейе Прессе»—это пломбированный вагон. Пусть едут, где-то они остановятся! Во всяком случае поезд, который называется «Дэйли Экспресс», относит их все дальше и дальше от пролетариата, все дальше и дальше от Советского Союза.

●

P. S. Статья эта запоздала к № 8 «Большевика», для которого она была предназначена. После ее написания мы имели: отход 38 троцкистов (заявление в № 98 «Правды» от 28 апреля 1929 г.); заявление еще нескольких десятков троцкистов об отходе. А главное—ответ, который дал Троцкому в день 1 Мая организованный пролетариат. Да, в известном смысле, портрет Троцкого царил на первомайской демонстрации. В карикатурные плакаты и маски, которые смастерили к 1 Мая рабочие организации, они вложили всю свою классовую ненависть к ренегату, всю свою боль за то, что их прежнее доверие к Троцкому сам Троцкий так оплевал.

Когда Ленин вернулся в 1917 г. в Россию, его встретила ненавистью буржуазия, восторженной любовью—пролетариат.

Троцкого приютила на страницах своей печати буржуазия.

А о восторгах пролетариата что-то не слышно ниоткуда.

●

СУМЕРКИ ТРОЦКИЗМА

«Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало, и любой группке «просторно» было изображать из себя течение (группу, фракцию, — одним словом, «державу»), тоскующую об объединении с другими».

ЛЕНИН, т. XII, ч. II, стр. 445—463 («О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве»).

Приведенные в эпиграфе слова Ленина о Троцком, написанные им тогда, когда Троцкий сколачивал беспринципнейший блок из ликвидаторов, бундовцев, шумно суетился вокруг этого блока, «поражая» нас, большевиков, революционной фразой, невольно вспоминаются, когда наблюдаешь мышиную возню, какую подымает Троцкий в 1929 г. вокруг людей, подобных Б. Суварину. Все знают, что Б. Суварин— правый из правых. Хотя журнальчик его и называется «Пролетарская революция», но Борис Суварин настолько же близок к пролетарской революции, насколько близок к ней... архиепископ Кентерберийский. В «Fagne des Kommunismus» Троцкий посвящает Б. Суварину специальную статью, в которой для внешности «борется» со взглядами брандлерианцев. Но это ему нужно главным образом для того, чтобы защитить свои собственные, меньшевистские, контрреволюционные лозунги, сегодня отталкивающие от троцкистов все, что было среди них большевистского.

А заканчивает Троцкий призывом к Суварину совместно работать:

> «Я был бы очень рад, если бы вы могли присоединиться к вышеприведенным соображениям, это дало бы нам возможность совместно работать: мне совершенно ясно, как полезно было бы такое сотрудничество для нашего дела».

В этих заключительных строках статьи Троцкого (от 28 июня 1929 г.) весь Троцкий: надутые лицемерные фразы против правых—и предложение блока с правыми, поиски сотрудничества с ними. Когда один из друзей Троцкого из Парижа (Жозеф) объяснил ему, что если бы правым в СССР понадобился секретарь, то лучшего, чем Суварин, вряд ли

можно найти,—Троцкий объяснил этому своему сотруднику, что нельзя отталкивать ни одного человека, который может пригодиться.

Тайна этой двойной бухгалтерии в том, что Троцкий всегда был и остается комбинатором: хотя он и говорит о «массах», но с массами он был связан только тогда, когда его связывала с этими массами большевистская партия. Вне этой партии он—вне масс. На нашей памяти его бессилие убедить даже ячейку завода «Авиаприбор»,—что же говорить о массах! Вот почему Троцкий цепляется сейчас и за Суварина и за других ликвидаторов.

Конечно, Троцкий делает вид, что развал его троцкистской партии его мало огорчает и смущает. Но это ему не удается. Он пишет одну статью за другой: «О некоторых изменах» («Контр ле Куран», 10 июня 1929 г.). Он призывает: «Терпение, терпение, терпение!» («Фольксвилле», 21 июня 1929 г.). Но за этими статьями, в которых Троцкий пытается призвать других к терпению, сказывается величайшая растерянность, слышен почти истерический вопль отчаяния. Он подхватывает сообщения буржуазных газет, хотя знает, сколько лжи эти газеты в свое время писали о нем самом. Он брызжет бешеной слюной на тт. Пятакова, Радека, Смилгу, Преображенского и других своих вчерашних друзей.

Но какая же перспектива рисуется Троцкому? По правде говоря—никакой. Но для вида все тот же припев: тактика дальнего прицела. «Терпение, терпение, терпение». Сам он продолжает давать интервью, в которых высказываются такие, например, замечательные пророчества, что он «не верит, что Советская Россия может существовать в окружении капиталистической Европы». И тут же высказывает мнение, что приход мировой революции «может затянуться на сотню и более лет». Совсем как меньшевики, которые откладывают создание социалистического государства тоже на «сотню и более лет!» А что же делать пока? «Терпение, терпение, терпение!» А пока можно издать автобиографию, которая печатается одновременно в сотне буржуазных газет с сногсшибательной рекламой, в которой читатель призывается ознакомиться с тем, как Троцкий изображает «одичавшую» Россию. «Терпение, терпение, терпение!»—это лозунг настоящего периода». Поистине замечательный «лозунг!» Да, конечно, раз дело с мировой рево-

люцией откладывается на такой долгий срок,—надо вооружиться терпением. А тем временем удастся сколотить блок из всех ренегатов от Коминтерна, из всех и всяких уклонистов, из всех, кому тесно в рамках Коминтерна. Троцкий приветствует попытку создать объединение всяческих оппозиционных групп в Америке, тем более, что эти группы так послушны, что, например, «французская коммунистическая оппозиция» подписывает резолюцию, одобряющую участие Троцкого в буржуазной печати, целиком написанную самим Троцким! О, путаники Паз и Трэн—не гордые люди! Они могут подписать, что угодно, лишь бы это было против Коминтерна. И они дают подпись под документом, в котором Троцкий от имени «французской коммунистической оппозиции» сам себя реабилитирует. Надо ли искать пример большего политического разврата!

За последние месяцы и недели сотни оппозиционеров разрывают с троцкистами, с троцкизмом. Они открыто признают свои ошибки, они открыто заявляют о полной своей солидарности с линией партии, они отказываются от защиты троцкистской платформы, они заявляют о готовности бороться с троцкизмом. Не без колебаний, конечно, идут они к партии: одни додумывают до конца свои выводы, другие—менее решительны. Но процесс этот—процесс распада оппозиции, начавшегося не со вчерашнего дня,—совершается неудержимо. Все, что было и есть большевистского в троцкистской организации, возвращается и вернется в партию. Троцкий объясняет это возвращение усталостью, изношенностью тех, кто отказывается от дальнейшего сотрудничества с ним: «в конце концов они израсходовались: нервы не выдержали». А с другой стороны, Троцкий объясняет распад оппозиции тем, что и среди оппозиционеров не мало термидорианских элементов. Вот тебе и на! «И башмаков еще не износили», в которых недавно, несколько месяцев тому назад, доказывали, что термидорианцы остались в партии, а в оппозицию пошли одни стопроцентные «большевики-ленинцы». А сегодня оказывается: «не следует думать, что оппозиция защищена от термидорианских влияний». Спасибо за признание: мы в этом никогда не сомневались. Больше того: мы были и остаемся убежденными в том, что переродилась не партия (в которой есть негодные члены, подверженные разложению и перерождению, и от которых партия себя решительно очищает), а стали на путь перерождения, переродились те, кто сегодня сотрудничает в буржуазной печати и клевещет в этой печати на ВКП(б), Коминтерн и СССР.

Переживаемый нами период Троцкий расценивает, как «период гигантской реакции после ряда революционных годов (1917—1923)». Оказывается, что теперь «мы, революционные марксисты, очутились в положении преследуемого меньшинства, почти в таком же, в каком находились в начале империалистической войны». Но если память нам не изменила, то накануне империалистической войны Троцкий сколачивал августовский блок с ликвидаторами, был с меньшевиками в заговоре против Ленина, против большевиков. Ведь это же все знают! Все знают, что именно в этот период Троцкий называл Ленина «сектантом». 1 апреля 1913 г. Троцкий писал члену Гос. думы меньшевику Н. С. Чхеидзе:

> ...«каким-то бессмысленным навождением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплоататор всякой отсталости в русском рабочем движении»... «Словом, все здание ленинизма в настоящее время, построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения»...

Так писал Троцкий в 1913 г. накануне империалистической войны своему другу Чхеидзе, восторгаясь выступлениями меньшевиков в Гос. думе и в меньшевистской ликвидаторской газете «Луч». А теперь он пророчит, что Радек будет его называть сектантом и поясняет:

> «Не надо бояться слов. Мы уже дважды проделали это. Так было во время реакции 1907—1912 гг. в России, так было во время империалистической войны во всей Европе».

Но позвольте напомнить, что «проделали» вы на самом деле. Как раз об этом периоде реакции 1907—1912 гг. Ленин писал о Троцком:

> «В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 г. входит в блок с ликвидаторами: теперь опять отходит от них, повторяя по сути дела их же идейки».

Вот оказывается, что «мы» уже «проделали» во время реакции 1907—1912 гг. в России... Троцкий воображает, что никто не читает Ленина или не знает истории партии, если вздумал изображать свои меньшевистские позиции 1907—1912 гг. и центристские—периода империалистической войны, как большевистские. Не за сектантство тогда Ленин ругал Троцкого, а за то, что он обманывал рабочих революционной фразой, за которой скрывалась защита правых, защита ликвидаторов. И сегодня Троцкий стоит на том же пути, как бы он ни открещивался от брандлеризма, как бы он ни клялся в верности пролетарской революции.

Однако надо отметить, что Троцкий правее Брандлера, с которым он словесно борется: Троцкий тогда, в 1907—1912 гг., в период реакции занимал такую позицию, которую он теперь занимает, в период несомненного революционного подъема. Этот революционный подъем Троцкий, погруженный в сумеречные настроения, рассматривает, как период реакции, более глубокий, чем канун империалистической войны 1914—1918 гг. Куда может завести такая оценка, ясно всякому. Только не на путь революционной борьбы.

Только болезненной манией величия можно объяснить заявление Троцкого, что «развитие новой главы пролетарской революции возьмет начало у нашей «сектантской группы». Всякое новое развитие революции перешагнет через троцкизм, будет двигаться вперед, отбрасывая троцкистов, преодолевая троцкизм, как препятствие.

●

Бывшие оппозиционеры—Серебряков, Дробнис, Преображенский, Радек, Смилга, Врачев, Дрейцер и многие другие—возвращаются к партии, признав свои ошибки и правоту партии. Только слепой и глухой не видят и не слышат, какие успехи делает партия на пути социалистического переустройства именно потому, что линия ее была и остается ленинской. Никому и не снилось, что мы сможем в 1929 г. пойти так далеко в области коллективизации сельского хозяйства. Пятилетка, которая казалась почти невыполнимой многим скептикам, теперь уже освещает перед нами новые возможности, гораздо более грандиозные перспективы. На основе

ее реализации происходит ряд глубочайших социальных сдвигов, укрепляются гигантские силы пролетариата, удесятеряются возможности социалистического переустройства народного хозяйства. Вся партия, весь рабочий класс и массы передового крестьянства живут напряженной жизнью, охвачены творческим порывом социалистического соревнования. Разве может это остаться без влияния на тех, кто хочет по-честному разобраться в политике партии? Разве не говорят эти успехи о правильности политики? Прочтите заявление рабочих, уходящих от оппозиции: разве не ясно, что не усталость, не изношенность говорят в них, а наоборот: желание активно участвовать в борьбе и строительстве, а не тормозить, не хныкать, не разлагать, не клеветать на партию, как это делает оппозиция. И прямо смешно читать глупо-чудаковатые заявления, поступающие иногда в ЦКК о том, что такой-то или такие-то «клянутся в непоколебимой верности платформе». Можете хоть всю жизнь клясться—жизнь идет мимо вас. Она—за партию большевиков, за нашу партию, она—за наш план социалистического строительства, никаких других путей возвращения в партию у оппозиционеров нет и не будет кроме тех, которые указала партия в лице ее XV съезда. Мы вынуждены это напоминание сделать еще раз, потому что каждый раз, когда от оппозиции отходит к партии более или менее значительная ее часть, оставшиеся «непоколебимо верными платформе» изо всех сил стараются удержать других от такого возвращения. Им все еще кажется, что их позовет рабочий класс, народ, революция, что за ними пошлют тридцать тысяч курьеров. Жизнь идет мимо этих людей. И им не удастся остановить возвращение в партию всех, кто ошибочно свернул на болотные огоньки троцкизма, испугавшись трудностей социалистического строительства. А вне партии останутся всевозможного рода уклонисты всяких оттенков, которым не по пути с рабочим классом. Мы вовсе и не думаем, что партия обязана вернуть всех, кто ушел за троцкистами и сапроновцами. Если партия очищает себя от не-большевиков во время чистки, то она обязана присмотреться и к тем, кто годами борется против линии партии в рядах оппозиции. И чем дольше будут они затягивать эту борьбу, тем дальше они будут от партии, тем труднее будет для них возвращение.

А к тем, кто полностью порывает с оппозицией, кто полностью отдает себя партии, кто полностью изжил свои ошибки, партия отнесется с величайшим вниманием и сделает все, что предписывают ей партийные решения.

А обломки будут. Они неизбежны. Если Ленин характеризовал в свое время Троцкого как «обломок вчерашних исторических образований и формаций», то не наша вина, что Троцкий вернулся в это свое «первобытное состояние».

Всякому—свое.

●

МЕРТВЫЕ ШАГАЮТ БЫСТРО (РАЗВАЛ ТРОЦКИЗМА)

ПЕРВЫЕ ШАГИ

За последние месяцы накопился огромный и необычайно интересный материал, дающий возможность не только подвести итоги развалу и распаду троцкистской оппозиции, но и заглянуть глубже в самое нутро так называемых троцкистских кадров: что они собой представляют, чем дышат, на что надеются, какие у них «перспективы» и планы. Теперь уже не из троцкистского подполья, не из Алма-Ата, а из Константинополя Л. Троцкий получил возможность развернуть свои программные, тактические и организационные планы. Теперь троцкисты умудрены опытом почти двух лет борьбы вне партии.

Все знают, с чего Троцкий начал, очутившись за границей. Можно сказать—неповторимое начало! Попытки троцкистских «историков» сблизить в этом отношении Л. Троцкого с Марксом и с другими вождями пролетариата теперь вызывают у них самих неотвратимую тошноту. Статьи Л. Троцкого в «Дэйли Экспресс», в «Нью-Йорк Таймс», в «Коррьерре делла Серра», в парижском бульварном «Журналь» и т. п.—это «памятник нерукотворный» троцкизму. Говорить сейчас о «содержании» этих статей по меньшей мере неприлично. Неприличие этих выступлений вошло в сознание миллионов трудящихся, в том числе и значительной части бывших сторонников Троцкого.

Но что произошло после этого? Троцкисты были уверены в том, что Троцкий за границей сумеет по крайней мере организовать «левые группы». Оправдались ли эти ожидания? Увы! И здесь мы имеем вместо объединения «левых групп» настоящий «августовский интернационал», новый «августовский блок» всевозможных групп и группочек, начиная от самых правых, самых ренегатских, кончая самыми «ультралевыми» путаниками. Впрочем было бы неправильно относить начало такого беспринципного блока к заграничному

периоду существования Л. Троцкого. Его друзья и он сам начали сколачивать такой блок гораздо раньше. Мы уже упоминали в одной из статей[1] о письме бывшего «красного профессора» Солнцева Л. Троцкому из Америки, в котором Солнцев сообщал в 1928 г. об организационных шагах, предпринятых им в Америке по сколачиванию такого «августовского блока», «августовского интернационала». Вот что он, например, писал о завербованных им сторонниках:

> «Теперь, когда я ближе познакомился с Истменом и Лоре, могу подробнее сообщить о них. Истмен, конечно, не коммунист. Это радикальный интеллигент, который занимался бы поверхностным восхвалением СССР, как десятки других, если бы случайно не связался с нами. Его связь с нами тоже поверхностна. Если бы мы победили, его связь с нами укрепилась бы».

Более убийственной вещи не мог бы написать злейший враг троцкистов. Что же получается? В поисках союзников к работе привлекается радикальный интеллигент Истмен, который выпускает сборник статей—платформу оппозиции со своим предисловием. Перспектива у троцкистов такова: если бы они победили, то подобные радикальные интеллигенты поспешили бы укрепить связь с ними. Что радикальные интеллигенты—а вовсе не коммунисты—являются базой, на которую могут рассчитывать троцкисты,—в этом мы никогда не сомневались. Но причем тут «левые» элементы коммунистического движения!? Не ясно ли, что речь идет о том, что у троцкистов в перспективе опора на радикальных интеллигентов? Или вот другой пример из того же сообщения Солнцева:

> «Что касается Лоре, то, это человек без политического хребта, но именно поэтому его можно тащить, и я считаю, что в свое время мы сделали ошибку, не закрепив его за нами... По существу же дело в том, что, помимо его бесхребетности, он вынужден сильно лавировать, чтобы не потерять положения. Газета принадлежит немецкому коллективу, который состоит из бывших людей. Это все допотопные старички, которые в молодости принадлежали в Германии к рабочему движению. Здесь они давно уже стали хозяевами всяких булочных и колбасных, но по старой традиции считают себя социалистами. Лоре вынужден к ним применяться, поэтому он до сих пор в редакционных статьях (а по американскому обычаю редакция отвечает только за эти статьи) ни разу не солидаризировался с ними политически, а все больше аргументирует от человечности и т. п. Зато в других статьях можно найти все, что угодно—от откровенно социал-демократических рассуждений до ультракоршистских. Я пишу частенько, хотя не особенно приятно видеть наши статьи в таком соседстве (помилуйте, что за щепетильность! *Е. Я.*).

[1] «Правда» № 217 от 20 сент., ст. Ярославского «Об одном позабном документе».

Как вам нравится этот «левый» тип, на которого опирались троцкисты в Америке? Человек без политического хребта, объединяющий группу допотопных старичков—хозяев всяких булочных и колбасных. Вот как сколачивались новые кадры нового объединения «левых» оппозиционных групп за границей. Вот как собиралась краса и гордость «левой оппозиции»,—те новые кадры, которые должны заменить впавших в ересь большевиков, «сползающих с рельс», на которые твердо стали хозяева всяких булочных и колбасных, нынешние союзники троцкистов.

Вот этот-то «августовский блок» и сколачивается Троцким за границей. В редакцию «Большевика» прислано заявление-письмо одного из недавних ближайших сотрудников Троцкого за границей—Жозефа. Он несколько лет под ряд являлся активным оппозиционером. Помимо агитационной и пропагандистской фракционной работы по поручению оппозиции он принимал участие в составлении ее платформы и контртезисов о пятилетнем плане народного хозяйства к XV съезду ВКП(б). Он за границей непосредственно осуществлял по поручению оппозиции связи с оппозиционными фракциями и группами, был как бы секретарем троцкистской оппозиции за границей. Убедившись в том, что выступления Троцкого в буржуазной печати (против чего он возражал), не являются случайностью, этот товарищ (тоже бывший красный профессор) порвал с троцкистами и, располагая личной перепиской с Троцким, и многочисленными документами, он излагает подробно, из кого составляется этот новый блок. Мы приводим почти полностью ту часть письма Жозефа, в которой он дает портретную галлерею деятелей этого нового блока.

ПИСЬМО т. ЖОЗЕФА ОБ «АВГУСТОВСКОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ»

«С самого начала своего заграничного бытия Троцкий прежде всего озабочен привлечением возможно большего числа сторонников, и он ищет их повсюду, направо и налево (в политическом смысле, конечно). Эту свою тактику он наиболее отчетливо выразил в письме от 31 марта «О группировках в коммунистической оппозиции». Весьма примечателен общий тон этого письма. Троцкий подчеркивает, что вследствие «незнания» обстановки он откладывает общую оценку оппозиционных тенденций до более позднего времени. На каждом шагу встречаются словечки: «насколько я могу судить», «повидимому» и т. д. Следующая цитата вскрывает причины такой неуверенности, вернее осторожности, Троцкого. «Мы идем навстречу столь трудным временам, что каждый единомышленник, даже каждый возможный (курсив Троцкого) единомышленник должен быть нам дорог. Было бы непростительной ошибкой оттолкнуть единомышленника, тем более группу единомышленников, неосторожной оценкой, пристрастной критикой или преувеличением разногласий». И Троцкий приступает к сугубо осторожной, прямо-таки нежной, критике Брандлера, Тальгеймера, Суварина и других правых. Конец письма звучит прямым предложением блока: «Если бы оказалось, что, в силу недостаточного знакомства с литературой, я неправильно понял Брандлера, Суварина и их единомышленников, то я, разумеется, поторопнюсь внести в свою оценку поправки, вытекающие из фактов и документов, на которые мне укажут». Как будто Брандлер, Суварин и К° политически существуют со вчерашнего дня, как будто Троцкому неизвестна их политическая биография, как будто он настолько мало разбирается в международных политических течениях, что ему нужна какая-то литература. Троцкий—достаточно опытный политик. Делая двусмысленные предложения, он хорошо знает, чего добивается.

В статье т. н. Г. Гурова «задачи оппозиции», посланной якобы из Москвы (видимо, под своим именем тактически неудобно было выступать), Троцкий подводит своеобразную «теоретическую» базу под свою беспринципную организационную практику. Оказывается, неправильно, будто «под флагом правой оппозиции выступают исключительно и безнадежно оппортунистические элементы. Политические группировки оформляются не сразу. На первых порах всегда бывает много недоразумений. Недовольные партийной политикой рабочие попадают, и нередко, не в ту дверь, какой искали». И далее: «Особенно важно иметь это в виду в настоящий момент по отношению к Чехо-Словакии, где коммунистическая партия переживает чрезвычайно острый кризис... Не сомневаюсь, что нынешняя так называемая правая оппозиция заключает в себе различные настроения и тенденции, которые только в ближайший период будут самоопределяться». Поэтому в одном из писем Троцкий предлагает принять меры к установлению связи с чехо-словацкой правой оппозицией, указывая с плохо скрытой радостью, что там вся партия в брожении. Стоит напомнить, что в свое время, еще будучи в рядах Коминтерна, Троцкий не находил слов для заклеймения оппортунизма чехо-словацкой партии. В тот момент, когда руководство Коминтерна вскрывает образовавшийся в чехо-словацкой партии оппортунистический гнойник, выкидывая вон перекрасившихся социал-демократов, Троцкий пытается подобрать их к себе. Вот куда его завела неумолимая логика фракционной борьбы.

В свое время под флагом «нефракционности» Троцкий принимал активное участие в августе 1912 г. в создании блока самых разнообразных русских с.-д. течений. Этот «августовский блок» всем своим острием был направлен против «сектантов»-большевиков и оказывал явную услугу ликвидаторам. Отсутствие идейно-политической базы привело к тому, что блок не просуществовал и $1\frac{1}{2}$ лет, рассыпавшись на составные части. Ленин на примере этого блока разоблачал всякого рода интеллигентское комбинаторство оторванных от рабочих масс политиков, защищающих под прикрытием красивых фраз оппортунистов.

Не подлежит сомнению, что Троцкий замышляет новый «августовский блок» против большевистской партии, но на сей раз в международном масштабе и уже после своего пребывания в рядах Коминтерна.

Для того чтобы читатель себе лучше представил всю беспринципность сколачиваемого Троцким за границей блока, я остановлюсь на характеристике иностранных оппозиционных группировок, которые Троцкий рассматривает как будущие элементы блока.

В письме к Троцкому отчетного характера я указал, что если бы правым в СССР нужен был представитель, они навряд ли могли бы найти лучшего кандидата чем Суварин. В правильности такого суждения Троцкий должен был убедиться, ознакомившись хотя бы с тем же номером органа Суварина «Бюллетен Коммюнист» (№ 29—30, 30 bis), в котором последний протестовал против высылки Троцкого из СССР. В передовой этого номера Суварин предостерегает Троцкого от его «своего рода бабувизма» и разворачивает программу, которая в конечном счете упирается в левую социал-демократию. Перейду к доказательствам.

Один «осведомленный» приятель Суварина, сообщая о правых настроениях в ВКП и СССР, утверждает, что даже левая оппозиция, если бы она пришла к власти, вынуждена была бы принять экономические меры, предлагаемые правыми. «В конечном счете придется прибегнуть к концепциям правых, с ними или без них (подчеркнуто осведомленным.—*Ж.*), т. е. предоставить крестьянам свободу производства, платить за их продукцию по полной ценности или около этого, смягчить командование партии над государством, отказаться от чрезмерного форсирования индустриализации и т. д.» (именно: «и так далее»). Редакция сопровождает эти утверждения одобрительной припиской: «Чтобы не видеть этого, нужно сознательно закрывать глаза на действительность» (оппортунисты всегда рядятся в костюм «реальных» политиков.—*Ж.*).

Нужно признаться, что Суварин совсем неплохо излагает экономическую программу наших отечественных оппортунистов и, как мы увидим в дальнейшем, со значительно большей последовательностью и откровенностью. (Что у умного на уме, то у Суварина на языке.)

Так как Троцкий прилагает особые усилия к привлечению Суварина, я позволю себе подольше задержаться на характеристике политической физиономии последнего.

В статье «Отблески года XII» Суварин презрительно отмахивается от споров, отстает ли в СССР промышленность от сельского хозяйства или наоборот. Ведь та и другая отрасль отстает от соответствующих отраслей «любой цивилизованной (заметьте: цивилизованной, а не капиталистической) страны». Смешно надеяться, что быстрой индустриализацией можно найти выход из положения. Почему? Да, очень просто! «Подготовка рабочей силы, технического персонала, производственного опыта, координация различных отраслей производства, требуют годов и десятилетий». Стало быть не надо было вообще, при отсталости России, совершать Октябрьский переворот, а обождать несколько десятков годков, нужных для подготовки. И дальше, та же мысль развивается в другой связи: «В России забыли (по «дикости», видно.—*Ж.*) ту элементарную (и меньшевистскую, добавим от себя.—*Ж.*) истину, что нужно начинать с начала, а не с конца, и что отсталая страна не может догнать более передовые без того, чтобы не пройти соответствующие этапы». Поэтому, строго осуждая нашу «незаконную связь» с американской техникой, Суварин нас поучает: «Американский индустриальный уровень может быть для России завершением, но не исходным пунктом». Да простит меня читатель за это неприятное копание в меньшевистском навозе. Я это делаю из педагогических соображений. Пусть неодумавшиеся оппозиционеры увидят, на союз с кем их тянет Троцкий. Но пусть и наши правые взглянут на свое отражение во французском зеркале.

Не думайте однако, что Суварин ограничивается только преподанием нам «общих» директив по экономическому строительству. Нет, он не такой бесчувственный человек, чтобы не помочь нам в нашем горе «советами» и по отдельным частным вопросам. Прежде всего Суварин до-нельзя обеспокоен положением нашего сельского хозяйства. Корень зла он усматривает в классовом подходе к крестьянству. Он издевается над попытками определить, что такое кулак. Это, дескать, безнадежное дело, так как отдельные слои русского крестьянства отличаются друг от друга только степенью своей нищеты. Своему «западно-европейскому» читателю он специально поясняет это на прелестном примере. Допустим, говорит он, что, б л а г о д а р я с в о е й р а б о т е и п о м о щ и с е м ь и (подчеркнуто мной.—*Ж.*), «бедняк» улучшил свое положение, стал «середняком» и приобрел двух коров. Достаточно «вышеизложенным» коровам обзавестись каждой по теленку, как «середняк» становится у большевиков «кулаком», контрреволюционером». Вот как, воистину гениально, марксистский социологический анализ заменяется рассуждениями зауряд-ветеринара.

Оставьте «кулака» в покое,—сердито покрикивает Суварин. Но этого мало. В другом месте он прямо заявляет, что прогресс в сельском хозяйстве невозможен, помимо других условий, также и б е з с в о б о д (подчеркнуто Суваринымм.—*Ж.*). «Если знаменитый (!) «социалистический сектор» не способен доставлять хлеб, то нужно, под угрозой голодной смерти, получать пропитание у капиталистического (тут уж Суварин почтительнее: без кавычек.—*Ж.*) сектора». (Насчет «голодной смерти» рекомендуем Суварину не слишком доверчиво относиться к родным его сердцу буржуазным газетам. Долго ждать придется!) А как же оценивает Суварин ставку на зерновые фабрики, совхозы и колхозы? Ерунда! «С ними то же, что с индустриализацией. Их можно много создавать, но только на бумаге». Перед нами разбитной кулацкий подголосок во всей его неприглядности.

Было бы странно, если бы заодно Суварин не прошелся критическим оком и по монополии внешней торговли. Он, боже сохрани, не против принципа монополии, нет. Но монополия должна укреплять внешнюю торговлю, а не «душить» ее. А посему: «Нужно уничтожить нынешний Наркомат внешней торговли, организовать монополию на новых началах, комбинируя таможенные пошлины с экспортно-импортными лицензиями: без этой реформы серьезное развитие советского хозяйства «недостижимо». Словом, Суварин хочет нас «укрепить», закинув на нас петлю мировых трестов и синдикатов, которые готовы в любой момент засунуть свои лапы хотя бы в самую маленькую щелку нашего советского хозяйства. А что «улов» для капиталистических магнатов будет изрядный, видно из следующих «пророчеств» Суварина: «В с е с в и д е т е л ь с т в у е т о т о м, ч т о С С С Р д о л ж е н б у д е т в т е ч е н и е д о л г о г о в р е м е н и п р о и з в о д и т ь г л а в н ы м о б р а з о м с ы р ь е и п о л у ф а б р и к а т ы (подчеркнуто Суваринымм.—*Ж.*)... и будет покупать фабрикаты, требуемые его внутренним рынком, в более развитых странах». Напрасно стараетесь, мусье Суварин! Ничего не выйдет из ваших комиссионерских потуг.

Для полноты характеристики Суварина просмотрим бегло его «теоретический» багаж. Какое заношенное ревизионистское белье! До чего мало-оригинальны ревизионисты всех мастей и времен! Ленинизм—это «догма, которая душит научный (!) дух и критическую (!) мысль», это «коран». Но ничто все-таки не может превзойти по цинизму и наглости следующее заявление: «Между ленинизмом и марксизмом та же разница, что между культом и культурой. И если религия есть опиум для народа, то ленинизм есть водка (vodka) для Интернационала». (Из статьи «Троцкий и Октябрьская революция», «Bull. Comm.» № 29—30). Довольно! Ни одна пролетарская таможня не пропустит сего господина с такой контрабандой. И ее нисколько не обманет его «коммунистическая» вывеска.

Читатель видит, что моя короткая оценка Суварина в письме Троцкому была отнюдь не голословной и грешила скорее преуменьшением. Что же ответил на это Троцкий? «О сотрудничестве с группой Суварина в нынешнем ее виде не может быть и речи. Здесь необходимо ясное идейное размежевание и спокойная, но твердая полемика. Вернется ли в результате такой политики и новых политических уроков Суварин на нашу позицию, этого я не знаю. Мы должны ему всячески это облегчить. Если бы этого не случилось (а это было бы жаль, потому что он человек очень ценный), тогда нам оставалось бы отвоевать у него лучших из его сторонников». Какая тут может быть, к чорту, «спокойная» полемика, какое идейное «размежевание» с человеком, который обеими ногами стоит на враждебной пролетариату почве? И мало ли вообще в различных социальных лагерях «ценных» людей? Погоня за идейно немощными суваринскими сторонниками, горсткой оторванных от рабочих масс интеллигентов, уведет Троцкого далеко от пролетарского пути.

Свое желание во что бы то ни стало «завоевать» Суварина Троцкий выразил не только в частном документе. В письме Суварину от 25 апреля, предназначенном для опубликования и напечатанном позднее в «Fahne des Kommunismus» (кстати, для печати из этого письма предусмотрительно изъяты обращение «дорогой товарищ» и концовка «с товарищеским приветом»), Троцкий заявляет: «Я был бы очень рад, если бы вы могли присоединиться к изложенным выше соображениям, так как это дало бы нам возможность работать в одном ряду. А я отдаю себе ясный отчет в том, насколько такое сотрудничество было бы полезно для дела». Очевидно предполагается, что разногласия столь невелики, что Суварину не будет большого труда «присоединиться». К чести Суварина надо признать, что он не откликнулся на беспринципные зазывания Троцкого. Этим объясняется, что последний в мае уже как ни в чем не бывало заявляет: «Ведь кроме марксистской оппозиции, существует и оппортунистическая (Брандлер, Тальгеймер, Суварин и др.)». (Из письма в редакцию американской газеты «Militant»). К слову сказать, на фоне махрового оппортунизма Суварина Брандлер и Тальгеймер представляются почти революционерами.

В том же письме Суварину Троцкий пишет: «Вы сообщаете о колебаниях Радека, Смилги и Преображенского. Я об этом знаю достаточно хорошо. Они колеблются не первый день, не первый месяц и не первый год». В общем, не люди, а маятники какие-то. Нужно обладать, однако, изрядной долей неподдельного юмора, чтобы адресовать это человеку, который не колеблясь, верным шагом идет к социал-демократии. А пока что, мы запишем, что людям, которые «колеблются» в сторону большевизма, не место в рядах оппозиции.

Такова же тактика Троцкого и в отношении формально более близких к нему французских группировок. Возьмем группу Трэна, проникнутую политическим авантюризмом и крикливой беспринципностью, не пользующуюся к тому же никаким влиянием в рабочем движении Франции. От имени группы Трэн с неимоверной быстротой стряпает по конвейеру разнообразные политические документы. То он обращается с воззванием к рабочим всего мира, то к рабочим Франции, то наконец к рабочим своего собственного арондисмана (района). Он теребит фалды Унитарной (революционной) конфедерации труда, предъявляет грозные ультиматумы ЦК французской компартии, настаивая на «выпрямлении» ее линии. Но, увы! Чем больше он шутит, тем меньше на него обращают внимания.

И не на что обращать внимание. Вся эта политическая мазня Трэна, под которой заочно «подмахиваются» два его ближайших соратника Барре и Деглиз, лишена, несмотря на всю свою крикливую «левизну», какого бы то ни было признака марксизма и большевизма. Одно время Трэн много занимался вопросами международной политики. Особенное его неудовольствие вызвало поведение Литвинова в Лиге наций. Он обвинял СССР в сеянии среди рабочих масс пацифистских иллюзий насчет способности Лиги наций толкнуть вперед дело разоружения. Как будто бы советская дипломатия своим участием в конференциях по разоружению не доказала самым наглядным образом нежелание империалистических держав вступить на путь не только полного, но даже частичного разоружения. Эта пропаганда делом имела больше значения, чем вся трескучая революционная фразеология Трэна. Да и сравнивать-то даже неудобно.

Вообще же Трэн повсюду провозглашает себя ортодоксальным большевиком, но как-то так случается, что он все время впадает в конфликт с духом ленинского учения. Его это не смущает, как не смущает и то, что все его сторонники умещаются за одним столиком в бистро. Трудно себе представить, существовала ли бы эта группа без Трэна. Но одно несомненно: доколе существует Трэн, будет и «группа», хотя бы из него одного. Единственным его утешением является то, что он иногда имеет возможность выплакаться на груди своего «богатого родственника» Урбанса, который от поры до времени милостиво печатает «творения» Трэна.

В ответ на замечания по поводу группы Трэна Троцкий пишет: «Что касается Трэна, то я не вижу принципиальных (!) мотивов, которые делали бы невозможным сотрудничество с ним... Трэн энергичен и стремится выйти из комнаты на улицу, чего нехватает многим из наших единомышленников. Указания на то, что Трэн импульсивен, мечется из одной крайности в другую и прочее, повидимому совершенно верны. Но ведь речь идет не о том, чтобы сделать Трэна единоличным руководителем оппозиции, а о том, чтобы привлечь его к работе и испытать на деле». Что за беда, если Трэн вместо рабочей улицы попадает в мелкобуржуазный тупик. Зато он «энергичен». Этого качества вполне достаточно, чтобы не отпускать его от себя. В другом письме Троцкий по другому поводу возвращается к вопросу о Трэне. «Своевременная доставка в Россию моего письма к рабочим имела конечно серьезное политическое значение. Трэн не только первым издал это письмо, но и сообщил мне, что им было сделано для рассылки этого письма в разные страны и в Россию. (Несомненно, малость приврал, по обыкновению.—*Ж.*) Имеем ли мы при таком положении право отталкивать Трэна? Ни малейшего права». Технические услуги Трэна стоят того, чтобы не обращать внимания на его политические метания.

От Трэна не открещиваться, но и группы «Contre le Courant» (Паза) и Монатта («Révolution Prolétarienne») не следует терять из виду (кстати обе эти группы, как и Суварин, и слышать не хотят о совместной работе с Трэном). Троцкий пишет: «Основной группой является и остается группа «Против течения». Между этой группой и группой «Пролетарской революции» нужно установить тесные связи и по возможности правильное разделение труда (подчеркнуто мной.—*Ж.*). Разумеется, это не исключает товарищеской критики. Сотрудничество ни в каком случае не должно основываться на замазывании или смягчении серьезных принципиальных разногласий. Но оценивать эти разногласия надо под аспектом длительного сотрудничества (разрядка моя.—*Ж.*), вплоть до победы рабочего класса и далее» (куда же далее?!). Итак Троцкий констатирует наличие идейных расхождений у обеих групп. В дальнейшем мы увидим, в чем эти расхождения заключаются и мыслимо ли при их существовании «длительное сотрудничество на основе правильного разделения труда».

Троцкий ориентируется, как на основную, на группу Паза, хотя и признает (в письме ко мне от 9 мая), что «наши друзья... по методам действия являются добрыми социал-демократами». Дело однако не только в методах. Ведь социал-демократы, несмотря на свои методы, каким-то боком все-таки пытаются подойти к рабочим. Что можно сказать про политическое течение, претендующее на роль авангарда пролетариата и в то же время не откликающееся почти ни на одно более или менее серьезное явление в жизни рабочего класса данной страны?

В идейном отношении группа «Против течения» находится на подножном корму у русской оппозиции. Если Суварин благодетельствует нас самоновейшими разновидностями ревизионизма, то Пазу вообще почти нечего предъявить. Орган группы «Contre le Courant» представляет собой коллекцию всякого рода переводных с русского языка материалов. Иногда в нем появляются поэтические воздыхания сантиментальной писательницы Мадлены Маркс на разные темы—от негритянской проблемы и до открытого письма Анри Барбюсу. Передовицы журнала, выходящие обыкновенно из-под пера Паза, поражают своей бессодержательностью. Все это пишется не спеша, на отменном французском языке, без всякой примеси этого «грубого» парижского арго. Словом, мирная заводь, где никакого движения воды не заметно. При таких условиях и не трудно плыть «против течения».

Если внимательно штудировать «Contre le Courant», на что не у всякого хватит решимости, то кое-какие обрывки «идей» в нем можно найти. А именно, по вопросу о роли партии и профсоюзов. В начале 1928 г. на гладкой поверхности пазовской заводи появились небольшие водяные круги. Кто посмел нарушить «противотеченский» покой? А это, оказывается, старик Лорио и его друзья не могли выдержать келейной атмосферы группы и, хлопнув дверью, ушли к Монатту (удивительно, почему они не могли возвыситься до необходимости «длительного сотрудничества» с Пазом). В сердцах Лорио наговорил массу мудрствований по поводу гибельности политических партий для рабочего класса, ссылаясь при этом на опыт русской революции.

Паз геройски вступился в защиту попранной идеи партии (ст. «Ответ Лорио», «Contre le Courant» № 10). «Настоящей, дескать, коммунистическая партия является лишь постольку, поскольку она есть партия пролетариата». Туманно! И как будто похоже на тавтологию. «Защитив» таким образом первый пункт, Паз переходит к толкованию русского опыта. «В течение сравнительно недавнего исторического периода, в 1917 г. и в последние годы, мы имели пример такой партии в лице партии большевиков». Вот это утверждение дает уже нам «ниточку» к уразумлению «теории» Паза. Стало быть партия большевиков до 1917 г. не была «настоящей» коммунистической партией? Отчего бы это могло быть? Не оттого ли, что она до революции была по численности меньше, что подчеркивало ее роль сознательного авангарда класса? А неутомимое большевистское строительство партии, а борьба со всяческими ликвидаторами и оппортунистами ничего не стоят? А организационные принципы Ленина, нашедшие свое практическое выражение в конкретной партии большевиков? Несомненно, что, проводя непримиримую революционную линию, партия иногда увлекала за собой только меньшинство, за что удостоивалась клички «секты» (наиболее яркий пример—империалистическая война). Но партия не была бы подлинно большевистской, если бы в погоне за большинством рабочего класса жертвовала конечными интересами последнего. А Паз нам хочет навязать бесформенную «рабочую» партию на манер английской. Благодарим покорно!

Как мы видели, по Пазу наша партия оставалась «настоящей» только до «недавнего прошлого». А с тех пор она уж ею перестала быть. Какие же тому причины? Нужды гражданской войны привели партии к отказу от применения рабочей демократии; затем, когда эти нужды исчезли, партия прибегла к режиму, который все более и более отделяет ее от рабочего класса». А мы-то думали, что близость партии к рабочему классу определяется умением защищать его интересы против капиталистов, руководством в революционной борьбе за свержение буржуазного государства, в СССР—степенью продвижения социалистического строительства против кулаков, нэпманов и бюрократов. Задачи же оппозиции, по мнению Паза, лежат в другой области: «Троцкий придал классовый (!) смысл борьбе оппозиции, ведя ее под знаменем рабочей демократии». При таких задачах лозунг тайного голосования становится боевым и всеобъемлющим лозунгом; меньшевизм в организационных вопросах выступает во всей красе.

Другой лидер группы «Против течения» Дельфосс высказывается о роли профсоюзов («Contre le Courant», № 7). Профсоюзы, по Дельфоссу, должны себе ставить задачей защиту «наиболее прямых материальных нужд» рабочих. Все, что сверх этого, от лукавого. Но ведь реформисты и революционеры по-разному понимают материальные нужды рабочего. Это Дельфосса не касается. Он только требует, чтобы и та, и другая сторона отказались от своей «особенной» политической и социальной теории. Нужно изгнать из профсоюзов всякую политику: довольно «командования» партий над профсоюзами! Опыт руководства партией экономическими боями пролетариата выбрасывается в мусорную корзину истории. И этот чистейшей воды «экономизм» преподается под видом беспристрастного «объективизма».

Какая цена этому «объективизму», обнаруживается на практических предложениях Дельфосса по вопросу об единстве профсоюзов. «Профсоюзное единство будет (!) осуществлено в старой Генеральной конфедерации труда (т. е. желтой.—*Ж.*). Почему? Потому что создание новой конфедерации было бы поводом для новых разногласий (а как же быть с уже существующей революционной Унитарной конфедерацией?—*Ж.*). Потому, что Генеральная конфедерация вследствие длительного существования имеет за собой тот факт, что она в течение известного времени объединила в своих рядах большую часть профессионального движения». Следовательно фактически все-таки одна сторона, и именно революционная, должна подчиниться другой, реформистской.

Другой автор, Дельсоль («Contre le Courant» №№ 18—19), хотя и не согласен с полным устранением политики из профсоюзов, но

по существу указывает тот же путь, что и Дельфосс. Его аргументация носит более христианский характер. «Так как реформистский штаб не хочет единства, то нужно распустить Унитарную конфедерацию труда и, вернувшись в старую ГКТ, показать таким образом, что революционеры являются действительными сторонниками единства». Непротивлением злу почтенный Дельсоль только показывает, что напрасно он именует себя революционером. Реформистский штаб ничего не имеет против такого понимания «прямых» интересов рабочих. Планы, которые развивают Дельфосс, Дельсоль и Дель... и иже с ними, ведут прямой дорогой в Амстердам.

Вот каково идейное «лицо» группы «Против течения», поскольку удается выжать кое-что из пухлых номеров органа группы. Эта группа обречена на мирное «домашнее» существование без малейшей перспективы стать когда-либо заметным фактором в рабочем движении. Зато в одном отношении она вполне надежна: она вся в жилетном кармане Троцкого. История с молниеносным проведением ею написанной Троцким в защиту Троцкого так называемой резолюции французской коммунистической оппозиции служит лучшим тому доказательством.

О группе Монатта «Пролетарская революция» не приходится долго распространяться, так как она существует не первый год и линия ее более или менее известна. Это ее синдикалисты. Они в большинстве вышли из Коминтерна, разочаровавшись в партии и вернувшись к своим старым синдикалистским традициям. Несмотря на свои искренне революционные побуждения, они наносят достаточный вред рабочему движению, ведя неустанную борьбу против политики Унитарной конфедерации труда.

Правильное «разделение труда» между группами «Пролетарская революция» и «Против течения», о котором мечтает Троцкий, очевидно должно заключаться в том, что Монатт будет «обслуживать» профсоюзы, а Паз будет пытаться превратить французскую компартию в «настоящую».

Такова действительная и безотрадная картина оппозиционного движения во Франции. Между отдельными течениями, из-за идейной мешанины, нет строгих водоразделов: все они находятся в состоянии «диффузии». Лорио, как упоминалось, перекочевал от Паза к Монатту, а Росмер, например, собирается переходить от Монатта к Пазу и т. д. Некоторые более молодые и, следовательно, менее консервативные ухитряются менять «место жительства» каждые несколько месяцев. Вот, например, какой-нибудь Гурже, Лемир и другие успевают «оборачиваться» с непостижимой быстротой. Да почему бы и нет? Ведь им «нечего терять», кроме этикетки.

Положение в Германии не в пример яснее, чем во Франции, и в организационном, и в идейном смысле. К Ленинбунду все время пытаются пристроиться «симпатизирующие» ультралевые ультраренегаты коршевского толка. Недаром «Fahne des Kommunismus» напечатала недавно наглую статью одного из таких молодчиков, в которой последний, в связи с захватом Чан Кай-ши К.-В. ж. д., ставит СССР на одну доску с империалистическими державами, открыто становится на сторону китайской реакции (китайский вопрос в освещении Ленинбунда!—*Ж.*), заявляя нам: «Руки прочь от

Китая!» Да что и говорить: вегетарианец Паз дает на страницах «Contre le Courant» (см. № 11) приют «самому» профессору Коршу [1].

Близкое идейное родство Ленинбунда и коршистов несомненно. Это выражается прежде всего в оценке происходящих в СССР социальных процессов, на которой мы уже отчасти останавливались. Урбанс не такой мямля, как Троцкий, чтобы ломать себе голову над вопросом, совершился ли в СССР термидор полностью или в энном проценте. В статье, посвященной XI годовщине Октябрьской революции, «Fahne des Kommunismus» прямо заявляет, что с диктатурой пролетариата в СССР кончено. Вся забота Урбанса сводится к тому, чтобы обеспечить нам закрепление хотя бы на позициях Февральской революции. (Как будто бы революции когда-нибудь возвращались в исходное положение.) Если иметь в виду, что Троцкий характеризует теперешний режим в СССР «керенщиной наизнанку», то, надо думать, у Урбанса нет оснований быть недовольным. На самом деле это не так. Лозунг тайного голосования хорош, но этого мало. И Урбанс настойчиво советует Троцкому свернуть с пути реформ, независимо от их «глубины», и сделать «соответствующие» изменившейся обстановке выводы («Fahne des Kommunismus» от 25 января 1929 г.).

В вопросах внутренней германской политики излюбленным коньком Ленинбунда является тактика профсоюзов. Что бы партия ни предприняла в руководстве экономическими боями пролетариата (объявление стачек помимо воли профсоюзных бюрократов, работа среди неорганизованных, распространение влияния на фабзавкомы и пр.), Ленинбунд неизменно выступает в той или иной форме против. В особенности характерно отношение группы Урбанса к стремлению компартии организовать неорганизованных и тем самым создать реальные опорные пункты против реформистов в профдвижении. Мнение Ленинбунда по этому вопросу («Volkswille» от 15 марта) настолько показательно, что мы приведем его полностью. «Всегерманское руководство Ленинбунда открыто заявляет, что оно категорически отказывается от какой бы то ни было политики создания оппозиционных параллельных профсоюзов наряду со свободными, не из боязни раскола свободных профсоюзов, а в первую очередь потому, что и оппозиционные союзы под руководством коммунистов не могут заниматься иной по существу политикой, чем свободные профсоюзы» (подчеркнуто мной.—*Ж.*). Ультралевые таким образом подписываются под политикой реформистских профсоюзов. Эта точка зрения настолько понравилась бранд-

[1] Уже после того как это было написано, мы ознакомились с редакционной передовой за подписью всей группы «Contre le Courant» от 28 июля по вопросу о советско-китайском конфликте. «Противотеченцы» не за Чан Кай-ши, боже сохрани, но они за то, чтобы Советы удовлетворили его притязания на К.-В. ж. д. Больше того, «Contre le Courant» заявляет, что Советский Союз охвачен в Китае империалистическими замыслами. Поэтому рабочие не должны откликнуться на призыв Коминтерна о защите СССР. Все эти гнусности сдобрены рассуждениями о том, что советская власть не является больше рабочей, а представляет «промежуточный (!) и привилегированный класс, который имеет интересы, отличные и зачастую противоречащие интересам рабочего класса». В том же самом номере группа Паза обращается по частному вопросу с открытым письмом к социалистической партии. Своей статьей о советско-китайском конфликте «Contre le Courant» заслужила себе право обратиться к социалистам с коллективным заявлением о приеме всей группы в социалистическую партию.

леровцам, что их орган «Gegen den Strom» (от 30 марта) хвалит Ленинбунд за эту статью, из которой видно, что «понимание ультралевыми проблемы (профсоюзов) во много раз превосходит» понимание КПГ. Та же «непримиримо-революционная» тактика наблюдается и в отношении Ленинбунда к руководимым партией массовым политическим выступлениям рабочих (1 мая, 1 августа). Но пикантнее всего, что именно Урбанс обвиняет при этом партию в ультралевизне, путчизме и прочих смертных грехах. Конечно же эти обвинения обосновываются «объективным» анализом международной и внутренней обстановки, из которого следует, что куда ни плюнь, всюду реакция, упадок рабочего движения и пр., и пр., и пр.

В вопросах международной политики Ленинбунд не менее последователен и конечно оппортунистичен. Урбанс, как и идущий за ним Трэн, обвиняет Советский Союз, разоблачающий нежелание империалистических держав разоружаться, в сеянии пацифистских иллюзий. Но едва дело доходит до оценки конкретной политики империалистических государств к СССР, до вопроса об угрозе войны СССР, как выявляется истинное лицо Ленинбунда. Излагая речь т. Тельмана о международном положении СССР, в которой он указал, что правительство Макдональда будет не только способствовать военной политике против СССР совместно с крупнейшими империалистическими державами, но и активно ее проводить,—«Volkswille» от 12 июня, со своей стороны, заявляет: «Для Тельмана ничего не значит, что правительство Макдональда как раз сейчас заявляет о возобновлении сношений с СССР, как о пункте своей программы». Какая трогательная вера в «пункты» программы Макдональда (у последнего ведь есть еще ряд хороших «пунктов»!) Какой гениальный «прогноз», весь блеск которого обнаруживается «как раз сейчас», когда «рабочее» правительство сорвало немедленное и безусловное возобновление сношений с СССР («англо-русский» вопрос в освещении Ленинбунда!). Однако Урбанс не останавливается на частном вопросе, он «обобщает». «Его (т. е. Тельмана) не касается также то, что сейчас почти все империалистические державы, а в особенности Соединенные штаты Сев. Америки развивают свои мирные отношения с Россией». Такая идиллия, что дальше уже некуда! Опасность интервенционной войны против СССР, по Ленинбунду, с каждым днем уменьшается. Поэтому напрасно коммунисты поднимают такой шум. Да ведь это то же самое, что говорят социал-демократы. Вот как Ленинбунд, отнюдь не по-«пацифистски», подготовляет рабочий класс в связи с опасностью войны. Наряду с прочими оппортунистами он объективно помогает империалистическим державам маскировать действительные цели их политики.

Такого рода оценка сближает ультралевый Ленинбунд с германскими правыми. И совсем не случайно, что газета Урбанса «Volkswille» откликнулась, не долго думая, на «авансы» Тальгеймера, приглашавшего Урбанса к совместным действиям на базе требования внутрипартийной демократии. «Правые хотят открыто бороться за партию» (а не за протаскивание своих оппортунистических взглядов?—*Ж.*)... Появляется враг, который вначале выступает как «союзник». До сих пор он позволял Тельману заботиться о своих делах. Сейчас он сам хочет ими заняться. Мы приветствуем в «союзнике врага (не дурно сказано.—*Ж.*). («Volkswille» от 20 октября 1928 г.)

Через несколько дней (26 октября) «Volkswille» возвращается к вопросу о блоке с правыми, разъясняя, для какой цели он понадобился. «Весьма сомнительно (!), имеется ли при этом в виду проведение (правыми.—*Ж.*) правильного политического курса. Но это все равно (вот это уже откровенно.—*Ж.*): завоевать членов КПГ и рабочий класс для правильного ленинского курса можно будет лишь в том случае, если будут поставлены политические «вопросы, и если на них будут даны ответы». А пока что дадим волю сторонникам «сомнительно» правильного курса.

Но уже 2 ноября «Volkswille» спешит поправиться. Она строго запрашивает германских правых, солидаризируются ли они с правыми СССР. Если да (!), то Ленинбунд будет непримиримо (грош цена этой «непримиримости».—*Ж.*) бороться как против своих, так и против русских правых.

Однако мысль о блоке с правыми не оставлена. В мае «Volkswille» (от 17 мая), давая отчет о докладе Пауля Фрейлиха на открытом собрании правых в Берлине по поводу 1 мая, заявляет: «Он совершенно правильно оценил слабости «красных фабзавкомов», он сказал много неоспоримого о вине КПГ в майском поражении, а также об игре с вооруженным восстанием, которую теперь ведет КПГ». В ответ на нежное похлопывание по плечу Урбанса, орган правых «Gegen den Strom» подтверждает, что ультралевые предлагали правым создать тактический блок, который правые готовы были осуществить лишь при согласии ультралевых принять платформу правых. В номере от 25 мая «Gegen den Strom» кроме того требует от Урбанса отказа от левого прошлого и более полного изложения взглядов Ленинбунда по германскому вопросу. По русскому же вопросу орган правых высказывается против позиции группы Троцкого. А вообще же, заявляют правые по адресу Ленинбунда, мы не очень торопимся объединяться с вами. Так блок—до поры, до времени—и не вытанцовывался в значительной мере вследствие бо́льшей принципиальности правых.

Поразительно все-таки, до чего точно Урбанс, притом совершенно самостоятельно и независимо, повторил тактику Троцкого в СССР. Да, уж они «национальной ограниченностью» не страдают: это—сторонники борьбы против партии всеми методами не «в одной стране», а во всех решительно странах.

Левинбунд в Западной Европе является количественно наиболее сильной оппозиционной группировкой, опирающейся, правда, почти исключительно на бывших партийных функционеров. Для этих функционеров, как например для бывшего соратника Урбанса, Бартельса, ничего не стоит сменять редакторский пост в Ленинбунде на такой же пост в с.-д. газете. Несмотря на свою относительную силу, Ленинбунд является наиболее чувствительным местом «августовского» Интернационала. Причина этому, как ни странно, лежит в оценке Ленинбундом положения в СССР. Статья в «Volkswille» от 7 января 1928 г. «Наивность или демагогия», направленная против германских правых, уклоняющихся от разговоров по русскому вопросу, объясняет нам, в чем дело. Автор статьи спрашивает, принадлежит ли еще

(подчеркнуто мною.—*Ж.*) ведущая роль в революции России, или уже (подчеркнуто мною.—*Ж.*) наступил момент, когда центр тяжести пролетарской революции перемещается опять (подчеркнуто мною.—*Ж.*) в капиталистические высокоразвитые страны. Из всего контекста статьи видно, что автор на первый вопрос отвечает отрицательно, а на второй—утвердительно.

Но если это так, то кончается руководящая роль русского рабочего класса, роль, которая оправдывалась наличием в России диктатуры пролетариата. Поэтому, если раньше (до термидора.—*Ж.*) ВКП по праву принадлежала руководящая роль в Коминтерне, то при изменившихся условиях русская оппозиция, по Урбансу, не вправе рассчитывать на такое же положение в «августовском» Интернационале. Центр тяжести переместился в высокоразвитые капиталистические страны. К числу их, в первую очередь, относится Германия. Следовательно, гегемония в «августовском» Интернационале должна принадлежать Ленинбунду. Теперь понятно, почему на каждом шагу Урбанс в «Fahne des Kommunismus» покровительственно одергивает Троцкого, давая ему теоретические указания. Печальная картина—Урбанс в роли теоретического наставника Троцкого.

Но русская оппозиция в лице Троцкого не может на это итти с легким сердцем. Предстоит кровопролитнейшая борьба между двумя «братскими» оппозициями. Троцкий ищет в Германии опоры вне Ленинбунда и обращает свои взоры на Вебера и его т. н. Веддингскую оппозицию. Вот что пишет Троцкий по этому поводу в письме от 9 мая: «Дело в том, что их политический конкурент (т. е. Урбанс.—*Ж.*) ведет свою газету чрезвычайно поверхностно. Над ним необходим серьезнейший контроль. Установить такой контроль можно только через посредство теоретического органа. Вот такого рода орган, или бюллетень, или немецкое издание интернационального органа я и хочу поставить при ближайшем участии В. Написанное им предисловие целиком говорит в его пользу и показывает, что он гораздо серьезнее, чем его торопливый конкурент. Говорят, что он крайне мало активен. Это большой недостаток в революционере, что́ и говорить. Но для чисто теоретического органа, выходящего, скажем, раз в месяц, это качество менее ощутительно, чем для другого рода работы».

Что же собой представляет этот самый Вебер? Некоторая характеристика его заключена уже в приведенной цитате. Он, оказывается, мало активный революционер. Но для того чтобы раз в месяц убеждать других быть активными, он вполне подходит, благо написал на двух страничках предисловие к книге Троцкого. Автору этих строк довелось осенью прошлого года ближе познакомиться с Вебером. Возглавлявшаяся им т. н. Веддингская оппозиция к тому времени почти рассыпалась: одни ушли в Ленинбунд, другие—в личную жизнь, а остальные, в том числе и Вебер, не проявляли никаких признаков жизни. Издаваемая с начала года Вебером в Пфальце ежемесячная газета «Пионер» служит только фиговым листком для прикрытия его политической наготы.

В одной области Вебер обнаруживал некоторую живость: в связях с русской оппозицией. Корни этой «привязанности» имеют, можно сказать, главным образом хозяйственный характер. Известно, что некоторые лидеры русской оппозиции незаурядные литераторы. Известно, что мировой книжный рынок предъявляет известный спрос на книжки, дающие оценку различных вопросов с оппозиционной точки зрения. Вот Вебер и выступает перед русской оппозицией в роли «толкача» по издательским делам, не без умеренного вознаграждения, понятно. В частности, в этом именно, а не в писании предисловия, была главная забота Вебера при издании на немецком языке «Критики программы Коминтерна» Троцкого. Следовательно, для руководителя «торговым сектором» интернационального органа оппозиции кандидатура выбрана неплохо. Но на роль редактора, а тем более политического контролера Ленинбунда, Вебер, право же, не годится.

Немного остается сказать об оппозиционных течениях в других странах. Бельгийская группа Ван-Оверстратена имеет безусловно правые тенденции, что выразилось например в ее профсоюзной тактике.

Вопрос о взаимоотношениях партии и профсоюзов решается Ван-Оверстратеном приблизительно в том же духе, что и «теоретиками» профдвижения из «Contre le Courant». Необходимо в своей деятельности среди профсоюзов опираться исключительно на свои права и обязанности как членов профсоюзов, не допуская «вмешательства» какой-либо посторонней силы (сиречь партии.—*Ж.*),—так поучает Ван-Оверстратен (ст. «La lutte syndicale et les parties politiques» в газете «Le Communiste» № 16). Политические партии являются большей частью худшими врагами профсоюзного движения, его разрушителями и развратителями. Более откровенно поведал нам о своих задачах в профсоюзах некий L. G. («Le Communiste» № 23). Он защищает линию, которая «не имеет ничего общего с коммунистической концепцией завоевания профсоюзов для социальной революции». Поэтому он ставит на одну доску и соц.-демократов, и коммунистов, так как и те, и другие хотят сделать профсоюзы орудием их грязной политики. Как эта «теория» выглядит на практике, видно из поведения бельгийских оппозиционеров в конфликте в профсоюзе служащих в Брюсселе. Реформистское руководство добивалось в течение длительного времени исключения из этого профсоюза ряда его активных деятелей-коммунистов. Революционные элементы профсоюза призывали бороться до конца против незаконных раскольнических действий реформистских лидеров. Представители оппозиции рекомендовали, в целях избежания исключения бельгийского профсоюза, подчиниться постановлению конгресса. Иначе говоря, они уже заранее складывали оружие перед реформистами, фактически играя на руку их политике.

Профсоюзной теории и практике соответствуют и взгляды Ван-Оверстратена на роль партии. Тут мы имеем дело со своего рода западно-европейским «коммунизмом». Прежде всего оказывается не «надо забывать своеобразных условий западно-европейской демократии, которая не имеет ничего общего с режимом царизма до 1917 г. Поэтому, «не нужно смешивать способы, которые могла применять для своего образования русская коммунистическая партия, со способами, которые должна будет применить бельгийская коммунистическая партия для подготовки заметных революционных сил» (ст. Ван-Оверстратена в «Le Communiste» № 28). Такой учет «местной» обстановки позволит Ван-Оверстратену освободиться от многих, если не от всех, уроков «азиатской» Октябрьской революции. Неудивительно,

что бельгийские оппозиционеры питают особо нежные чувства к Суварину.

Любопытно однако, что и правые бельгийцы, и «левый» Ленинбунд, несмотря на враждебные отношения друг к другу, восприняли одну и ту же тактику в парламентских выборах.

В Австрии копошится правая группа Фрея, а левее от нее «центрист»-одиночка Курт Ландау. В Чехо-Словакии «все находится в брожении». После неудачного опыта с правыми Троцкий отрекается даже от Нейрата, который в сердцах от левых перебежал к правым. Михалец стоит в сторонке и философски наблюдает, бросая изредка каверзные вопросы в направлении Троцкого. А рабочие резервы, попавшие «не в ту дверь», не подходят. Отдельные любители предлагают Троцкому свои услуги при условии отмежевания от троцкизма («Fahne des Kommunismus» от 1 июля). В Соединенных штатах мы имеем ультраправого, но доброго немца Лоре и сомнительно левого Кеннона, которому понадобилась поездка в прошлом году в Москву, чтобы узнать о существовании русской оппозиции и убедиться в ее правоте.

Последние мероприятия ИККИ по оздоровлению американской компартии и ликвидации правого уклона в ней отвлекут от группы Кеннона наиболее ценные пролетарские элементы.

Вот и все портреты главных героев нового Интернационала.

Попытаемся, все-таки, равняясь по лидерам, определить условно расстановку оппозиционных «сил» в мировом масштабе. На правом фланге окажутся Суварин, Фрей, Лоре; в центр встанет Паз, Курт Ландау, если хотите, Вебер; налево браво промаршируют темпераментный, как полагается «левым», Трэн, ну и понятно, величественный Урбанс. Некоторые затруднения будут с «лево-правыми» Монаттом и Кенноном. Ну, ничего: в тесноте, но не в обиде. А в общем «право-лево-лево-право-центристский» взвод, т. е., виноват, блок.

Но блок трещит по всем швам, не успев еще возникнуть. Слишком различны взгляды, задачи, методы, темпераменты отдельных кандидатов в блок. И вот уже раздается «крик наболевшей души». Трэн обращается к Троцкому с патетическим, но почтительным запросом: «Конечно, никто не может запретить, чтобы та или иная группа объявила себя солидарной с тобой. Но ты, т. Троцкий, не можешь ли ты сказать, с кем ты единодушен? С кем следует итти» и т. д. («Fahne des Kommunismus», от 12 июля 1929 г.).—Да со всеми, бедняга Трэн, со всеми!»

●

Такова характеристика этого «левого» («ужасно левого») блока, который должен возглавлять Л. Д. Троцкий. Нужно ли после всех этих ярких фактов доказывать, что сколачиваемый Троцким блок есть антикоммунистический блок, в котором радикальные интеллигенты, вроде Истмена, должны исправлять нашу партию вкупе и влюбе с содержателями колбасных и трактирных заведений, собравшимися под крылышком бесхребетного социал-демократа Лоре, или «доброго социал-демократа» Паза, или путаника Трэна, или правого из правых Суварина, или правых чехо-словацких ренегатов и пр.?! Конечно Солнцевы очень озабочены тем, чтобы не потерять подобных друзей за границей. Поэтому они склонны оправдать любой шаг Троцкого: и его выступления против антивоенного дня 1 августа и его гнуснейшие статьи в буржуазной печати и то, что он сегодня продолжает печататься в таких органах, как «Нью-Йорк Американ», и в «Нейе Фрейе Прессе». В одном из своих произведений последнего времени этот Солнцев пишет, что у Л. Троцкого «исключительно тяжелое положение человека, который теперь связывает русскую оппозицию с международной: повернется в одну сторону—потеряет одних, повернется в другую—потеряет других». Мы думаем, что Солнцев напрасно печется об этом. Таких-то, как Лоре, таких-то, как Истмен, как Суварины—ренегатов коммунизма и радикальных бесхребетных интеллигентов—сколько угодно найдется! Они всегда готовы будут поддержать блок оппозиции против Коминтерна, против ВКП(б). Но надо, чтобы все видели совершенно ясно, какими иллюзиями питаются и питают других троцкисты, изображая Троцкого в роли нового Калиты, собирающего «левые» элементы рабочего движения за границей.

БЛОК ТРОЦКИСТОВ И СОЦИАЛ-ФАШИСТОВ ПРОТИВ АНТИВОЕННОГО ДНЯ

Испытание и проверка троцкистов не кончилась на сколачивании «августовского» интернационала. Сколачивание «августовского блока» есть только один из примеров того, как и куда растет эта группа. На примере антивоенного дня мы видели нечто такое, чего мы не ожидали, даже от троцкистов. Против антивоенного дня сплотились все силы реакции, начиная от фашистов и кончая социал-демократами. Именно на примере борьбы против антивоенного дня социал-фашизм выявил свое лицо полностью. И вот на поведении оппозиционных групп в связи с подготовкой к этому дню можно было видеть ясно расстановку классов и партий, которую мы будем иметь во время войны: кто—с кем, кто—против кого. Где же оказались троцкисты? Мы утверждаем, что они оказались в одном лаге-

ре с социал-фашистами. Вся «оппозиционная» печать, начиная с правых (Суварин) и кончая ультра-«левыми», старалась доказать, что мы преувеличиваем опасность войны, раздуваем ее и т. п. В этом отношении они пели в один голос с социал-демократами. Органчик оппозиции «Международное обозрение», в котором участвует Л. Троцкий, так же как «Fahne des Kommunismus» напечатал статью: «Что предстоит 1 августа», и в этой статье говорится:

> «Демонстрацию 1 августа надо сорвать. Оппозиция должна приложить все силы к тому, чтобы этого добиться. Нужно постучаться в двери всех тех партийных организаций, за спиной которых решался вопрос о назначении демонстрации 1 августа».

Мы не знаем, куда «постучались» эти господа накануне 1 августа; не исключено, что кое-кто из них постучался в двери полицей-президиумов. Но что они приложили руку вместе с социал-фашистами к тому, чтобы сорвать демонстрацию 1 августа—это факт. Мы в праве сказать всем друзьям рабочего класса, всем организованным в Коминтерне и всем сочувствующим коммунизму рабочим: берегитесь этих людей, помните, где будет их место в день объявления войны! Сегодня они срывают демонстрацию коммунистов, направленную против мировой бойни; в день объявления войны они станут прямыми предателями, станут в ряды наших врагов. В одной из статей Троцкий писал:

> «Надо отказаться от манифестации... Теперешняя политика Коминтерна подрывает и уничтожает влияние, завоеванное Октябрьской революцией и первыми четырьмя конгрессами Коминтерна. Надо эту политику в основе изменить. Начать надо с отказа от манифестации 1 августа».

Троцкий прекрасно знает, что манифестация решена была VI конгрессом Коминтерна, но для Троцкого существуют решения только тех конгрессов, в которых он сам участвовал, да и то он плюет на них с высокого дерева, когда это ему нужно, как например в вопросе об участии в буржуазной печати. А теперь он, прикрываясь якобы тем, что он желает удержать «влияние, завоеванное Октябрьской революцией и первыми четырьмя конгрессами Коминтерна», вместе с социал-фашистами борется против выступления, распространяющего свое влияние на широкие массы

рабочих, активизирующего эти массы для борьбы за пролетарскую диктатуру, для защиты страны пролетарской диктатуры. Что же удивительного после этого в том, что Троцкий принимает участие в органах, в которых печатаются, например, такие статьи, по поводу К.-В. ж. д., какая напечатана была в органе французских троцкистов «Против течения». В редакционной статье № 35 этого журнала троцкисты писали:

> «Коммунистическая оппозиция предостерегает пролетариат против всякой сентиментальности в подходе к событиям в СССР. Тот факт, что СССР брошен в конфликт с Китаем, еще не доказывает, что дело СССР в данном случае неразрывно связано с делом пролетариата. Советский Союз в 1929 г.— это не то, что красная Россия в 1917 году».

Кажется, ясно. Чтобы сделать вопрос «еще более ясным», троцкисты доказывают в той же статье, что

> «советский аппарат, в котором ныне хозяйничают обуржуазившиеся бюрократы, уже имеет очень мало общего с пролетарским государством, выкованным Лениным и большевиками в 1917—1923 гг.».

Теперь дело совершенно ясно: конфликт на К.-В. ж. д. ни в коем случае не связан неразрывно с делом пролетариата, так как СССР теперь уже не является социалистическим государством. Где тут граница между социал-фашистами и троцкистами—мы предоставляем судить всяким Солнцевым и им подобным. А дальше идет в той же статье совершенно неприкрытый призыв к нападению на СССР. Оказывается, что этот конфликт должен показать рабочим, как советская «бюрократия», предавая социализм, вступает на путь национализма и буржуазного шовинизма, не останавливаясь перед ценой войны. Дальше дело уже изображается так, как будто мы пытаемся «силой оружия отстаивать железную дорогу, построенную во времена царизма, с целью проложить дорогу в Манчжурию русскому империализму». Это уже не «тезис Клемансо»,—это почище! Это прямое открытое предательство, открытый переход на сторону классового врага, на сторону империалистов, которые пытаются изобразить дело именно так, что русский «красный империализм» хочет проникнуть в Манчжурию. Троцкий пытался поправиться, написал специальную статью для «Fahne des Kommunismus»— «Советско-китайский конфликт и задачи оппозиции». Он де-

лает попытку отгородиться от подобных взглядов. Как же он отгораживается? Он опубликовывает какие-то выдержки из протоколов какой-то комиссии, в которой он якобы председательствовал, по вопросу о К.-В. ж. д. Он «разоблачает» политику Советского государства под видом критики вышеизложенных нападок на СССР. Делает он это для того, чтобы объяснить, как он сам пишет, почему ВКП(б) в настоящее время «ответственна за провокацию Чан Кай-ши».

Дополнением ко всему этому служат автобиографические излияния Л. Троцкого, печатаемые изо дня в день до сегодняшнего дня в буржуазных органах. Изо дня в день в «Нейе Фрейе Прессе»—органе австрийско-немецкой буржуазии, весьма сочувственно относящемся к фашистам и фашистскому перевороту в Австрии, поддерживающем «хеймвер»—и сегодня печатаются эти статьи Троцкого. Накануне антивоенного дня статьи Троцкого красовались рядом со статьями, направленными против коммунизма, против антивоенного дня. Это ли не позор для тех, кто считает Троцкого большевиком!

Когда мы перебираем прошлую историю революционного движения, одно имя напрашивается на сравнение—Лев Тихомиров. Лев Тихомиров был одним из видных деятелей партии «Народной воли»,—редактором «Вестника Народной воли». Под влиянием трудностей борьбы он изменил партии, он перешел—правда, не сразу,—на сторону врага, он выступил с ренегатскими статьями, которые оплевывали партию «Народной воли». Эта фигура другого Льва—Льва Тихомирова—невольно всплывает теперь, когда следишь за шагами, какими шагает Л. Троцкий. Если имя партии «Народной воли» и ныне, через 50 лет, является именем революционной партии, поднявшей знамя политической борьбы против царского самодержавия, то имя Льва Тихомирова вспоминается как имя политического мертвеца, ренегата. Вся оппозиция вынуждена и обязана определить свое отношение прежде всего и раньше всего к этим шагам. Допустимо ли не только одобрять подобные шаги, поддерживать их, допустимо ли умалчивать об этих шагах, как это делают некоторые вожди оппозиции? Больше того: можно ли оставаться большевиком, коммунистом и не протестовать против всех этих шагов, как против ренегатских, предательских, изменнических шагов, контрреволюционных шагов?

И эта критика шагов быстро шествующего по пути ренегатства Л. Троцкого идет теперь неудержимо среди бывших сторонников Троцкого, еще вчера остававшихся верными ему. Примерно месяца три тому назад Е. Солнцев писал своим друзьям о тех процессах, которые происходят среди троцкистов, о той переоценке Троцкого, которая сейчас происходит среди его сторонников.

> «Теперь о другом, исключительно важном вопросе—о вопросе о Л. Д. Тут нужны какие-то исключительные шаги, потому что он висит на волоске. В предыдущем письме я писал вам, что ему грозит опасность быть преданным собственными кадрами, теперь эта опасность стала реальной... По мере роста капитулянтских настроений растут и настроения, а порой и просто злоба против Л. Д. Одни идут естественно на это, другие искусственно взвинчивают себя... Люди, которые еще недавно не говорили о нем иначе как с благоговением и для которых цитата из его документов была решающим аргументом, в лучшем случае избегают разговоров о нем, в худшем—ведут разговоры об истерическом троцкизме, о середняке, о сотрудничестве в буржуазной печати, о том, что «он завел нас в тупик» и т. д. У одних «заговор молчания»... у других—резко враждебное: пусть, мол, сам расплачивается! Его судьба в его собственных руках, если он и его ближайшие друзья не хотят поворачивать вместе с нами, тем хуже для них». Мы держимся за него зубами, отстаиваем, как можем, всюду вопрос о нем выпячиваем, но все чаще натыкаемся на стену настроений такого рода, что «он, мол, человек конченный, надо с ним поскорее развязаться».

Мы убеждены в том, что никаким Солнцевым не удастся задержать этот процесс. Если Троцкий как политический деятель, даже по мнению его самых близких друзей, висит сейчас на волоске, то, надо думать, ближе к истине те его вчерашние друзья, которые считают, что Троцкий, как коммунист, как большевик,—«человек конченный».

Но как же,—спросят некоторые,—разве у Троцкого не осталось уже больше сторонников, разве не посылают еще и сегодня заявления в ЦК и ЦКК оппозиционеры о том, что они считают необходимым восстановление Л. Троцкого в партии? Да, такие заявления делаются.

Мы хотели бы, чтобы в этом деле была полная ясность. Со времени апрельской конференции отошло от оппозиции

несколько сот человек. Наибольший отход был связан с заявлением тт. Радека, Смилги и Преображенского (до настоящего времени вместе с ними отошло более 500 человек). Конечно Троцкий официально иначе не может расценивать заявления этих трех товарищей как «жалкий документ», покаянное заявление, «исключительный документ политического и нравственного перерождения» и т. п. Теперь Троцкий пытается утешить себя и своих друзей тем, что «Преображенский, Радек и Смилга давно уже представляют собой мертвые души». Скажите пожалуйста! А мы и не знали, что Троцкий является своего рода Павлом Ивановичем Чичиковым, торгующим мертвыми душами! Когда Троцкий представлял VI конгрессу Коминтерна заявление за подписью этих своих тогдашних товарищей, он ведь знал их очень хорошо. Это ведь только Павел Иванович Чичиков торговал мертвыми душами и записывал давным-давно умерших людей в списки купчих актов, которые он заключал при купле крестьян-крепостных. Троцкий занимается статистическими выкладками и уверяет, что не страшно, если отойдут не только сотни, но и тысячи,—так велика его уверенность в своих «кадрах». И в самом деле: не может быть страшно человеку, если у него за спиной такие кадры, как Лоре с его колбасниками или кондитерами, сам Макс Истмэн и сам Суварин на придачу с Вебером, Трэном, Пазом и пр., да еще такие большевики, как Тер-Оганесов или Гирчик. Как же, спрашивает он, недавно говорили о «сумерках троцкизма», о распаде троцкистской оппозиции, затем о разгроме и наконец о том, что «гроб и крышка троцкизму»? Ничего больше не останется делать Троцкому, как изображать веселую мину при весьма дурной игре, хотя он прекрасно знает, что и члены политически мертвой партии, как например партии русских меньшевиков, издают листовки, журнальчики, пророчат, угрожают—точь в точь, как члены троцкистской партии. Позвольте вам рассказать об этой игре словами того же самого проф. Солнцева. Мы приводим обширные выдержки из документа, написанного Е. Солнцевым. Письмо это относится к тому времени, когда появилось заявление Радека, Смилги и Преображенского. Оно вскрывает полностью то, что происходит в среде троцкистов; оно разоблачает политический смысл тех шагов, которые предпринимаются единомышленниками Солнцевых, подающими коллективные заявления в духе развиваемого им стратегического плана сохранения кадров троцкистов.

«ПОХАБНЫЙ ДОКУМЕНТ» Е. СОЛНЦЕВА

«То, о чем я писал месяца два назад,—пишет Солнцев,—как о возможной перспективе, стало фактом. Катастрофа разразилась. Господствующее настроение—паника и растерянность, поиски индивидуальных выходов из положения. Исключительно тяжелыми стали повсюду внутренние взаимоотношения, которые и раньше были не особенно хорошими. Неслыханное предательство тройки разорвало все моральные задержки и принципы, которые не позволяли делать некоторых вещей. Полное идейное и моральное разложение, никто больше никому и ни во что не верит. Создалась обстановка взаимного недоверия, групповых обсуждений, взаимной отчужденности и изолированности. Каждый боится, что его предадут, что другой забежит вперед, поэтому каждый сам стремится забежать вперед, чтобы не запоздать, чтобы самому по спинам других проскочить в партию. Прорваны все плотины. Даже люди, которые хорошо понимают, что левое крыло еще необходимо, что далеко не все еще сделано, что нужно кому-то оставаться доделывать, предпочитают, чтобы оставались другие. Основное опасение их в том, что чем меньше людей останется доделывать, тем меньше у них шансов на то, чтобы вернуться в партию, что последние, особенно если их будет мало, падут жертвой... Те немногие, которые не потеряли ни головы, ни взглядов, ничего сами сделать не могут, не могут даже приостановить паники. В Тобольске дрогнула еще одна группа, которая держалась до сих пор стойко, а теперь заявила о своем согласии с Ив. Ник. [1], который вообще стал дежурным вождем капитулянтов и точка зрения которого стала промежуточным этапом для тех, кто не может по разным причинам сразу повернуть на позиции тройки. Из этой всей обстановки, на причинах которой я не буду останавливаться, и надо исходить. Чтобы не дать катастрофе завершиться, нужны быстрые решительные и—потому что мы недопустимо запоздали—опасные и рискованные шаги. Еще месяц-два тому назад можно было бы с меньшим риском и на менее тяжелых позициях этот выход найти. Теперь надо итти на большее. То официальное письмо, которое вам посылается, есть то, на чем сегодня удается пока задержать публику. Я не согласен (как и некоторые другие) с рядом мест в письме, но на него пришлось пойти, потому что иначе был бы немедленный раскол. Как я понимаю тот шаг, который

[1] Речь идет очевидно об Ив. Ник. Смирнове, подавшем заявление в ЦКК вместе с Богуславским, А. Белобородовым, С. Мрачковским и др., — заявление, которое ЦК и ЦКК считают однако неприемлемым.

в этом письме предлагается, и почему я считаю, что нужно на него пойти? Дело не в тех, которые отошли. Дело в тех, которые остались. Если завтра Ив. Ник. или кто-либо другой напишет несколько более приличное заявление, чем тройка, он соберет не меньше трех четвертей оппозиции. Что Ив. Ник. напишет такое заявление, в центре которого будет вопрос о прекращении фракционной работы,—почти бесспорно. Если почему-либо он этого не напишет, то заявления (индивидуальные и групповые) такого рода посыплются из колоний. Такого рода шаг—отказ от фракционной работы—будет неизбежно ближайшим шагом, который будет сделан громадным большинством оппозиции. Так как в той форме, в какой это заявление будет написано Ив. Ник. или отдельными группами, оно будет для нас неприемлемым, то мы окажемся маленькой кучкой, отрезанной и изолированной от всего и всех, а для них этот шаг станет кратковременным этапом перед капитуляцией. Задача заключается, по моему мнению, в том, чтобы попытаться превратить этот шаг, которого мы предотвратить не можем, в маневр с нашей стороны, вроде того, какой был сделан 16 октября 1926 г. Думаю, что этим путем можно было бы временно приостановить или хоть ввести в известные границы нынешнее беспорядочное панническое отступление и взять инициативу в свои руки, хотя бы при помощи этого похабного шага... Я не возлагаю очень розовых надежд. Я вижу все отрицательные и опасные стороны, связанные с таким шагом, но у нас есть лишь два пути—или предоставить дело стихии и дать движению разложиться без остатка, или использовать те небольшие шансы, которые может дать такой шаг. Какие положительные результаты может дать этот шаг в случае, если его удастся проделать? Раньше всего, как я уже говорил, мы, хотя и на весьма похабных позициях, берем инициативу в свои руки, а инициатива бывает часто в отступлении важнее, чем в наступлении. Во-вторых, это дает шансы на то, что на этих позициях мы кое-кого сможем удержать. Уже самый факт, что будет сделан какой-то шаг сверху, что есть кто-то, кто думает о движении в целом, несколько ослабит панику и внесет успокоение, а задержать можно лишь на такой позиции, именно потому, что мы запаздываем и что дали отступлению зайти так далеко, его можно удержать лишь на очень далеких позициях. Надо задержать хоть здесь. Очень многие подпишут заявление об отказе от фракционной работы, независимо от того, кто его напишет, но одно дело—если оно будет написано Ив. Ник. или будет писаться индивидуальным и групповым путем, и другое дело—если этот шаг сделаете вы, Косиор, Окуджава, Муралов, Белобородов и т. д. В первом

случае оно становится наверняка шагом к ликвидации оппозиции, во втором случае оно может стать исходным маневром для ее сохранения. Какие опасности по этой линии? Основная опасность в том, что оно может быть не понято оппозицией и может, объединив капитулянтов, оттолкнуть верных платформе. Единственной гарантией может служить лишь то, что этот шаг будет сделан руководителями, которые сохранили доверие. Те, кто сразу не поймет смысла и значения маневра, и подымут крик, как это было с настоящим 16 октября, понемногу подтянутся. Это относится к нашему левому флангу, который витает еще в облаках, и в особенности к нашей молодежи, которая, как всегда, в утрированном виде повторяет добродетели и пороки старших... Надо очень бережно и осторожно относиться к ней, тем более, что капитулянты склонны их сделать главными козлами отпущения. Этих мы при некоторой осторожности не потеряем, зато многих удержим, а задержать надо хотя бы до осени. Осенью несомненно развернется большая драка в стране, а следовательно и в партии. Тогда возможны два варианта в ходе событий: либо... появятся шансы на то, что нам удастся на более выгодных условиях проскочить в партию всем течением, либо... мы опять вступим в бой. Именно поэтому нам важно многих удержать... Что касается тех кадров, которых задерживать не нужно, то мы и их ставим в более благоприятное положение, чем это было 16 октября. Мы выводим их из-под ураганного огня, не даем их изолировать, получаем передышку для перестройки рядов, получаем возможность немного выждать. Снова подчеркиваю—в нынешних условиях это опаснейший и рискованнейший шаг, это ход ва-банк, это почти авантюра, которая может ускорить гибель, если мы заранее не предвидим всех отрицательных сторон и не постараемся их преодолеть. Но... если мы этого шага не сделаем, гибель обеспечена. Помимо указанных надо предусмотреть еще одно важное обстоятельство: мы можем пообещать прекращение фракционной работы и на время замолчать; но этого не могут по своему положению сделать ни Л. Д., ни наши заграничные друзья. Может создаться опаснейший разнобой между ними, и именно надо, чтобы и они соответственно изменили свою тактику, приспособив ее к нашему шагу. Не отказываясь от критики, они должны смягчить формы ее, признать левые сдвиги, обещать, как в заявлении VI конгрессу, поддержку левых мероприятий, подчеркивать нашу историческую правоту, доказывать, что жизнь оправдала нас, что мы как раз за это и дрались, и т. д. Не знаю, удастся ли вам довести это до их сведения, не знаю также, удастся ли убедить в необходимости этого Л. Д., который очевидно очень слабо осведомлен о положении у нас. Надо сделать все, чтобы уломать его для спасения движения и его самого».

Надо ли добавлять что-нибудь к этому письму? Оно своей циничной обнаженностью говорит само за себя. Однако необходимо остановиться на этом письме потому, что оно освещает ряд шагов со стороны оппозиции последнего времени. Оно дает возможность большевистским элементам, подпавшим под влияние троцкистов, яснее видеть путь, на который привела их борьба против партии. Фракционная дисциплина фактически перестала существовать для троцкистов, как целого, уже давно. С точки зрения партии или фракции, троцкисты раскололись на целый ряд групп и группочек. Известны факты, когда среди двенадцати троцкистов наблюдалось четыре или больше течений. До поры до времени эта фракционная дисциплина удерживала даже тех, кто считал, что оппозиция неправа. Но чем больше развертывалась борьба, тем яснее становилась для все большего круга оппозиционеров, что их завели в тупик, что выходом из этого тупика может быть только безоговорочное признание своих ошибок, осуждение фракционной работы, полный организационный и идейный разрыв с троцкистами, обсуждение контрреволюционных шагов Троцкого, отказ от платформы, осужденной партией и т. д. Верхушка оппозиции себя утешала тем, что это только Ярославские и Молотовы могут современное состояние оппозиции изображать как развал, распад и т. п., как гроб и крышку для оппозиции. Но среди оппозиционеров есть все-таки часть бывших большевиков, которые заблудились, сбились с ленинского пути, но не могут шествовать с Троцким на всех его путях, не могут поддерживать ни новый, «августовский блок», ни его участие в буржуазной печати, ни его контрреволюционные выступления против антивоенного дня, ни его антисоветские лозунги, особенно выдвинутые им в конце 1928 г.

Вопрос о второй партии сыграл здесь совершенно определенную роль. Часть оппозиционеров искренно верила, что создание фракции не есть еще путь ко второй партии. Троцкисты упорно доказывали, что они не хотят создания второй партии и не замышляют такого дела. А между тем теперь уже документально можно доказать, что Троцкий в конце 1928 г. давал прямые директивы об организации второй партии. Такую директиву получил, например, Буду Мдивани в декабре 1928 г., о чем в ЦКК имеются

заявления от самих оппозиционеров, которые по этому вопросу были осведомлены Буду Мдивани[1].

Чтобы видеть, какова была установка у Троцкого в конце 1928 г. по этому важнейшему вопросу, достаточно ознакомиться с некоторыми его директивами, относящимися к тому времени. Троцкому тогда казалось, что «капитулянтские и предкапитулянтские настроения (а под ними подразумевались всякие попытки ликвидировать фракционную борьбу, признать свои ошибки и вернуться к партии.—*Е. Я.*) сочувствия не встречают». Жизнь показала, что это был один из самообманов, которым питал себя и которым обманывал других Л. Троцкий. Но какая была у него самого установка? У Троцкого была установка на неизбежность гражданской войны, на неизбежность ухода его в подполье. Он писал:

> «Далеко не все товарищи продумывают создавшуюся обстановку до конца под практическим углом зрения. Нам надо брать установку на худший вариант. Ни в коем случае нельзя считать, что дело само собой поправится, если мы «немножко поможем». Политика дальнего прицела требует преодоления кустарничества и партизанства. Дело надо ставить очень серьезно».

Как же предлагал «серьезно» ставить дело Троцкий, уверяя в официальных документах, что он является защитником «реформы» партии и советской власти? Он рассказывает о том, как он во время гражданской войны («на всякий случай») запасался фальшивым паспортом. Вот примерно так он оценивал положение в конце 1928 г.: советской власти конец, запасайся фальшивыми паспортами! Это есть последнее выражение паникерства, упадочничества, полного неверия в революцию. Поэтому он советовал своим сторонникам:

> «Может наступить момент,—он может наступить сравнительно скоро,—когда нелегальные базы понадобятся для всех пролетарских элементов партии. Такова возможная историческая тенденция нашего подполья. Сейчас на первом месте стоят для нас задачи пропаганды (включая и агитацию)... Но

[1] Да и Солнцев пишет в цитированном письме, что «генсек» троцкистов подписал документ от имени «всесоюзного центра» — «может быть и союза»: «Наш милейший старичок, — пишет Солнцев, — конечно подмахнул, не задумываясь, потому что все звучало очень «лево».

«Старичок» этот, как нам известно, Борис Эльцин, бывший в Москве генсеком троцкистов. Вот именно: лишь бы звучало очень «лево»! Ведь в этом вся суть троцкизма!

если классовый враг нас опередит, то наше подполье перерастет в подполье гражданской войны против победоносного термидора. Надо готовиться и к этому худшему варианту. Вот почему организационно-техническую работу надо ставить гораздо серьезнее, систематичнее, с большей конспиративностью, с более правильным разделением труда... При более благоприятном ходе развития это «подполье» растворится в возрожденной партии, при менее благоприятном ходе подлинная партия сплотится вокруг этого подполья...»

Если вспомнить, что термидорианцами Троцкий считал руководящие кадры нашей партии, советской власти и Красной армии, что и самую Красную армию он считал и считает термидорианской и т. п., то постановка в этих директивах вопроса о второй партии и о гражданской войне приобретает совершенно ясный смысл. Троцкий призывал свои кадры готовиться к гражданской войне и для этого создавать свою партию. В этих же целях Троцкий давал ряд указаний, как это дело надо делать. Некоторые из этих указаний также заслуживают внимания. Например, приблизительно около этого же времени Троцкий дает подробные директивы, в которых советует выставить самые демагогические лозунги, которые только можно придумать для того, чтобы поймать дурачков и сплотить вокруг троцкистов все элементы, какие можно сплотить вокруг враждебной ВКП(б) организации; особенно он рекомендует:

«обратить сугубое внимание на вопросы организационно-практические, строгое разделение труда, соблюдение правил конспирации, с отстранением неосторожных от работы. Связи, связи, связи». «Молодые товарищи,—поучает он,—не соблюдают повидимому элементарных правил конспирации (сужу по отдельным частным признакам). Надо бы дать на этот счет краткую инструкцию, использовав из архивов старые материалы; надо бы выделить инструкторов, чтобы подтянуть в этом отношении публику».

Пусть теперь Троцкий «подтягивает» Пазов и Трэнов, как троцкисты пытались подтянуть для конспиративной работы против нашей партии и Коминтерна иногда неплохую молодежь, сбитую с толка демагогическими обещаниями лидерами оппозиции, их бессовестной критикой недостатков и трудностей, которые переживает страна пролетарской диктатуры. Пусть попробуют перед лицом такого факта опровергнуть теперь, что дело шло о создании второй партии, что массу рядовых оппозиционеров их вожди вели с завязанными глазами к барьеру гражданской войны против рабочего класса, против ВКП(б), против советской власти. Удивительно ли, что теперь, когда эти рядовые оппозиционеры многое узнают, они начинают смотреть иными глазами на свой вчерашний день.

А с другой стороны, ведь они видят невиданное в мире развертывание революционной энергии рабочих масс, необычайный энтузиазм масс в деле социалистического строительства. Они видят такой размах социалистического строительства, о котором они и мечтать не могли. Удивительно ли, что эти рядовые оппозиционеры массами начинают покидать своих вождей? И, если вожди не возвращаются с ними в партию, они идут через голову вождей к партии. Плохо, что они это делают иногда непоследовательно, трусливо, еще оглядываясь на какую-нибудь Марию Михайловну или Шуру из оппозиции, опасаясь того, что она, эта Мария Михайловна или Шура, будет осуждать капитулянтский шаг. С такими непоследовательными людьми нам делать нечего. Но с каждым днем размежевание среди самих троцкистов неизбежно будет итти все серьезнее и все полнее. Мы были бы очень уж плохого мнения об умственных способностях и политическом уровне троцкистов, если бы после опубликования вышеприведенного письма Солнцева кто-нибудь поверил Троцкому или кому другому, что среди подлинных троцкистов есть на самом деле сколько-нибудь значительные кадры, имеющие устойчивую, принципиально-выдержанную точку зрения. Тем более, что нам известны заявления о готовности подписать любое заявление партии, если это заявление будет исходить от того или иного лидера. Мы сумеем оценить такую беспринципность.

Каждый партиец поймет цель того маневра, который сейчас пытаются проделать Раковский, Сосновский и другие, пославшие заявления в духе той «похабной позиции», о которой пишет в этом письме Солнцев Раковскому. Для чего делается такое заявление? Оказывается для того, чтобы перебить дорогу другому вождю оппозиции, который может собрать три четверти оппозиции на заявлении о прекращении фракционной работы. Плохо они знают партию, если думают, что на этом можно обмануть ее. Партия имеет доста-

точно опыта, достаточно видела изменнических шагов со стороны оппозиции, нарушения обещаний, чтобы быть обманутой такими маневрами, о которых пишет Солнцев, и которое пытаются проделать сейчас некоторые вожди оппозиции. Несмотря на то, что у оппозиции имеются такие замечательные стратеги, как Солнцев, которые могут разрабатывать замечательные стратегические планы, вроде вышеприведенного, вся эта стратегия ясна будет теперь каждому рабочему[1]. Эти господа рассчитывают на худшее—на возможность гражданской войны, на возможность драки. Такие люди идут в партию не помогать нам, они идут в расчете на то, что «осенью несомнено развернется большая драка в стране, а следовательно и в партии». Они могут быть уверены, что классовая борьба пролетариата, которую партия вела в эти годы, будет продолжаться, независимо от того, какое сделают заявление те или иные троцкисты! Если они рассчитывают на драку, то мы им предоставим драться самим между собой сколько угодно! Им не дождаться того, чтобы «проскочить в партию всем течением». Троцкисты, подобные Е. Солнцеву, хорошо делают, что предупреждают нас о своих планах. Мы будем знать, о чем они думают, на что рассчитывают. Если их заявления, которые они делают, по их собственному признанию, являются «ходом ва-банк», «почти (!!) авантюрой, которая может ускорить гибель»,—то этот ход ва-банк, эта авантюра будет бита так же, как и все другие авантюры троцкистов.

Точно так же наивно думать, что нас могут обмануть маневры троцкистов за границей, даже если бы удалось Солнцеву «уломать» Троцкого, чтобы он смягчил формы борьбы, «признал» левые сдвиги и пр., и т. п. Мы можем лишь поблагодарить Е. Солнцева за четкую литературную формулировку тех планов, какие питает головка троцкистов, тех перспектив, которыми они живут. Это—перспективы Тихомировых, это—перспективы ренегатов, это—перспективы политических мертвецов, которые очень быстро заканчивают свой путь, это—перспективы достаточно непривлекательные для того, чтобы они могли увлечь за собой те не окончательно еще погибшие для рабочего класса элементы, которые еще имеются среди троцкистов. Партия не гонится за количеством бывших троцкистов, которые возвратятся в ее ряды. Рост партии идет за счет других элементов: он растет за счет рабочих с производства, главным образом, а не за счет тех людей с шатающимися политическими позициями, которые составляли главные кадры троцкистов. Партия поможет вернуться в свои ряды тем товарищам, которые годами связаны были с партией, которые исправили свою ошибку, осознали и открыто, искренне осудили эти ошибки. Но партия никому не позволит проделывать маневры с целью протащить в партию целое течение троцкистов. Партия зорко будет присматриваться к каждому, кто, отойдя от партии, вместе с Троцким хочет вернуться теперь в ее ряды. Троцкисты партии не нужны, ей нужны большевики.

[1] Даже неопытный читатель обратил, нероятно, внимание, что Солнцев пытается «подражать» в этом документе Ленину в вопросе о «похабном мире». Но то, что большевики допускали по отношению к врагу, Солнцев рекомендует по отношению к большевикам. Такова «маленькая разница» плагиатора!

НАШ ПУТЬ

Партия живет напряженной жизнью, как никогда. Она беспощадно очищает свои ряды от всех негодных, непролетарских, некоммунистических, обюрократившихся, разложившихся, классово чуждых элементов. Она ведет борьбу на два фронта, она дает беспощадный отпор правым оппортунистам. Пусть не утешают себя иллюзиями троцкисты, что они представляют собой какое-то «левое крыло». В среде троцкистов есть огромный процент самых доподлинных правых, еще недавно ставивших ставку на отруба, на хутора, на богатого зажиточного крестьянина, на кулака, фермера (как и сам Троцкий, а с ним Сосновский и другие в конце 1925 г.). В ее среде имеется целая группа правых националов-уклонистов, взгляды которых были осуждены партией при Ленине. Партия ведет беспощадную борьбу с правыми течениями, и троцкистам ее не обмануть своими «левыми» фразами. Партия дает беспощадный отпор всякой «левой фразе» в собственных рядах, ибо эта левая фраза прокладывает дорожку троцкистским настроениям. Партия воспитывает рабочих на непримиримом отношении ко всяким идейным уклонам от партийной линии, от ленинизма. В партии, как никогда, развернута самокритика. Партия беспощадно борется со всякими элементами разложения, со всякими проявлениями оппортунизма, правого реформистского толка и

левых заскоков. Партия никому не позволит возвращаться в ее ряды для того, чтобы,—как это делает в своем заявлении в ЦК и ЦКК группа оппозиции,—по-троцкистски, по-меньшевистски противопоставлять аппарат партии и советской власти массам, спекулировать на зарплате, возрождать дискуссию по вопросу о строительстве социализма в одной стране, защищать ренегатов, вроде Л. Д. Троцкого, спекулировать на том, что они «помогают» бороться с правыми. Тем более партия не позволит никому протаскивать под видом заявления о прекращении фракционной работы план, изложенный Е. Солнцевым и осуществленный им совместно с целой группой оппозиционеров, приславших свои заявления в ЦК и ЦКК за подписью Раковского, Сосновского и др.

У нас нет никаких оснований пересматривать решения XV съезда—правильные решения, абсолютно подтвержденные всем ходом дальнейшей борьбы. Партия, как и раньше, будет требовать от всех, кто, уйдя в троцкистское или сапроновское подполье, хочет вернуться в партию,—полного разрыва с оппозицией, полного идейного и организационного разоружения, безусловного размежевания от антипартийных, осужденных партией платформ, безусловного отказа от них, заявления о полной готовности бороться с троцкизмом, сапроновщиной, со всякими антипартийными течениями. Всякий рядовой оппозиционер поймет, что если вожди оппозиции не могут полностью прекратить свою фракционную борьбу, если они делают маневры для того, чтобы обмануть партию, для того, чтобы снова начать драку, для того, чтобы сохранить свои кадры, то ему с ними не по пути.

Если фракционная группа не идет на необходимые для партии шаги, то сознавший свои ошибки, свою вину перед партией, свою неправоту, может и должен сделать необходимые шаги индивидуально, один с полным, безоговорочным признанием линии партии и Коминтерна, с полным идейным и организационным разоружением. Партия слишком много затратила сил для борьбы с троцкистами, чтобы нуждаться еще в новой дискуссии с остатками троцкистской оппозиции.

У партии четкий ленинский путь. На ближайшие годы он выражен в пятилетнем плане социалистического строительства. Еще недавно один из видных оппозиционеров (И. Н. Смирнов) писал по поводу этой пятилетки, что «ни объем затрат, ни их направление не вызывают у нас поправок». Если после этого непоследовательные люди пытаются все же сделать серьезные поправки к этому плану, мы можем пройти мимо них. Путь наш ясен. Он выражен в точных цифрах, в точных политических и практических заданиях. Нам надо мобилизовать все силы рабочего класса и лучшие силы трудовых масс крестьянства для выполнения этого плана. Нам надо твердо держаться генеральной линии партии, четкой линии классовой борьбы, ибо самое выполнение пятилетнего плана не возможно без такой четкой линии классовой борьбы. Но именно поэтому нам нужно дать серьезный отпор всяким идеологическим уклонам. Нам нужно очень внимательно присматриваться к людям, которые против нас вчера боролись, а сегодня хотят нам помогать: видеть и знать, с чем они идут к нам на помощь. Людям, которые идут с «троцкистскими манерами», мы сумеем дать отпор, указать им их настоящее место. И какие бы ни были у нас трудности (а их будет много), мы их преодолеем тем лучше, чем большая четкость будет в нашей идеологической борьбе.

●

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДВА ДОКУМЕНТА[1]

1. Надо ясно понять, что откол капитулянтов (Зиновьева—Каменева) от оппозиции ставит на проверку все элементы международной оппозиции. С оппозицией ВКП или с капитулянтами. Так и только так должен теперь ставиться вопрос по отношению к каждой отдельной группе в Европе и к каждому отдельному оппозиционеру. С капитулянтами надо рвать беспощадно, от колеблющихся и выжидающих надо открыто отмежеваться. (Подчеркнуто везде нами, за исключением особо оговоренного. Ред.).

2. Измена Зиновьева и Каменева есть исторический факт. Надо теперь же извлечь из этого факта все необходимые уроки на будущее.

3. Поведение М. Р.[2] в этом отношении кажется двусмысленным. М. фактически выгораживает Зиновьева—Каменева, доказывая, что они немногим хуже других, т. е. пытаясь стереть грани между революционерами и капитулянтами. Эта фактическая поддержка капитулянтов пытается опереться на первое и второе заявления левого крыла. Оба эти заявления заключают в себе действительно чрезвычайные уступки. Но эти уступки—Зиновьеву и Каменеву. Это была последняя попытка избежать раскола (некоторые товарищи в нашей собственной среде надеялись на возможность сохранить единство ценою уступок Зиновьеву—Каменеву). Как только разрыв совершился, оппозиция, в противовес капитулянтам подала заявление Смилги, Муралова, Раковского, Радека. После этого не делать различия между оппозицией и капитулянтами значит уже сознательно поддерживать капитулянтов.

4. Прилагаемое заявление руководителей оппозиции Исполкому Коминтерна[3] не может уже оставить никакого места сомнениям и колебаниям. Если М. и после этого будет сближать нас с З. и К., то мы должны будем относиться к М. как к сознательному противнику.

5. Заявление Исполкому Коминтерна с прилагаемыми при сем краткими биографиями подписавшихся надо распространить как можно шире. Надо поставить перед каждой оппозиционной группой вопрос, кто—за, кто против. Надо разоблачить маскарад, в силу коего кое-кто из оппозиции попытается под предлогом борьбы с «троцкизмом» присоединиться к капитулянтам.

6. Именно по этой линии нужно теперь определить свое отношение к Веддингу, Пфальцу, Зулю и проч.[4].

---

[1] «Два документа» представляет собой директивные письма троцкистского центра пересланные заграничным сторонникам Троцкого и К°.

[2] «М. Р» — «Маслов», «Рут» (Фишер). Прим. ред.

[3] По наведенным справкам, никакого «заявления» в КИ не имеется. Прим. ред.

[4] Оппозиционные округа в Германии. Прим. ред.

«Шарлатанство борьбы с «троцкизмом» нужно теперь окончательно разоблачить, как прикрытие оппортунизма (Сталин) и центристского капитулянтства (Зиновьев)».

7. Тот же критерий надо применить в отношении французской группировки. Если Трэн и Сюзанна Жиро будут колебаться между капитулянтством и так называемым «троцкизмом», то придется предоставить их собственной участи. Во всяком случае мы сможем итти рука об руку с этой группировкой лишь в том случае, если она ясно, точно, беспощадно отмежуется от капитулянтов.

8. Можно не сомневаться, что группа «Против течения» пойдет с нами [1]. Если и Трэн—Жиро пойдут с нами, то нужно все материалы впредь до объединения передавать обеим группам. Если же Трэн—Жиро будут колебаться под предлогом борьбы с «троцкизмом», тогда нужно твердо поставить ставку на группу «Против течения» как на единственную группу наших действительных единомышленников. В этом случае жизнеспособные группы Трэн и Жиро раньше или позже придут к нам.

9. В случае правильной позиции группы Трэн—Жиро слияние обеих групп желательно как можно скорее. При этом с нашей точки зрения не может быть и речи об одностороннем требовании группы 1926 г. по отношению к группе 1923 г. о признании своих ошибок, как это предлагал делать С. Крайне желательно привлечение к работе в журнале «Против течения» Росмера [2].

10. Необходимо правильное отношение к группе Монатта [3]. С революционными анархо-синдикалистами нам придется итти в блоке. От партии их оттолкнула преступно-нелепая борьба против «троцкизма» (1923—1924 гг.). Сливать наши ряды с анархо-синдикалистами мы не можем. Но это—союзники, а не враги.

11. Мы не видели еще ни одного номера журнала Трэн—Жиро. Поэтому не даем отзыва. Наладьте правильную присылку всех изданий. Мы не видали последних изданий (строчка не разборчива.—Ред.). С нами серьезны, если судить по первым номерам бюллетеня [4]. В ряде вопросов (особенно англо-русский комитет) Суварин занял в корне неправильную правую позицию. Подход Суварина к английскому рабочему движению нередко ошибочен. Суварин склонен заменять классовый анализ политики психологизмом. Но это даровитый историк и революционер. Мы не теряем надежды на то, что его путь сойдется с нашим к большей выгоде для французского рабочего движения.

12. В отношении чехо-словацкой оппозиции необходимо в короткий срок добиться ясности. И здесь лучше иметь небольшую, но тесно сплоченную руководящую группу, чем бесформенный блок с правым крылом, шатающимся туда и сюда. Ваше сообщение, что Н. [5] больше руководствуется шкурными соображениями, чем политическими

[1] Группа «Против течения» — крайняя правая, оппортунистическая оппозиционная группа (Люси Койар, Лорио и др.) Прим. ред.

[2] Росмер — исключенный из партии правый с синдикалистским налетом. Прим. ред.

[3] Тоже правый. Прим. ред.

[4] Речь идет об органе Суварина, махрового правого ренегата. Прим. ред.

[5] Очевидно Нейрат. Прим. ред.

(если только вы не преувеличиваете), говорит о том, что нам с Н. не по дороге. Рвать зря с кем бы то ни было—преступно, но еще преступнее цепляться за отдельных людей, если и теперь, после капитуляции З. и К., они все еще будут шататься и вилять.

13. Нельзя ли добиться того, чтобы бельгийский ЦК издавал для сведения партии наши материалы. Насколько мы знаем, этот ЦК настроен неопределенно буферно. Нельзя ли на него нажать снизу, найдя там точку опоры. Необходимо обратить сугубое внимание на Бельгию, не полагаясь однако на буферный ЦК, а стремясь создать для себя надежную опору внизу. Такое поручение надо дать французским единомышленникам.

14. В Голландии печатались раньше наши документы. Как обстоит дело теперь?

15. В заключение еще раз по поводу вопроса: одна или две партии? М. и Р. думают, повидимому, что мы—против раскола, ввиду специфических условий СССР. Это—неверно. Мы против второй партии и против IV Коминтерна—самым непримиримым образом, причем исходим из интересов международного большевизма. Специфические условия СССР мы оцениваем также под международным углом зрения. С точки зрения международного рабочего класса в целом оппозиция поставила бы себя в безнадежное положение секты, если бы позволила сдвинуть себя на позицию IV Интернационала, враждебно противостоящего всему тому, что связано с СССР и Коминтерном. Дело идет о завоевании Коминтерна. Разногласия достаточно глубоки, чтобы оправдывать существование левой фракции. Но эта фракция есть в данный период орудие воздействия на компартию, т. е. на ее пролетарское ядро.

●

ПЕТРУ

1. Что является основной задачей оппозиции в секциях Коминтерна? Завоевание компартией изнутри. Если коммунисты завоевали большинство германской независимой и французской соц. партии, то нет никаких оснований думать, что оппозиция не сможет при правильной политике завоевать пролетарское большинство нынешних компартий.

2. Правильная политика оппозиции по отношению к компартии собственной страны предполагает правильное отношение к Коминтерну, ВКП(б) и СССР. Надо отдать себе ясный отчет в конкретных противоречивых особенностях нынешнего переходного состояния, не принимая совершающегося уже за совершенное.

3. Исходить из того, что Термидор совершился в СССР—неправильно; это значит облегчать его совершение. Классовые силы не сказали еще своего решающего слова. Политика международной оппозиции должна быть направлена на то, чтобы вместе с оппозицией ВКП помешать дальнейшему развитию Термидора и вернуть утерянные пролетариатом позиции.

4. Мелкобуржуазные элементы ВКП руководят партией и государством, но они вынуждены опираться на рабочий класс и противо-

стоять мировому империализму. Они идут на уступки буржуазии. Но более крутой натиск буржуазия может создать в партии решительный сдвиг влево. Ни один процесс еще не завершен.

5. СССР и при данном, мелкобуржуазном, руководстве играет революционную роль в международном масштабе. Существование СССР являлось все время источником питания китайской революции. Руководство ВКП обрекло китайскую революцию поражениям. Надо бить по руководству ВКП, не противопоставляя себе СССР[1].

6. Это относится к ВКП, которая все более сливается с государством, и к Коминтерну. Если оппозиция просто противопоставит себя СССР, как буржуазному государству, ВКП и Коминтерну, как мелкобуржуазной партии, она превратится в секту. Надо вести борьбу за овладение ВКП и Коминтерном.

7. Это означает для данного периода: не вторая партия, а фракция, организованная в такой степени, чтобы обеспечить возможность систематического воздействия на партию.

8. Приведенные выше соображения, как и свежий опыт в Германии (Альтона), говорят против выставления самостоятельных кандидатур. Нельзя ломать всю линию из-за проблематических мандатов.

9. Ошибочным является создание «Союза левых коммунистов»[2]. Имя оппозиции достаточно популярно и имеет международный характер. Имя «союза» ничего не прибавит, но может[3] стать псевдонимом второй партии.

Есть много оснований думать, что недостаточное понимание необходимости бороться за завоевание партии изнутри продиктовано теми же тенденциями, которые раньше вели к отрицанию политики единого фронта, и работы в профсоюзах.

10. Вопрос о самостоятельной ежедневной газете решается под тем же углом зрения: такая газета может сыграть громадную роль как орудие систематического воздействия на партию и наряду с этим, но во вторую очередь—на беспартийную массу. Но неправильно поставленная газета может ускорить отрыв оппозиции от партийных рабочих и превращение ее в секту.

11. Отношение М. и Р.[4] к оппозиции ВКП представляется на основании имеющихся данных скорее «маневренным», чем принципиальным. Основная задача М. и Р.—понизить авторитет оппозиции в целом. Ближайшая же задача—загородить косвенно капитулянтов (Зиновьева, Каменева), доказывая, что и другие не лучше их. Такая позиция придает М. вид строгого и неподкупного судьи, а на деле есть смычка с капитулянтами. Отнюдь не обостряя отношения без нужды надо дать отпор этим маневрам, разъяснив их скрытый смысл (устно или путем писем, лишь в случае безусловной необходимости—печатно).

[1] Последние четыре слова подчеркнуты в оригинале письма. Прим. ред.
[2] «Идея» германских ренегатов. Прим. ред.
[3] Подчеркнуто в оригинале письма.
[4] Маслов, Рут Фишер. Прим. ред.

12. Необходимо широко опубликовать заявления 4 (Смилга, Муралов, Раковский, Радек) на XV съезде и особенно заявление ссылаемых Исполкому Коминтерна, разъяснив, что это заявление исходит от руководителей оппозиции 1923 г., плюс Смилга, соединившийся с этой группой.

13. Борьба с так называемым «троцкизмом» есть тот крючок, при помощи которого Сталин тянет Зиновьева, а Зиновьев—своих «левых» (Сафарова и др.). Поскольку М. тоже еще висит на этом крючке, он вынужден подкрашивать капитулянтов, доказывая, что они немногим хуже других.

14. Необходимо издать как можно шире на разных языках письмо в Истпарт, посвященное вопросу о «троцкизме».

15. Препровождаемые при сем письма о заявлениях Зиновьева и Лашевича по поводу «троцкизма» (письмо Троцкого, Пятакова, Преображенского и др.) не предназначаются пока для печати; их нужно использовать для информации.

16. Отрадное впечатление производит французский орган «Против течения»[1]. К сожалению мы получаем лишь случайные номера (1 и 4). Мы не получили также платформы французской оппозиции. Редакционные статьи хороши. Не совсем понятно, почему редакция оговаривается, что несет ответственность только за редакционные статьи. Редакция может и обязана нести ответственность за все статьи. Орган фракции должен отличаться полным идейным единодушием.

17. В связи с развитыми выше принципиальными соображениями об отношении оппозиции к СССР, необходимо сделать несколько замечаний по поводу статьи «Возвращение тех, которые видели» (№ 4, стр. 8) и других статей, посвященных внутреннему положению СССР.

Передовая статья № 1 совершенно правильно говорит, что «разоблачать оппортунистическую политику ни в коем случае не значит служить службу буржуазии». Но крайне важно показать читателю в каждом отдельном случае тот угол зрения, под которым мы подходим к внутреннему положению СССР. Коммунисты капиталистических стран должны всегда подчеркивать 3 момента:

а) даже при оппортунистическом руководстве советское государство дает рабочим и крестьянам неизмеримо больше, чем давало бы буржуазное государство при том же уровне производительных сил;

б) главной причиной величайших внутренних трудностей в СССР являются недостаточная активность европейского пролетариата и недостаточная боеспособность европейских компартий;

в) европейская социал-демократия (меньшевизм), злорадно подхватывающая всякие данные о внутренних трудностях СССР, несет главную долю ответственности за эти трудности.

18. Конгресс Профинтерна открывается 15 марта. Нужно сейчас же поставить этот вопрос в центре внимания:

а) сделать все, чтобы оппозиционные делегаты попали на конгресс;

[1] Упомянутое издание крайних правых. Прим. ред.

б) подготовить принципиальные тезисы и практические предложения, основанные на профсоюзном опыте данной страны.

Нельзя терять ни одной минуты, так как времени осталось крайне мало.

19. Необходимо теперь же начать подготовку к конгрессу Коминтерна:

а) надо подготовить тезисы по всем вопросам порядка дня конгресса так, чтобы в совокупности своей эти тезисы составляли платформу международной коммунистической левой (оппозиции);

б) надо поднять широкую кампанию по поводу исключенных оппозиционеров во всем Коминтерне и по поводу сосланных в СССР;

в) надо приступить к выработке программы Коминтерна (программа Бухарина есть плохая программа национальной секции Коминтерна, а не программа мировой коммунистической партии) («Правда» 15/I 1928 г.).

●

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ Ц. О.

ОТ РЕДАКЦИИ

«Правда» в № 13 от 15 января 1928 г. поместила директивы троцкистов, направленные против партии и Коминтерна и, с другой стороны, атакующие тт. Каменева и Зиновьева как «изменников». Мы получили от этих последних «письмо в редакцию», которое считаем необходимым поместить на страницах Ц. О. Редакция с удовлетворением констатирует, что Каменев и Зиновьев делают этим письмом решительный шаг, который облегчает возвращение в партию всех, стоящих на той же позиции.

●

Два документа, опубликованные в номере «Правды» от 15 января 1928 г., 1) настолько неправильны по существу развиваемых ими взглядов, 2) предлагают оппозиционным элементам Коминтерна настолько ложный путь, 3) способны поэтому принести столь существенный вред делу большевизма и 4) сверх этого содержат столь искаженное «объяснение» нашей позиции, что мы считаем своей обязанностью ответить немедленно. Ответить тем более необходимо, что за границей вокруг этих вопросов поднята целая кампания, своекорыстно и широко используемая мировой буржуазией и социал-демократией.

Перед интересами дела должны отступить на задний план все другие соображения.

I.

Мы разошлись с группой Л. Д. Троцкого непосредственно по вопросу о полном и действительном подчинении XV съезду. Или подчинение всем требованиям XV съезда и твердое решение сработаться с большинством партии, или путь второй партии,—вопрос стоял и стоит только так. От этого никуда не уйдешь. Тот, кто и теперь после XV съезда не видит, что вопрос стал и стоит именно так,—тот осужден делать все бо́льшие ошибки.

Если бы наш категорический отказ итти по пути двух партий явился для наших бывших товарищей по блоку неожиданностью и не был плодом глубокого убеждения, выросшего на основе всего опыта двухлетней борьбы,—словечки вроде «центристское капитулянтство» и т. п. имели бы хоть какой-нибудь политический смысл. На самом деле они лишены всякого смысла.

Доказательство заключается хотя бы в письме нашем к Л. Д. Троцкому, написанном в августе 1927 г. (всякий, кто следил за историей внутрипартийных отношений, поймет важность этой даты). Это письмо имело своей задачей выяснить, существует ли полная солидарность в среде руководителей оппозиции по вопросу о необходимости дать решительный отпор тенденциям ко второй партии, обозначившимся уже тогда кое-где на периферии оппозиции.

Сказано в этом письме следующее:

«Устравить» вопрос об исключении нашей группы из партии, «отвлечься» от него при решении вопроса тактики сегодняшнего дня могут только: 1) люди, для которых вопрос о второй партии в глубине их сознания решен положительно и которые, решив его для себя, более или менее терпеливо дожидаются, когда до этого же вывода «доплетутся» другие, не отказывая себе в удовольствии на каждом данном этапе борьбы «подталкивать»—путем обострения ситуации—к желанному выводу или 2) люди, впавшие в отчаяние и раздражение от крушения своих надежд на блок с правящей группой и готовые перенести свое озлобление с этой группы на всю партию. Подавляющее большинство оппозиции—в частности и в особенности в ее рабочем ядре,—конечно застраховано от подобной легкомысленной и авантюристской тактики. Гарантия этого в том, 1) что ядро оппозиции вступило на путь борьбы исключительно в результате принципиального расхождения с большинством и ведет свою борьбу ради убеждения большинства партии; в том, 2) что оно знает, что никакого другого орудия для продолжения Октябрьской революции, кроме рабочих, собранных в ВКП(б), не существует; в том, 3) что это ядро понимает, что исключение из партии оппозиции [1] обозначает на деле создание второй партии и неизбежность провозглашения неудачи, краха и конца Октябрьской революции... Вне ВКП(б) нашим ленинским идеям грозит только одно—вырождение и гибель. Если они могут вообще восторжествовать, то только в ВКП(б),—как она исторически сложилась и существует,—и нигде более. Кто этого не понял, или кто это забыл, или кто к этому относится легкомысленно, тот наше дело—дело защиты ленинизма в СССР и в мировом рабочем движении—может погубить, но не может привести к победе».

Так писали мы Л. Д. Троцкому 15 августа 1927 г., на другой день после июльско-августовского пленума, еще за несколько месяцев до съезда, т. е. в такой момент, о котором никто не может сказать, что это был момент самого резкого нажима на оппозицию (наоборот, пленум, как известно, кончился оставлением в рядах ЦК и Троцкого и Зиновьева). В декабре, когда по всей обстановке надо было делать решительный выбор, мы и сделали из приве-

[1] Дело шло об исключении оппозиции как целого течения.

денного анализа единственно возможный вывод: мы предложили всем нашим единомышленникам подчиниться на деле и до конца всем требованиям съезда, как бы суровы они ни были.

К тому анализу, который дан в этом августовском письме по вопросу о второй партии, необходимо добавить, что теперь уже должно быть очевидно для всех: весь опыт двухлетней фракционной борьбы доказывает неопровержимо, что гибелен не только непосредственно путь второй партии, но что длительное существование оформленной фракции, противопоставляющей себя партии по основным вопросам, противоречит законам осуществления пролетарской диктатуры, что отказ от такой борьбы безусловно диктуется коренными интересами диктатуры пролетариата.

Между тем авторы директив не только не обнаруживают понимания этого важнейшего вывода из истории двухлетней борьбы, но отказ от фракционной борьбы в известном заявлении «121» объявляют лишь «уступкой Зиновьеву и Каменеву». Более того, оба опубликованных новых документа построены целиком на идее продолжения фракционной борьбы. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что после двух лет острейшей фракционной борьбы, после того, как эта борьба вышла на улицу, после того, как вся эта борьба привела к решению XV съезда об исключении из партии всей оппозиции, сохранение фракции, продолжение фракционной работы политически равносильно второй партии.

В декабре 1927 г., во время съезда, вопрос стоял так: капитулировать перед идеей ВКП(б) или капитулировать перед идеей второй партии. Мы капитулировали перед ВКП и считаем это единственно правильным выходом из тяжелой и затянувшейся борьбы, ибо вторая партия в условиях диктатуры пролетариата не может быть не чем иным, как игрушкой в руках мелкобуржуазной стихии, как орудием разложения диктатуры, как помехой на путях социалистического строительства.

II.

В одном только случае шаги по пути второй партии имели бы оправдание с точки зрения пролетарской революции и были бы даже прямо обязательны для большевика: в том случае, если бы он пришел к убеждению, что «термидорианские» тенденции, несомненно имеющиеся в стране, одолевают партию и власть, что рабочий класс утерял руководство революцией, что Октябрьская революция исчерпала себя, и СССР перестал быть движущей силой мировой революции. Никогда, даже в самые острые моменты фракционной борьбы, мы не усваивали себе подобной точки зрения. Но подобные взгляды, это—та идейная западня, к которой неизбежно сама себя толкает всякая группа, непримиримо противопоставляющая себя ВКП. Гибельность идеи второй партии в наших условиях в том, между прочим, и заключается, что, в поисках идейного оправдания своей непримиримости по отношению к ВКП, группы, ставшие на этот путь, неизбежно должны извращать оценку всех движущих сил революции, всего соотношения классов, всего соотношения между СССР и мировым рабочим движением. Сознание этой коренной политической опасности играло немалую роль в нашем политическом разрыве с группой Л. Д. Троцкого. И мы не можем не сказать, что, к сожалению, подтверждение правильности наших опасений пришло даже раньше, чем можно было ожидать: опубликованные документы целиком их подтверждают.

Авторы «директив» рекомендуют коммунистам капиталистических стран всегда подчеркивать, что «даже при оппортунистическом руководстве советское государство дает рабочим и крестьянам неизмеримо больше, чем дало бы буржуазное государство при том же уровне производительных сил».

Это—замалчивание основного, принципиального различия между «советским государством» и «буржуазным государством». Сила и значение СССР для мирового рабочего движения в том, что он осуществляет диктатуру пролетариата, строит социализм, является движущей силой мировой революции. Умолчать об этом в «директивах» коммунистам капиталистических стран, ограничившись указанием, что «советское государство дает больше рабочим и крестьянам, чем дало бы буржуазное государство», означает, в лучшем случае, сползти с точки зрения большевизма на точку зрения дюжинного «левого» трэд-юниониста. Ибо только Персели способны применять к СССР этот «простой» критерий («кто больше дает?»), который они прилагают и для сравнения положения рабочих, скажем, в Англии и Америке, и вся глубокая неправильность которого (критерия) целиком вскрывается, если только попробовать приложить его к положению рабочих в Советском Союзе например в период 1918—1921 гг.

Европейские коммунисты, которым предложен этот совет, если бы они действительно приняли его, уподобились бы дюжинным благожелательным «гостям» из какой-либо с.-д. или кооперативной делегации, посещающим наш Союз. Что «левого» в этой точке зрения?

Это уже не срыв с линии, который бывал и у нас в силу логики фракционной борьбы; это—новая, неправильная, вредная линия.

Столь же неправильно и вредно второе новшество, изобретенное авторами директив: характеристика власти в СССР. Директивы утверждают, что «партией и государством» в СССР руководят «мелкобуржуазные элементы», «но они вынуждены (!?) опираться на рабочий класс». К кому относится эта характеристика? К правительству Макдональда? К с.-д. правительству Эберта? Или к правительству СССР? Ведь здесь авторы директив явно сбились на ту мысль, что диктатуры пролетариата в СССР уже не существует. Если отнестись к этой формуле серьезно, если подойти к ней, как к продуманному, зрело взвешенному, а не продиктованному горечью поражения во внутрипартийной борьбе, политическому утверждению, то ведь это и есть полная формула законченного термидора, т. е. такая историческая и политическая неправда, от которой как будто открещиваются и сами авторы документа, но к которой они влекутся неизбежно логикой своей позиции. Вот яркий образчик того, как неправильная установка по отношению к партии неизбежно влечет за собою абсолютно неправильную, толкающую на губительный путь, оценку всех основных вопросов, совершающихся в партии и государстве.

Логика этого положения заставляет авторов директив сказать «новое» слово и в области вопросов Коминтерна. Работа оппозиции в

компартиях трактуется ими по аналогии с работой коммунистов в реформистских профсоюзах, для чего проводится, по меньшей мере, двусмысленная аналогия между компартиями Германии и Франции и бывшей германской независимой социал-демократической партией и французской мелкобуржуазной социалистической партией. На кого же в таком случае возлагают свои надежды авторы документов?

Они открыто признают «единственной группой своих действительных единомышленников» в Коминтерне французскую группу «Против течения» и усиленно обеляют Суварина.

Что касается группы «Против течения», то никогда ни у кого не было и не могло быть сомнения в том, что эта группа Паза, Лорио и других представляет подлинно правую, чисто интеллигентскую группку. Что касается Суварина, то в статье Зиновьева «21 условие ленинского Коминтерна» («Правда» от 2 ноября 1927 г.) о нем сказано: «Нашим единомышленником Суварин не является. Ни малейшей ответственности за его взгляды и за его журнал мы не несем. Если взять «линию» Суварина такой, какой она является ныне, в 1927 г., то это не большевизм. А его критика по адресу СССР давно перешла допустимые пределы». На статье журнала «Против течения», на которую ссылаются авторы директив, стоит остановиться, ибо она может служить образцом того, как неправильная установка приводит прямехонько к борьбе против пролетарской диктатуры.

Члены французской делегации, посетившей СССР (в том числе рабочие-социалисты), вернувшись во Францию, на рабочих собраниях и в печати дают отчет о своей поездке в очень благоприятном для СССР тоне. И что же? Журнал «Против течения» не находит ничего лучшего, как пытаться высмеять делегацию самым плоским образом. Одного примера достаточно. Члены делегации с восторгом говорят о раскрепощении женщины Октябрьской революцией. В ответ на это «Против течения» пишет:

«Если кто явился «великими победительницами» в революции, то это, быть может, жены нэпманов, жены бюрократов, женщины, которые сами вросли в громадную бюрократическую машину, жены богатых крестьян, но это, во всяком случае, не работницы и не крестьянки» («Против течения», стр. 9, № 4).

Разве это уже не тон прямой вражды к СССР? Разве это не клевета на Октябрьскую революцию?

На этот же тон сбиваются наиболее озлобленные элементы группы Маслова, против чего мы резко предостерегали эту группу и тогда, когда находились в известном блоке с ней. Судьба Корша, Каца и К°, начавших с «ультралевизны», а кончивших тем, что стали просто-на-просто орудием в руках вождей социал-демократии против Коминтерна и против СССР, должна была бы явиться достаточно отпугивающим примером.

Из наших отношений с группой Рут Фишер—Маслов мы убедились (в этом убедились абсолютно все русские товарищи, соприкасавшиеся с ними за последнее время), что лично Маслов и Р. Фишер вполне определенно держат курс на вторую партию в Германии, не останавливаясь ни перед чем. Маслов и Рут Фишер заслуживают решительного осуждения. В то же время мы знаем, что лучшая, наиболее связанная с рабочими, часть группы Маслова решительно восстает против «идеи» второй партии, ищет дороги назад в КПГ, назад в Коминтерн. Помочь этим товарищам найти эту дорогу назад в КПГ и Коминтерн, по нашему мнению, является одной из задач Коминтерна, в частности предстоящего VI конгресса Коммунистического Интернационала. Тогда раскол в Германии будет изжит скорее и благополучнее.

Авторы «директив» ухитрились ничего этого не заметить, на все это закрыть глаза, обругать тех товарищей в чехо-словацкой, французской, бельгийской компартиях, которые—и не будучи согласны с большинством—хотят исправлять ошибки изнутри партии и не допускают борьбы против СССР. Авторы же «директив», обозревая все оппозиционные группы в Коминтерне, ухитрились объявить своими наиболее близкими единомышленниками как раз ту правую группу, которая наиболее далека от большевизма.

Капитулировать перед ВКП или перед Пазом и Сувариным? Авторы документов выбирают последнее. Что тут левого?

Когда наша партия вернет нам и нашим товарищам (на что мы надеемся) права членов ВКП, мы, как большевики, будем разумеется, считать своим правом и обязанностью, в пределах решений ВКП и Коминтерна, высказываться по поводу того, что найдем ошибочным в политике или тактике любой секции Коминтерна, всегда будем пытаться выпрямить линию там, где она будет искривляться. «Исправлять» же линию ВКП Сувариным—смехотворно.

Вся суть дела в том, что политическая группировка, договорившаяся до таких выводов, в данной конкретной обстановке, после XV съезда, не может не стать орудием мелкобуржуазных сил против ВКП и Коминтерна.

III.

Мы были в блоке с группой Л. Д. Троцкого. Мы несем поэтому полную и равную ответственность с ним и его нынешними единомышленниками за все действия оппозиции 1926—1927 гг. Блок, как известно каждому политику, предполагает взаимные уступки, но блок не исключает внутренней борьбы. Была борьба и в нашем блоке. Это превосходно известно авторам директив. И поэтому по меньшей мере неумно с их стороны поднимать разговор о «маскараде с троцкизмом», об «изобретении троцкизма» и пр. Не упрекала ли нас группа Л. Д. Троцкого письменно еще 30 августа (30 августа, а не 30 декабря) 1927 г. в том, что мы «не хотим разоружиться по линии борьбы с мнимым троцкизмом»? Не ясно ли, хотя бы уже из одного этого, что мы-то не считали «мнимыми» ошибки Л. Д. Троцкого и что даже в момент самого близкого сотрудничества мы не считали возможным разоружение против ошибок троцкизма.

Смысл нашего разрыва будет совершенно ясен, если просто сопоставить то, что предлагаем мы, и то, что предлагают авторы «директив». Наш вывод из истории двухлетней борьбы: назад в партию и в Коминтерн, надо срабатываться с партией, надо вернуться в ряды большевистской партии, надо отказаться от противопоставления себя партии, надо отстаивать свои взгляды в партии, не превращая этого права каждого члена партии во фракционную борьбу. Ясно, что эти лозунги исходят из того, что ВКП(б) есть рычаг

пролетарской революции, что СССР есть страна строящегося социализма, что вопреки ВКП нельзя помогать ленинскому делу, а можно только губить его.

Что противопоставляют этому авторы «директив»? «Для данного периода: не вторая партия, а фракция, организованная в такой степени, чтобы обеспечить возможность систематического воздействия на партию», «бить по руководству ВКП(б)», надежды на то, что «решительный сдвиг влево» создастся в партии в результате «более крутого натиска буржуазии». Эта политика, эти «директивы» могут опираться только на убеждение, что партия все больше и больше эволюционирует в сторону термидора. Разобранные выше глубоко неправильные характеристики партии и государства исходят несомненно из этого убеждения. Но оно-то и неправильно. Нельзя недооценивать таких важнейших фактов партийной политики, как пересмотр земельного кодекса в явно коллективистском направлении, как сокращение сроков аренды земли и лишение кулаков прав членов земельных обществ, как меры борьбы с кулачеством (решения XV съезда), как наконец принятие в партию новых ста тысяч членов-рабочих. Характер и направление этих мер ясны. Эти факты с достаточной убедительностью показывают, как неверно иногда элементы маневра в партийной политике оценивались оппозицией как прямой переход на другие классовые рельсы. Логика фракционной борьбы привела к такому явно неправильному утверждению, как вывод «платформы» о том, что «в кругах руководящего большинства под влиянием англо-русского разрыва и других трудностей, международных и внутренних, ныне вынашивается такой примерно план: 1) признать долги, 2) более или менее ликвидировать монополию внешней торговли, 3) уйти из Китая, т. е. отказаться «на время» от поддержки китайской революции и вообще национально-революционных движений, 4) внутри страны—правый «маневр», т. е. еще некоторое расширение нэпа». Такие «выводы» в корне не соответствовали и не соответствуют действительности и стояли в связи с тем, что «платформа» составлялась как документ, противопоставлявшийся политике ЦК партии по всей линии [1].

Во время XV съезда мы предсказывали, что отказ от полного подчинения съезду неизбежно ведет к извращению всех основных идей ленинизма, к искажению всей перспективы, всех оценок партии и государства. Наш долг сказать теперь всем тем, кто еще идет за «директивами» группы Л. Д. Троцкого: не усугубляйте этой ошибки, поймите неправильность пути, явно уводящего вас от партии, сделайте все необходимое, чтобы вернуться в ряды партии, чтобы сработаться с ней.

Каждому оппозиционеру мы повторяем еще раз то, что неоднократно говорили в среде бывшей оппозиции в период XV съезда: политическое мужество и последовательность не в том, чтобы упрямо

[1] В связи с этим мы должны сказать, что не можем теперь отстаивать этот документ эпохи высшего обострения фракционной борьбы, независимо от того, как трактовались в нем отдельные вопросы. Само собой разумеется, что в своей работе мы будем руководиться решениями XV съезда.

итти по дороге, ведущей все дальше и дальше от ВКП(б) и Коминтерна. Надо решиться остановиться. Надо решиться повернуть назад. Нельзя сомневаться, что партия, по примеру Ленина, примет все то во взглядах меньшинства, что подтвердится жизнью, что окажется правильным с точки зрения пролетарской революции.

Капитулировать перед партией Октябрьской революции не только не зазорно, но—после всего того, что было,—это прямой долг каждого из нас. Зазорно, недостойно мало-мальски серьезного пролетарского революционера закрывать глаза на политический тупик, куда влечет дальнейшее противопоставление себя партии.

Средней «линии», «двухсполовинного» пути не существует в природе, в природе пролетарской диктатуры. Надо выбирать. Кто этого не понимал вчера, тот должен понять это сегодня, ознакомившись с директивами. Мы уверены, что громадная часть бывшей оппозиции, что вся ленинградская ее часть, что все рабочее ядро оппозиции выберет наш путь—путь примирения и срабатывания с партией.

Двери партии и Коминтерна, мы уверены, будут раскрыты перед каждым из исключенных товарищей, кто на деле подчинится партии.

Наша задача как солдат пролетарской революции: всеми силами помочь партии в ее тяжелой работе, помочь ей преодолеть все трудности, лежащие на ее пути, помочь по-ленински разрешить вставшие на очередь новые вопросы и довести дело Ленина до конца.

Внутренние и международные трудности СССР известны. Мобилизация общественного мнения капиталистических стран против СССР идет на всех парах. Роль социал-демократической и демократической прессы в этом черном деле особенно велика. В этой кампании причудливо перемешаны сейчас ряды буржуазных журналистов и некоторых «ультралевых» депутатов германского рейхстага, вождей с.-д. и таких мнимо-левых, как группа «Против течения». Главным препятствием для всех планов империалистов против СССР является сопротивление рабочих масс. Легко понять, что задача ослабить это сопротивление, ослабить симпатии рабочих к СССР является в данный момент важнейшей стратегической задачей тех, кто лелеет планы удара по СССР. В такой момент мы считаем своим долгом решительно предостеречь рабочих-коммунистов против этой кампании, плоды которой пожнут только господа буржуа.

Международное и внутреннее положение Страны Советов требует полнейшего и безоговорочного сплочения всех сил партии. Только на этом пути партия, преодолевая все трудности, все препятствия, связанные со строительством социализма в крестьянской стране, пойдет к окончательной победе.

Г. Зиновьев.
Л. Каменев.

В ПРЕЗИДИУМ XV СЪЕЗДА, т. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Просим довести до сведения съезда следующее наше обращение.

Резолюция съезда по вопросу об оппозиции ставит перед каждым участником бывшей фракции оппозиции вопрос о его дальнейшей работе для пролетарской революции. Служить тому делу, которому мы служили под руководством Ленина годы и десятилетия, нельзя ни вне ВКП(б), ни на путях организации второй партии. Ему можно служить только в рядах ВКП(б). Между тем, съезд исключил нас из ВКП(б). Поэтому, сколько бы суровыми ни были поставленные нам съездом требования, с какой бы убежденностью ни отстаивали мы свои взгляды до съезда,—мы обязаны подчинить свою волю и свои взгляды воле и взглядам партии, ибо она является единственным руководителем пролетарской революции и единственным верховным судьей того, что полезно и что вредно для победоносного движения революции.

Заявление 10 декабря об отказе от пропаганды наших взглядов съезд нашел недостаточным и неудовлетворительным. Мы принимаем поэтому к исполнению требование съезда об идейном и организационном разоружении. Мы обязуемся защищать взгляды и решения партии, ее съездов, ее конференций, ее ЦК. Мы считаем неправильным и—в соответствии с резолюцией съезда—осуждаем, как антиленинские, взгляды, отрицающие возможность победоносного строительства СССР, социалистический характер нашей революции, социалистический характер нашей госпромышленности, социалистические пути развития деревни в условиях пролетарской диктатуры и политику союза пролетариата с основными массами крестьянства на базе социалистического строительства, или отрицающие пролетарскую диктатуру в СССР («Термидор»).

Своей основной ошибкой мы считаем то, что в борьбе против ЦК партии вступили на путь действий, сделавших реальной опасность второй партии. Мы должны признать ошибкой выступление 7 ноября, захват помещений (МВТУ), организацию нелегальных типографий и т. п.

Тот, кто пытается образовать свою отдельную партию против компартии, неизбежно противопоставляет себя Коминтерну и СССР и неизбежно отбрасывается в лагерь их врагов. Это относится не только к ВКП(б), но и ко всем секциям Коминтерна.

Мы признаем поэтому ошибкой поддержание связи с группой Маслова—Рут Фишер и порываем ее. Что касается Корша, Суварина, Росмера, Ролланд-Гольст, Либерса, то с ними мы ничего общего не имели и не имеем.

Мы просим съезд вернуть нас в партию и дать нам возможность участвовать в практической повседневной работе партии.

1. Л. Каменев. 2. Г. Евдокимов. 3. Г. Зиновьев. 4. Ив. Бакаев. 5. А. Куклин. 6. М. Лашевич. 7. И. Авдеев. 8. К. Соловьев. 9. С. Гессен. 10. Пекарь-Орлов. 11. Гр. Федоров. 12. З. Лилина. 13. П. Залуцкий. 14. М. Харитонов. 15. С. Бабахан. 16. Я. Шаров. 17. Равич Ольга. 18. И. Лукьянов. 19. Як. Елькович. 20. И. Рейнгольд. 21. Я. Беляйс. 22. Я. Фуртичев. 23. А. Миничев.

18 декабря 1927 г.

(Настоящее заявление вручено съезду 19 декабря, после принятия съездом 18 декабря резолюции об исключении оппозиции из партии).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЪЕЗДА ПО ПОВОДУ ЗАЯВЛЕНИЯ 23 ЧЛЕНОВ ОППОЗИЦИИ, ПРИНЯТОЕ 19 ДЕКАБРЯ

1. Не рассматривать заявление исключенных из партии Каменева, Зиновьева и др., внесенное 19 декабря 1927 г., ввиду того, что XV съезд уже исчерпал вопрос об оппозиции в резолюции от 18 декабря.

2. Предложить ЦК и ЦКК принимать заявления исключенных из партии активных деятелей бывшей оппозиции лишь в индивидуальном порядке и принимать решения по заявлениям лишь спустя шесть месяцев после подачи заявлений при условии, что: а) поведение подавших заявления соответствует обязательствам, взятым на себя авторами заявлений; б) сами заявления бывших оппозиционеров вполне отвечают требованиям XV съезда (см. резолюцию XV съезда об оппозиции) и следовательно исходят из отказа от «платформы 83», «платформы 3 сентября» и «платформы 15».

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ПЯТАКОВА

Председателю ЦКК ВКП(б)

Копия Секретарю ЦК ВКП(б)

Перед партией встали новые трудности. Над преодолением этих трудностей партия работает, не покладая рук. Предстоит упорная и тяжелая борьба. Это обстоятельство особенно остро ставит теперь перед каждым исключенным из партии за «оппозицию» вопрос о необходимости возвращения в партию.

Вместе со всей объединенной оппозицией я вел борьбу против большинства, полагая, что эта борьба содействует партии найти верный путь в той сложной и запутанной обстановке, в которой ей пришлось вести свою работу. В этой борьбе мы встали на путь фракционности. Фракционная организация и фракционная борьба привели к такого рода выступлениям, которые явно ослабляли партию,

как носительницу диктатуры пролетариата. Такие методы борьбы я никоим образом правильными признать не могу. В результате этой борьбы я вместе со всей оппозицией оказался исключенным из партии.

Исключение из партии должно было поставить перед каждым оппозиционером вопрос: «Что же дальше?» Этот вопрос, разумеется, встал и передо мной.

На вопрос этот можно дать три различных ответа: 1) оставаться вне партии и продолжать политическую борьбу, 2) оставаться вне партии и прекратить политическую борьбу, 3) вернуться в партию в целях участия в общей политической борьбе и работе партии. Выбор ответа зависит от того, какая дается основная политическая оценка существующей в СССР власти, Коминтерну и ВКП.

Если бы я считал, что Коминтерн и ВКП перестали быть политической организацией коммунистов, проводящей ленинскую политику, если бы я считал, что ЦК ВКП(б) перестал быть выразителем воли интересов рабочего класса, если бы я считал, что существующее советское государство перестало быть организацией диктатуры пролетариата, если бы, коротко говоря, я считал, что произошло то, что условно именуется у нас «термидором», то на поставленный выше вопрос я бы дал ответ: оставаться вне партии и вести политическую борьбу против ВКП(б) и существующего, руководимого ею государства. В этом случае я не колеблясь сказал бы, что надо строить, будь то легальную, будь то нелегальную,—новую партию. Существенно важны при этом не тактические соображения (как и когда к этому приступить), а принципиальная сторона дела: допустим или недопустим разрыв с ВКП и нужно ли начинать борьбу против ВКП. В этом пункте не должно быть неясностей. Если «термидор» налицо,—надо рвать с ВКП, пытаясь отколоть от нее лучшие элементы, надо начинать строить новую партию, которая должна начинать борьбу против ВКП и руководимого ею государства, за диктатуру пролетариата и коммунизм. Именно потому, что исходные политические предпосылки для такого рода решения вопроса не существуют, я считаю, что становиться на путь второй партии нельзя, вредно, преступно. Этот путь, путь второй партии, я отвергал и отвергаю. Отвергая путь второй партии, я отвергаю и всякого рода межеумочные и промежуточные решения. Всякого рода межеумочные и промежуточные решения, выражающиеся в том, что за пределами партии в той или иной форме организуется политическое движение не под контролем и руководством партии, а в противоречии с волей и желанием ее, с неизбежностью должны превратиться либо в решение о создании второй партии, либо в решение о ликвидации особой политической организации и о возврате в ВКП. Всякая политическая организация за пределами ВКП, которая не находится под руководством последней, в условиях диктатуры пролетариата неизбежно превратится во вторую партию (либо исчезнет), борющуюся с ВКП, а значит, по существу, и с диктатурой пролетариата. На промежуточных позициях удержаться невозможно. Поэтому я отвергаю как путь второй партии, так и путь каких бы то ни было политических организаций за пределами ВКП, не находящихся под контролем и руководством последней.

Второй ответ для большевика вообще не есть ответ. Такой ответ есть уклонение от ответа и отказ от участия в политической борьбе рабочего класса.

Остается потому только один верный ответ: вернуться в ряды ВКП в целях участия в общей борьбе и общей работе партии. Именно такой ответ даю я на поставленный выше вопрос.

Разумеется, давая такой ответ, я тем самым имею в виду соблюдение трех непременных условий нахождения в партии: 1) что я возвращаюсь в партию не для возобновления фракционной борьбы, а для участия в общей работе и в общей борьбе партии; 2) что по вопросу об обязательности решений высших учреждений партии у меня нет никаких колебаний; 3) что моя политическая позиция соответствует званию члена ВКП.

В отношении первых двух условий мне повторяться незачем: все вышесказанное ясно говорит о том, что эти два условия я имею в виду соблюдать полностью, без оговорок и целиком.

В отношении третьего условия необходимо дать соответствующее разъяснение.

Существенно важна в этом отношении исходная политическая оценка Коминтерна, ВКП и советской власти. Для меня нет сомнения в том, что Коминтерн, его секции, в частности, ВКП являются единственной и единой политической организацией коммунистов, проводящей ленинскую политику; советская власть в СССР есть организация диктатуры пролетариата, защита и укрепление коей является одной из важнейших обязанностей коммуниста как в СССР, так и за границей, и что в СССР советское государство и профсоюзы под руководством ВКП строят социализм. Эта исходная оценка определяет основную линию поведения. При такой оценке споры по тем или иным встающим перед партией вопросам, неизбежные во всякой живой партии, не выходят за пределы споров членов партии между собой. Это, во-первых. А во-вторых, в конкретных условиях борьбы диктатуры пролетариата за существование и развитие в СССР признания основным законом развития на данном этапе принципа союза рабочих и крестьян есть точно так же обязательное условие принадлежности к ВКП. И в этом отношении у меня нет никаких сомнений. У меня были сомнения в том, что политика союза рабочих и крестьян превратится в политику игнорирования классовых различий в деревне (кулак—середняк—бедняк), что представляло бы, несомненно, большую опасность для диктатуры. Однако теперь ясно, что мною в этом отношении была допущена ошибка.

Такова моя нынешняя установка.

Из всего вышесказанного ясно, что теперь я не считаю правильным защищать основную установку «платформы» оппозиции от 3 сентября 1927 г., выдвинутой оппозицией в качестве главного орудия борьбы против ЦК ВКП. Нечего и говорить, что «директивы», напечатанные в «Правде» от 15 января 1928 г., мною отвергаются. Я вполне согласен с той критикой их, которая дана в статье тт. Зиновьева и Каменева (см. «Правду» от 27 января 1928 г.).

По всем этим соображениям я считаю необходимым и возможным просить ЦКК о восстановлении меня в правах члена ВКП(б), по-

лагая при этом, что те товарищи, которые вместе со мной участвовали в борьбе оппозиции, а ныне разделяют мою точку зрения, точно так же могут и должны быть восстановлены в правах членов партии.

І. Пятаков

Москва, 28 февраля 1928 г.

ОТХОД Л. СЕРЕБРЯКОВА ОТ ТРОЦКИСТОВ

В начале 1928 г. я отошел от оппозиции и никакой связи с ней не имел. Оформить же свою просьбу о возврате моем в партию мне не удалось по ряду обстоятельств. За время моего отрыва от партии я пришел к убеждению, что никаких политических расхождений с партией у меня нет. Для меня теперь очевидны мои прошлые ошибки, в особенности мое ничем не оправданное участие в обострении фракционной борьбы. Для меня также ясно, что позиция Троцкого и остатков возглавляемой им оппозиции находится в резко враждебном отношении к нашей партии и к советам. Снимая на этом основании свои подписи со всех фракционных документов, правильно осужденных партией, я прошу ЦКК ВКП(б) восстановить меня в правах члена ВКП(б). Само собой разумеется, что все решения партии считаю для себя обязательными.

Л. Серебряков

Бывш. член партии с 1905 г.

ОТХОД ОТ ОППОЗИЦИИ Я. Н. ДРОБНИСА

Уважаемые товарищи! Считаю необходимым заявить вам нижеследующее.

Разойдясь в 1927 г. с партией в оценке политического положения и политической линии, я оказался в одном русле с тогдашней оппозицией. Однако уже тогда я не был согласен с теми методами политической борьбы, которые были усвоены оппозицией. Я возражал против нелегальной фракционной деятельности и против активных антипартийных выступлений, вроде демонстраций на улицах и т. п. На этой точке зрения я продолжал стоять и в последующее время.

В настоящее время ход событий и выявленная в бесспорных политических фактах партийная линия показали мне, что в 1927 г. я ошибался в оценке положения и линии партии. Союз советских социалистических республик не движется к термидору и не пережил его. Союз советских социалистических республик есть мировая коммуна, противопоставленная мировому Версалю. ВКП(б) не есть партия, в которой развиваются термидорианские течения; это—авангард рабочего класса, идущий по ленинскому пути. Партия не идет на союз с кулаком или на уступки ему, она держит курс на прочную политическую смычку с беднотой и на союз с середняком, согласно заветам Ленина. Партия ведет энергичную борьбу с правым уклоном и с идеологами и руководителями правой оппозиции. Она не сдает своих международных пролетарских позиций и стоит попрежнему

в первых рядах борющегося международного пролетариата. Она прилагает огромные усилия к индустриализации страны, к упрочению позиций диктатуры пролетариата.

Страна переживает значительные хозяйственные затруднения, которые неизбежно сопутствуют усиленной борьбе за индустриализацию и за социализм, при возрастающем сопротивлении остатков буржуазного класса в стране и при всех тех препятствиях, которые международная буржуазия ставит на нашем пути. При таких условиях, при таких обстоятельствах долг каждого честного пролетарского революционера состоит в том, чтобы поддержать эту борьбу и не стоять в стороне от нее или противодействовать ей. Последнее является уделом моих бывших товарищей по оппозиции. С ними для меня оказывается неизбежным порвать, и поскольку можно стать только на одну или на другую сторону, для меня оказывается неизбежным и бороться с теми из них, которые не хотят или не могут найти обратно путь в партию. Неизбежна борьба с теми, кто считает необходимым подпольную фракционную работу, активные выступления против партии, признает возможным переносить свой спор с партией на страницы буржуазной прессы.

С настоящим заявлением я медлил потому, что считал более целесообразным вступить на путь ликвидации своих политических ошибок совместно с наибольшим количеством бывших моих товарищей по оппозиции. Однако опыт показывает, что такое выжидание ведет только к бесполезной оттяжке и затрудняет для ряда товарищей совершение политического шага, который назрел и совершенно необходим. Поэтому я настоящим заявляю:

1. С оппозицией я порываю и прошу меня не считать в ней состоящим.

2. Я солидаризуюсь с политической оценкой и политической линией ВКП(б) так, как она выражена в постановлениях съездов и конференций, а также считаю ошибочным свое участие во фракционной работе.

3. Противники партии «справа» и «слева» являются и для меня политическими противниками. Выражаю надежду, что настоящий мой шаг хотя бы в некоторой степени будет содействовать тому, что и другие бывшие сторонники оппозиции, находящиеся на пути в партию, ускорят ликвидацию совершенной нами политической ошибки и скорее вернутся к активной политической работе в рядах революционного пролетариата СССР.

Из всего изложенного, само собою разумеется, что я считаю платформу и др. документы оппозиции ошибочными и направленными против ВКП(б).

Настоящее заявление дает мне основание просить ЦКК о восстановлении меня в рядах ВКП(б), членом которой я состоял с 1907 года.

С товарищеским приветом

Я. Н. Дробнис

ЗАЯВЛЕНИЕ 38 ТРОЦКИСТОВ ОБ ОТХОДЕ

В президиум XVI партконференции поступило следующее заявление за подписью 38 бывших членов троцкистской оппозиции

Заявление XVI партконференции, ЦКК и ЦК ВКП(б).

Перед лицом решающих трудностей, стоящих на пути пролетарской революции и напора на пролетарскую диктатуру всех капиталистических и мелкобуржуазных элементов страны, мы считаем необходимым заявить партии следующее.

В соответствии с решениями партии основным и решающим в политике ВКП(б) является: 1) усиленный темп индустриализации страны; 2) совхозное и колхозное строительство в деревне; 3) союз с середняком при опоре на бедноту; 4) борьба с капиталистическими элементами города и деревни—нэпман, кулак; 5) борьба с оппортунистическими течениями внутри ВКП(б); 6) мобилизация рабочего класса вокруг советов и профсоюзов; 7) борьба с бюрократизмом и загниванием в советском, партийном и особенно в профсоюзном аппаратах путем развертывания массовой самокритики и рабочей демократии; 8) очищение партии от разложившихся, переродившихся и классово-чуждых элементов; 9) неуклонная борьба с международным реформизмом и правыми течениями внутри Коминтерна при твердом курсе на развертывание международной революции.

Политику нашей партии, успешное проведение которой зависит от систематического улучшения материального и культурно-бытового положения рабочего класса и развертывания внутрипартийной демократии, мы полностью разделяем и поддерживаем.

Мы решительно отвергаем характеристику линии нашей партии как линии, способствующей «расчистке путей для термидора». Пятилетним планом развития народного хозяйства обеспечивается расширение и укрепление социалистической базы в общей системе народного хозяйства и ослабление роли частнокапиталистического сектора. Этим закрепляются пролетарские позиции партии. ВКП(б), осуществляющая такую классовую политику, проводящая решительную борьбу с капиталистическими элементами, тем самым не может являться партией, сползающей к термидору. Линия коммунистической партии есть ленинская линия. Всякое другое толкование линии партии мы считаем глубоко ошибочным.

Всякий, кто будет отрицать пролетарский характер нашей партии и нашего государства и социалистический характер строительства в СССР, встретит с нашей стороны беспощадный отпор.

Партия с нашей стороны встретит энергичную поддержку в борьбе за активизацию иностранных секций КИ и в усилении борьбы против контрреволюционной социал-демократии, а также в защите четкой ленинской линии против правых оппортунистических и анархо-синдикалистских течений внутри компартий.

Мы не считаем возможным обойти молчанием последнее выступление Л. Д. Троцкого в заграничной буржуазной печати. Мы решительно отклоняем ответственность за помещение Л. Д. Троцким политических статей в буржуазной прессе. не только в силу того, что участие коммунистов в буржуазной печати запрещено рядом партийных постановлений, но главным образом потому, что вся нынешняя обстановка обязывает каждого пролетарского революционера сугубо осторожно и бережно относиться к интересам страны пролетарской диктатуры, особенно при условии, когда он находится вне ее, и каждый его ложный шаг создает трудности для советской страны.

В условиях обострения классовой борьбы ненадежные элементы в партии пытаются пойти по линии наименьшего сопротивления, предпочитая «мирное сожительство со всеми классами» борьбе классов. Эти оппортунистические элементы сильны подпирающей их волной мелкобуржуазного недовольства за пределами партии. Тем обязательнее для большевиков вернуться в партию и вместе с партией преодолевать все возрастающее сопротивление кулацко-капиталистических элементов проведению последовательной социалистической политики нашей партии.

Вся обстановка в партии и стране обязывает каждого оппозиционера выбрать один из двух путей—вместе с партией или против нее; мы выбираем путь в партию и призываем остальных товарищей к такому же решению вопроса.

Оппозиционер, не решивший в настоящий период вопроса о своем отношении к партии, неизбежно придет к пересмотру всех основ большевизма, как он исторически сложился, к пересмотру наших взглядов на пролетарский характер нашей революции и государства.

Изложенная в нашем заявлении позиция обязывает подписавшихся просить партию о возвращении нас в ее ряды. Само собой разумеется, что мы берем на себя обязательства, вытекающие из самого факта принадлежности к ВКП(б). Считая для себя обязательными все решения партии, мы заявляем о полном, безоговорочном прекращении фракционной борьбы.

Подчиняясь решению XV партийного съезда, мы снимаем подписи с платформы «13».

Будучи убеждены, что изложенные в настоящем заявлении взгляды являются не только взглядами его подписавших, но и взглядами многих оппозиционеров, мы надеемся, что партия создаст наиболее благоприятные условия для возвращения тех из них, которые захотят по-большевистски найти выход из противоречивого положения, в котором они очутились.

1) *Агапцов, Г.* (с 1920 г., зав. «Серп и Молот»). 2) *Алавердова, Л.* (с 1919 г.). 3) *Баканов, И.* (с 1925 г. «Серп и Молот»). 4) *Бережанский, А.* («Серп и Молот»). 5) *Белбей, Р.* (с 1917 г.). 6) *Бразо, Ѣ.* (с 1917 г.). 7) *Баярчиков, А.* (с 1920 г.). 8) *Генкин, А.* (с 1919 г. «Серп и Молот»). 9) *Дзенисевич, А.* (с 1919 г.). 10) *Дитятева, А.* (с 1919 г. «Серп и Молот»). 11) *Егоров, П.* (с 1918 г. Конц. пуг. ф-ка). 12) *Залкинд, Л.* (с 1921 г.). 13) *Ищенко, А.* (с 1917 г.). 14) *Кузьмин, А.* (с 1918 г.). 15) *Крикунов, И.* (с 1921 г.). 16) *Кузнецов, А.* (с 1920 г. завод «АМО»). 17) *Кириллов, А.* (с 1919 г. «Серп и Молот»). 18) *Кришталик, И.* (с 1918 г.). 19) *Котова, Е.* (с 1925 г. Конц. пуг. ф-ка). 20) *Кириллов, Т.* (с 1924 г., зав. им. Маленкова). 21) *Лебедев, А.* (с 1924 г. «Серп и Молот»). 22) *Лучников* (с 1925 г. Колбас. ф-ка). 23) *Михайлов* (с 1918 г., зав. им. Ильича).

24) *Освенский, З.* (с 1918 г.). 25) *Поль, А.* (с 1918 г.). 26) *Патриарка, С.* (с 1919 г.). 27) *Родионов, П.* (с 1924 г. Шабол. пивной зав.) 28) *Рочев, И.* (с 1917 г.). 29) *Сорокин, М.* (с 1915 г. рабочий). 30) *Силановский* (с 1918 г.). 31) *Сиволап, Ф.* (с 1917 г.). 32) *Симхович, М.* (с 1917 г. «Серп и Молот»). 33) *Судин* (с 1926 г. Колбасн. ф-ка). 34) *Титов, Г.* (с 1924 г., завод «АМО»). 35) *Турин, А.* (с 1920 г.). 36) *Цейтлин, Б.* 37) *Шифрин, П.* (с 1926 г. зав. им. Фрунзе). 38) *Каганович, Я.* (с 1918 г.).

Из подписавших 15 рабочих с производства.

Кроме того поступили в президиум конференции отдельные заявления об отходе от троцкистов (*Феликса Вольфа, Кондратьева, В. Ф.* и др.).

Президиум конференции передал эти заявления в ЦКК для рассмотрения.

●

ОТ РЕДАКЦИИ. Печатая настоящее заявление бывших троцкистов, редакция считает необходимым указать на то, что заявление это 1) не содержит прямого осуждения совершонных троцкистами ошибок, 2) что заявляющие, повидимому, не набрались мужества назвать вещи своими именами по отношению к такому безобразному контрреволюционному поступку Троцкого,—которого они почему-то косвенно продолжают называть «пролетарским революционером»,—как сотрудничество в реакционной печати, они лишь «отклоняют» от себя ответственность за это выступление, вместо того чтобы достойным образом заклеймить это выступление, как это сделали сотни тысяч сознательных пролетариев.

Редакция полагает, что подавшие заявление должны быть более последовательными, если они искренне порывают с троцкистами.

(«Правда» 28/V 1929 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ В ЦКК БЫВШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТРОЦКИСТСКОЙ ОППОЗИЦИИ тт. Е. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО, К. РАДЕКА и И. СМИЛГИ О РАЗРЫВЕ С ОППОЗИЦИЕЙ

В Центральную контрольную комиссию ВКП(б)

Мы, нижеподписавшиеся, настоящим заявляем о своем согласии с генеральной политической линией партии и нашем разрыве с оппозицией (т. е. тем течением, которое на основе политической линии Л. Д. Троцкого оформилось организационно вокруг так называемого «Всесоюзного центра большевиков-ленинцев»).

Мы считаем политику индустриализации страны, выраженную в конкретных цифрах пятилетки, программой социалистического строительства и укрепления классовых позиций пролетариата. Осуществление пятилетки решает основные задачи революции на данном отрезке времени, и поэтому мы считаем нашим большевистским долгом принять активное участие в борьбе за ее проведение в жизнь.

Мы поддерживаем борьбу с кулаком (аграрный капитализм), который в течение последних лет ведет упорные атаки на экономические позиции пролетарской диктатуры.

Мы приветствуем политику широкого строительства совхозов и колхозов—этих рычагов социалистического преобразования деревни.

Мы одобряем все шаги партии в направлении самостоятельной организации крестьянской бедноты, так как, только прочно опираясь на бедноту и в союзе с середняком, пролетариат может осуществить политику социалистического строительства и борьбы с капиталистическими элементами. Только совхозное и колхозное строительство создает материальную базу для политической организации бедноты и батрачества, которая, со своей стороны, единственно в состоянии обеспечить успешное выполнение совхозного и колхозного строительства. Этим гарантируется в перспективе прочное решение продовольственной и сырьевой проблемы для социалистической промышленности и создается новая основа для смычки пролетариата с большинством деревни.

Мы поддерживаем борьбу с бюрократизмом в аппаратах государства и партии.

Мы надеемся, что энергичное развертывание ее на основе мобилизации инициативы трудящихся масс позволит выполнить задачу, которую настойчиво ставил перед партией Ленин до последних дней своей жизни.

Мы поддерживаем борьбу с правыми, объективно отражающими недовольство капиталистических элементов страны и мелкой буржуазии проводимой партией политикой социалистического наступления.

Мы поддерживаем политику Коминтерна, ведущего непримиримую борьбу с социал-демократией. Равным образом мы считаем правильной решительную борьбу с реформизмом в профдвижении, раскалывающим пролетариат на организованный и неорганизованный. Мы считаем правильными поворот к новой тактике в профсоюзном движении на Западе и стремление к самостоятельному руководству экономической борьбой пролетариата, предаваемого профсоюзной бюрократией в интересах трестированного капитала.

Мы вместе с партией и VI конгрессом Коминтерна считаем, что основной опасностью в коммунистическом движении является правая опасность, на проведении которой должны быть сосредоточены главные усилия коммунистов всех стран.

●

Мы порываем идейно и организационно с Л. Д. Троцким и его единомышленниками («Всесоюзный центр большевиков-ленинцев»). Мы расходимся с ним в следующих основных вопросах, определяющих всю линию политического поведения группы Троцкого.

Мы считаем идейной основой коммунизма ленинизм. С теорией перманентной революции Л. Д. Троцкого ничего общего не имеем. Развитие русской и китайской революций с полной очевидностью доказало ее непригодность и неправильность. Отстаивание

этой теории является не чем иным, как ревизией ленинизма. Практическое ее применение привело бы пролетариат к изоляции от его классовых союзников и к его поражению.

Мы решительно отметаем ту оценку классовой природы совласти и партийного руководства, которая дается Троцким и его единомышленникам.

Троцкий и его единомышленники считают совправительство «блоком реакционных рабочих и сельской мелкой буржуазии». (См. документ за подписью «Всесоюзн. центра» от 21 апреля). Мы же считаем, несмотря на все бюрократические извращения советского аппарата и элементы перерождения, советскую власть—диктатурой пролетариата.

В полном соответствии со своими неправильными взглядами на ленинизм и природу совласти Троцкий развивает свою тактическую и организационную политику.

Лозунг тайного голосования ведет не к закреплению позиций пролетарской диктатуры, а открывает двери термидорианским силам.

Требование легализации фракций внутри партии и отвлеченной свободы критики, выдвигаемое Троцким, не является большевистским. Большевики должны требовать внутрипартийной демократии как гарантии участия пролетариата в решениях всех основных вопросов революции, но не могут добиваться свободы влияния мелкобуржуазных тенденций на пролетариат.

В то время как наши разногласия с партией уменьшились и поворот к партии и возвращение в нее становились абсолютной необходимостью, Л. Д. Троцкий и его единомышленники благодаря своей неправильной оценке соотношения классовых сил и отходу от ряда основных положений ленинизма оказывались все дальше и дальше от партии.

Только этим можно объяснить выступление Л. Д. Троцкого со статьями в буржуазной печати, которое мы резко осуждаем, и создание «Всесоюзного центра большевиков-ленинцев», что является еще одним шагом к образованию новой партии.

Не будучи в состоянии противопоставить генеральной линии партии и программе-пятилетке свою собственную положительную программу действий для рабочего класса и сосредоточивая все внимание на критике политики партии, эта группа неизбежно осуждена переродиться в организацию дезориентированных и недовольных людей, не имеющих никакой серьезной базы в сознательной массе пролетариата и эксплоатирующих лишь то несоответствие, которое неизбежно существует между потребностями рабочего класса и возможностями их удовлетворения в переживаемый нами кризисный период социалистического строительства.

●

Партия наметила генеральную линию в своей политике, которая представляет собой продвижение пролетарской революции в СССР вперед. Она эту линию осуществляет в тяжелых классовых боях, острота которых будет усиливаться. Бюрократ будет всеми силами

сопротивляться росту участия масс в управлении хозяйством и государством. Кулак и нэпман будут срывать весь план выхода из кризиса на социалистических путях.

Мобилизация рабочих масс становится решающим условием проведения пятилетки и всей политики партии. Массы же можно мобилизовать для борьбы с кулаком, нэпманом и бюрократом, только улучшая их положение, доказывая им на деле, что проведение партийной линии означает рост их благосостояния. Борьба за улучшение положения рабочих требует от самих рабочих масс повышения производительности труда, трудовой дисциплины, от партии, профсоюзов—чуткости к материально-бытовым интересам масс, преодоления бюрократической косности, срывающей часто политику партии. В этой напряженной работе партии для проведения генеральной линии долг всякого коммуниста принять по мере сил участие. Для осуществления именно этой задачи мы хотим вернуться в партию, бороться и побеждать вместе с ней.

●

Подводя итоги нашим разногласиям с большинством партии за несколько лет, мы должны заявить следующее:

Самый важный вывод, который мы делали из политики ЦК партии, заключался в том, что эта политика неизбежно ведет на определенной стадии к скату от диктатуры пролетариата и ленинского пути к термидорианскому перерождению власти и ее политики и к сдаче без боя завоеваний Октябрьской революции. Самое важное обвинение, которое мы предъявляли руководству партии, заключалось в том, что это руководство, хотя и против своей воли, способствует такому скату, не борется с элементами перерождения в партии и с ее правыми элементами и в наиболее острый момент экономического кризиса будет искать выхода на путях правой политики, на путях уступки кулаку, отказа от монополии внешней торговли и капитуляции перед мировым капитализмом.

Эта наша установка по отношению ЦК ВКП(б) и его политики была ошибочна, поэтому ошибочным было создание обособленной фракционной организации и ее неслыханная по остроте в истории партии деятельность (тайные типографии, 7 ноября и т. д.).

Логика фракционной борьбы привела нас к тому, что, преувеличивая наши разногласия с ЦК, возникшие при переходе от восстановительного к реконструктивному периоду, по вопросам темпа индустриализации, борьбы с кулаком, вопросам Коминтерна и т. д., мы упустили из виду, как показал нам опыт, что политика ЦК была и остается ленинской. Поэтому прав был XV съезд партии, осудив за такую установку нашу платформу.

Исходя из вышесказанного, мы снимаем наши подписи с фракционных документов, заявляем о полной солидарности с генеральной линией партии и просим принять нас обратно в ее ряды.

Мы обращаемся к нашим единомышленникам по оппозиции следовать нашему примеру. Они должны понять, что остающиеся еще разногласия не оправдывают их обособленного организационного существования как оппозиции и тем более не оправдывают их борьбы

с партией. Только вместе с партией на основе ленинской политики мы можем успешно бороться за торжество мировой революции и коммунизма.

Е. Преображенский, К. Радек, И. Смилга

10 июля 1929 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ тт. И. Н. СМИРНОВА и М. Н. БОГУСЛАВСКОГО

В ЦК ВКП(б) и в ЦКК ВКП(б)

Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что генеральную линию партии считаем правильной.

В этом нас убедила политика партии по основным вопросам решений XV съезда, XVI партконференции и последних пленумов ИККИ.

Пятилетний план капитального строительства, принятый XVI партконференцией и реализуемый партией, мы считаем целиком отвечающим интересам социалистического развития. Осуществление пятилетки подводит реальную базу под диктатуру рабочего класса, создает устойчивость в борьбе с мелкобуржуазной стихией внутри страны и с наступающим капиталом извне.

Вместе с партией мы считаем единственно правильной деревенскую политику, построенную по директиве Ленина:

> «Уметь достигать соглашения со средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь на бедноту».

Угроза социалистическому строительству идет прежде всего со стороны кулацкой верхушки деревни. Мы всемерно поддерживаем борьбу с кулачеством, осуществляемую партией.

Совхозное и колхозное строительство есть действительный путь социалистического переустройства сельского хозяйства и преодоления аграрного капитализма. На этом пути стоят гигантские трудности и опасности. Эти трудности будут преодолены путем развертывания самодеятельности деревенской бедноты и организации ее для борьбы с кулацкой верхушкой деревни.

Мы всемерно поддерживаем руководстэо в его борьбе с правыми, выступления которых в разных формах неизбежно будут повторяться.

Линию Коминтерна, выразившуюся в борьбе с оппортунистическими элементами, придание классовой четкости в политике компартии (борьба с реформизмом, лозунг «класс против класса» в избирательных кампаниях, активизация широких рабочих масс вокруг большевистских лозунгов, поднятие пролетариата на защиту СССР) мы считаем безусловно правильными.

Со всей энергией мы будем поддерживать каждый шаг партии по борьбе с бюрократизмом в партийном, советском и профсоюзном аппаратах.

Преодоление стоящих перед нами трудностей социалистического строительства, совершающегося в обстановке обострения классовой борьбы и открытого нападения империалистов на СССР, возможно лишь при величайшей активности рабочего класса и деревенской бедноты.

Вместе с партией мы считаем важнейшей задачей широкое разъяснение рабочим и крестьянским массам значения осуществления плана индустриализации и реконструкции сельского хозяйства. Только сознательное и творческое участие масс на этом участке фронта борьба за социализм обеспечит здесь полное достижение.

Все шаги партийного руководства в этом направлении, связанные с развитием внутрипартийной и рабочей демократии, мы всемерно поддерживаем.

Мы поддерживаем все мероприятия партии и ЦК, направленные к повышению жизненного уровня рабочих масс путем поднятия реальной заработной платы, расширения рабочего жилстроительства, снабжения пролетариата по твердым ценам через кооперацию предметами первой необходимости, заострения внимания профсоюзов к культурно-бытовым и материальным нуждам рабочих и их семей. Вместе со всей партией мы считаем, что одновременно с проведением в жизнь указанных мероприятий, без которых не может быть обеспечена индустриализация страны, должны быть приняты все меры к укреплению трудовой дисциплины, поднятию производительности труда и т. д., борясь при этом со всякими бюрократическими извращениями в этой области.

В вопросе о возможности построения полного социализма в нашей стране мы целиком придерживаемся взглядов Владимира Ильича Ленина, отраженных в решениях съездов нашей партии и ее ЦК и сформулированных в следующей цитате:

> «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь, при нэпе также, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества. Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» (Ленин. Том XVIII, часть 2, стр. 140).

Мы считаем мнение Льва Давыдовича Троцкого о том, что эта формулировка является результатом «обмолвки» при диктовке или «ошибкой стенографа» («Критика проекта программы Коминтерна»),— ошибочным, антиленинским.

Теорию перманентной революции Л. Д. Троцкого мы не разделяем и считаем, что идейная правота в этом вопросе, как и в других, была на стороне Ленина и партии.

Решительно осуждая деятельность Л. Д. Троцкого, выражающуюся в его выступлениях в буржуазной печати и попытках создать особую организацию заграничных групп оппозиции, мы заявляем, что порываем с ним, так как считаем, что его деятельность наносит вред нашей партии и советскому государству.

В процессе борьбы нами были допущены ошибки. Самой существенной из них мы считаем наше утверждение, что политика, проводимая партруководством, приведет к сползанию с ленинских рельсов и что руководство ЦК в грядущих неизбежно затруднениях будет искать выхода на правых путях.

В настоящее время мы убедились в том, что такая оценка политики ЦК была неправильной. Фракционную борьбу, к которой мы пришли из ошибочной оценки политики всего руководства, мы считаем ошибочной. Формы, применявшиеся нами в этой борьбе (демонстрация 7 ноября, типография, захват помещения), мы считаем недопустимыми, антиленинскими. Заявляя о безусловном прекращении нами фракционной борьбы, мы осуждаем всякие шаги к созданию второй партии. Мы снимаем свои подписи с платформы троцкистов и других документов троцкистов и просим ЦК и ЦКК вернуть нас в ряды партии, дабы вместе с партией и рабочим классом преодолевать препятствия и трудности, стоящие на пути строительства социализма, и бороться со всеми, кто будет этому строительству мешать. Мы призываем наших товарищей по оппозиции преодолеть свои колебания и вернуться в партию.

Смирнов И. Н., Богуславский М. С.

27 октября 1929 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СТАЛИН, И.

ОБ ОППОЗИЦИИ

Статьи и речи. 1921—1927 гг.

Стр. 750. Ц. 2 р., в/п. 2 р. 35 к.

Содержание: Наши разногласия. О задачах партии. О дискуссии, о т. Рафаиле, о статьях тт. Преображенского и Сапронова и о письме т. Троцкого. Необходимое замечание. Об очередных задачах партстроительства. Заключительное слово по организационному отчету ЦК XIII съезду РКП (б) 27 мая 1924 г. Об оппозиции. Троцкизм или ленинизм? Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. К итогам работ XIV конференции РКП (б). Заключительное слово по политическому отчету ЦК XIV съезду ВКП (б). К вопросам ленинизма. Об оппозиционном блоке ВКП (б). Тезисы к XV Всесоюзной конференции ВКП (б). О социал-демократическом уклоне в нашей партии. О перспективах революции в Китае. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии. Вопросы китайской революции. Заметки на современные темы. По поводу заявления оппозиции от 8 августа 1927 г. Политическая физиономия русской оппозиции. Троцкистская оппозиция прежде и теперь.

СТАЛИН, И.

ПАРТИЯ И ОППОЗИЦИЯ

Речь на XVI Московской губернской партконференции 28 ноября 1927 г.

Стр. 27. Ц. 10 к.

Содержание: Краткие итоги дискуссии. Рабочий класс и крестьянство. Партия и диктатура пролетариата. Перспективы нашей революции. Что же дальше?

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЯРОСЛАВСКИЙ, Ем.

ПРОТИВ ОППОЗИЦИИ

Сборник статей

Стр. 328. Ц. 1 р.

Содержание: Предисловие. Партия, «Рабочая оппозиция» и «Рабочая правда». Новая оппозиция и троцкизм. Что решил XIV съезд ВКП(б). Завершенный круг. Ф. Дзержинский в борьбе с оппозицией. Новое и старое в «новой оппозиции». Новый этап фракционной борьбы оппозиции. Единство партии и XIV партконференция. ЦКК перед судом XV съезда. Партия не повторит ошибки 1920 года

ЯРОСЛАВСКИЙ, Ем.

МИСТЕР ТРОЦКИЙ

на службе буржуазии или первые шаги Л. Троцкого за границей

Издание второе, дополненное

Стр. 56. Ц. 5 к. (Распродано.)

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА: Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4, тел. 2-65-31 и 5-50-80; Ленинград, Ленотгиз, проспект 25 Октября, 28, тел. 5-34-18 и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР

Москва, 64, Госиздат «КНИГА—ПОЧТОЙ»
или Ленинград, Госиздат «КНИГА—ПОЧТОЙ»
или Казань, Госиздат РСФСР «КНИГА—ПОЧТОЙ»
или Ростов н/Д, Госиздат «КНИГА—ПОЧТОЙ»
Саратов, Госиздат «КНИГА—ПОЧТОЙ»

а в пределах Украины—Харьков, Госиздат РСФСР «КНИГА—ПОЧТОЙ» высылают книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке, немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом.

При высылке всей стоимости вперед—пересылка бесплатно.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИН, В. И.

БОРЬБА ЗА ПАРТИЮ

Сборник по Ленину.

Составил В. Залежский.

Вып. I. (Кустарничество. Экономизм. Меньшевизм.)
Стр. 209. Ц. 25 к.

Вып. II. (Ликвидаторство. Отзовизм. Богостроительство. Троцкизм. Шовинизм.)
Стр. 378. Ц. 45 к.

Вып. III. (Левый коммунизм. Троцкизм. Демократический централизм. Рабочая оппозиция.)
Стр. 136. Ц. 15 к.

ЛЕНИН

О ТРОЦКОМ И ТРОЦКИЗМЕ

Стр. 176. Ц. 20 к.

М. Ольминский. Предисловие.—1903—1907 гг. Эпоха реакции. Л. Троцкий и ликвидаторство. Мировая война. Брестский мир. Дискуссия о профсоюзах. *Приложения:* 1) Л. Д. Троцкий—Н. С. Чхеидзе. 2) Л. Д. Троцкий—М. С. Урицкому.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 ГОД НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ОРГАН АППО ЦК ВКП (б)

Руководящий журнал в области агитационно-пропагандистской работы партии и печати

В 1930 ГОДУ журнал будет печатать программно-методические указания по каждой беседе всех типов единой партийной школы, по переподготовке партработников, по учобе актива, по всем вопросам пленумов ЦК партии, конференций и съездов, пленумов ИККИ и так далее.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА «Коммунистическая революция». Журнал дает руководящие директивные статьи по вопросам политической и организационной линии в агитпропработе партии. В области руководства партпросвещением журнал ставит программно-методическое руководство, давая методические, программные указания для сети партпросвещения и для политического воспитания через систему переподготовки практических работников и систему народного просвещения.

ГОД ИЗДАНИЯ (10-й) ДЕСЯТЫЙ

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА «Коммунистическая революция». Общий. Агитпропработа в реконструктивный период. Агитпропработа в различных отраслях хозяйства. На идеологическом фронте. Вопросы культурного строительства. Массовая работа. Партийное просвещение. Организация и методика. Учоба актива, организация и методика. Наука и высшая школа. Из опыта местной работы. Программно-методические приложения.

В 1930 ГОДУ ВЫЙДЕТ 36 НОМЕРОВ, 3 НОМЕРА В МЕС.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН: на руководящие кадры агитпроп-организаторов, агитпропработников парткомитетов и ячеек, на пропагандистов всех учреждений партпросвещения и политического образования, на работников периодической печати, секретарей партячеек и зав. АППО парткомов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—7 р. 80 к., на 6 мес.—3 р. 90 к., на 3 мес.—1 р. 95 к. **ОТДЕЛЬН. № 25 к.**

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, центр, Ильинка, 3, **Госиздат, в отд. и маг. Гиза**